

« Петербургский дневник » представляет

Л. Гаврилов
А. Разживин
И. Смирнов-Охтин

У этой книги сразу три автора. Каждый по-своему, но одинаково проникновенно и взволнованно рассказывает о тех, кто храбро воевал и пережил страшную блокаду

Сборник

Повести о войне
и блокаде

Писатели на войне, писатели о войне

**Игорь Иосифович Смирнов-Охтин
Александр Евгеньевич Разживин
Лев Николаевич Гаврилов**
Повести о войне и блокаде
Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481759

*Повести о войне и блокаде. Сборник: Информационно-издательский
центр Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; Санкт-
Петербург; 2015
ISBN 978-5-91498-063-1*

Аннотация

У этой книги сразу три автора. Каждый по своему, но одинаково приоткрыто и взволновано рассказывает о тех, кто храбро воевал и пережил страшную блокаду.

Содержание

Лев Гаврилов	6
ЛЁНЬКА	8
КУХНЯ	10
БАБАНЯ	12
КОМНАТА	14
ПОЕХАЛИ	16
ПРИЕХАЛИ	17
ЗЯБИЦЫ	19
ЛЁНЬКИНЫ ХЛОПОТЫ	22
ВОЙНА	24
ПРОВОДЫ	26
ПРОЩАЙТЕ, ЛОШАДИ	28
ВРЕМЯ ПРИШЛО	29
ОТЪЕЗД	31
БОМБЕЖКА	32
НОВОСТИ	36
УНТЕР-ОФИЦЕРША	39
ЮРАША	42
ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА	44
ГОШКА	46
ЖЕЛУДИ	48
В ПЕРВЫЙ РАЗ	51
ШКОЛА	52

БОМБОУБЕЖИЩЕ	54
АСЯ	56
КАЗАРМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	59
БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ	61
БУРЖУЙКА	64
КОТЛЕТКИ ДЕ-ВОЛЯЙ	68
СОСЕДСКАЯ БАБУШКА	70
ХЛЕБ	72
НАХОДКА	74
МАМИН ВЫГОВОР	77
«КОКОСОВОЕ СЧАСТЬЕ»	81
СНАРЯД, КОТОРЫЙ ВЗОРВАЛСЯ	83
ОТЪЕЗД	86
ОПАСНЫЙ ХЛЕБ	88
ТЕПЛУШКА	91
Александр Разживин	93
МОЙ ДЕД ПОГИБ НА ФИНСКОЙ ВОЙНЕ	94
ОДИН ИЗ МНОГИХ	98
ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ...	100
НАКАНУНЕ	102
НАЧАЛО	107
МЕЖ ДВУХ ОЗЕР	109
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»	128
ЭПИЛОГ	133
БЕЛЫЕ ПЯТНА БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД	136
ОЧЕРК	136

ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОД МЯСНЫМ БОРОМ.	137
О ЧЕМ НЕ ПИШУТ В УЧЕБНИКАХ, ИЛИ НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА	139
ПРЕДЫСТОРИЯ ОПЕРАЦИИ	145
НАСТУПЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ	152
СПАССКАЯ ПОЛИСТЬ	155
РАЗВЕДКА БОЕМ	165
МЯСНОЙ БОР	170
ИТОГ	207
Игорь Смирнов-Охтин	217
ШКОЛА СУДЕЙ	217

Лев Гаврилов, Игорь Смирнов-Охтин, Александр Разживин Повести о войне и блокаде

Лев Гаврилов ЛЁНЬКИНА ВОЙНА

Посвящаю дочери Марине

Эту книгу о ленинградской блокаде написал житель блокадного Ленинграда – известный писатель, поэт, сатирик Лев Гаврилов. Просто, без пафоса, но с большой выразительной силой рассказал он о взрослых и детях, чья жизнь могла оборваться в любой момент от фашистских снарядов и мучительного голода. Нечеловеческие страдания не могли убить в них совесть, благородство, сострадание, любовь, чувство дружбы.

Главный герой повествования – обыкновенный мальчишка с острова Голодай. Ему вместе с мамой пришлось пережить в огненном кольце самые жуткие месяцы, пока их не эвакуировали через спасительную ледовую трассу Ладож-

ского озера.

ЛЁНЬКА

Лёньке десять лет. У него на носу веснушки, на лбу челка, глаза серые, уши враспырку и всегда обветренная нижняя губа. Живет Лёнька на Голодае. В трехкомнатной коммуналке с мамой, папой и девятью соседями. Лёнькина мама – научный работник. Она или что-нибудь читает, или что-нибудь пишет, или бежит из комнаты в кухню и оттуда кричит, что опять все пригорело или опять все выкипело.

А Лёнькин папа – электрик. Он ничего не читает и ничего не пишет. Он или курит, или играет на мандолине, или ходит с Лёнькой в баню. Потому что в квартире есть ванная комната, но нет ванны и нет горячей воды.

– А зачем нам ванна, – говорит Лёнькин папа, – если до бани доплюнуть можно?

И Лёнька с ним согласен. Нет ванны – и не надо.

Зато у Лёньки есть обруч с водилой из толстой проволоки, самокат со скрипом, мяч и двухколесный велосипед с цепной передачей.

А еще у Лёньки есть Гошка из второй парадной. Друг на всю жизнь.

Гошка живет с мамой и бабушкой, а его папа геройски погиб на войне с финнами.

А в новом, 1941 году на Лёньку упала елка с мандаринами, конфетами и игрушками. Соседка тетя Варя сказала, что это

плохая примета. А Лёнькина мама ответила, что это Лёнькин папа плохо сколотил крест для крепления елки и приметы здесь ни при чем.

А еще в этом году Лёнька закончил третий класс и ждет, что вот-вот наступит тот день, когда он уедет на все лето в Зябицы.

КУХНЯ

И этот день наступил, но получился какой-то суматошный.

Мама прибежала из комнаты в кухню, что-то говорила Бабане, убежала, потом прибежала снова и опять что-то говорила.

А Бабаня молчала. Она разжигала примус.

Лёнька тоже молчал. Он сидел на табуретке у холодной батареи отопления и молчал.

А вокруг него была кухня. Замечательная квадратная десятиметровая кухня на три семьи. С бетонным полом, с тремя столами, внутри которых скрывалась всякая всячина, Лёньке неизвестная. Над столами нависла полка с кастрюлями, сковородками, мисками и всякими дуршлагами.

А еще на кухне были железная раковина и медный кран. Имелась на кухне дровяная плита. А над нею в стене – дырка. Для самоварной трубы.

Под окном кухни, под его подоконником, находился холодильный ящик. Назывался он холодильным потому, что в нем тоже была дырка. Зимой через эту дырку в ящик проникал мороз, а летом в нем было прохладно, так как окно выходило на север и дырка тоже выходила на север. В этом ящике хранили продукты.

Так вот, Лёнька сидел на кухне и ждал, когда же эта сума-

тоха закончится: мама перестанет бегать туда-сюда, а Бабаня наконец-то разожжет примус, хотя это дело непростое.

БАБАНЯ

Бабаня тоже была замечательная. Во-первых, она сестра Лёнькиного деда и, значит, маме приходилась тетей, а Лёньке – двоюродной бабушкой. Звали ее Анна Ивановна. Лёнька упростил бабушку Аню до Бабани. И все. Никто не спорил. Потому что было это в далеком детстве, а теперь ему уже десять лет. Во-вторых, Бабаня виновата в том, что Лёнька родился в Казани, а не в Ленинграде: когда-то в Бабаню влюбился государственный человек. Это когда она была молодая, красивая и политически грамотная. А вскоре его вдруг назначили председателем Совнаркома одной республики. Он уехал в Казань и увез с собой Бабаню. А потом туда приехала Лёнькина мама учиться на химика в Казанском университете. Ну, училась бы и училась. Но она встретила там Лёнькиного отца. А все знают, что от таких встреч бывает. Поэтому Лёнька родился в Казани.

Но, как говорится, учиться и баинькать детей трудно. Мама вернулась в Ленинград, вверила Лёньку бабушке с дедушкой, а сама перевелась в Техноложку, где опять училась на химика.

А Бабанин человек привез из командировки в Германию дамочку – немку. Он сказал Бабане, что у них с дамочкой любовь, а значит, Бабаня пусть катится обратно в Ленинград на свою Гончарную улицу. Бабаня укатилась, а в 1937 го-

ду узнала, что ее бывшего расстреляли за шпионаж в пользу Германии. Расстреляли вместе с дамочкой. Лёнька, когда услышал эту историю, подумал: «Так ему и надо! Не обижай Бабаню!»

КОМНАТА

Так вот, Лёнька сидел на табуретке, Бабаня наконец-то разожгла примус, мама поставила на него кастрюлю с супом, убавила коптящую керосинку и стала объяснять Бабане, куда она поедет с Лёнькой на все лето: сначала на трамвае до вокзала, потом на дачном поезде надо доехать до Волосово. Там Бабаню и Лёньку встретит Ионыч, и на лошади они поедут до Зябиц.

Лёнька тихонько хихикнул, представив себе, как Бабаня, Ионыч и он едут верхом на одной лошади.

Мама посмотрела на Лёньку, сказала:

– Ничего смешного нет.

И пригласила в комнату перекусить на дорожку.

И они пошли в комнату. Комната тоже была замечательная. Похожая на самоварную трубу. Вернее, на сапог. В ней целых 12 метров. Вместе с Лёнькиным закутком. Он был похож на ту часть самоварной трубы, что втыкается в дырку над дровяной плитой. В Лёнькином закутке стояла его кровать с пружинным матрасом, невысокий столик упирался в стенку, а стул обычно упирался спинкой в стол. В остальной части комнаты с трудом разместились комод, родительская кровать, шкаф, стол и два стула. Вот и все. Больше ничего не поместилось. Эти 12 метров мама называла дворцом имени Романыча. А Романыч – это Лёнькин отец. Его все так звали.

Уважительно: Романыч.

ПОЕХАЛИ

И вот суматошная часть дня закончилась. Они перекусили, после чего Бабаня сказала:

– Вера, приезжай ко мне на Гончарную, я научу тебя готовить. А то...

Мама усмехнулась, но ничего не сказала, и они поехали.

В трамвае Лёнька сидел у окна. Трамвай был замечательный. Назывался «американка». В нем двери закрывались сами, и нельзя было ездить на подножке, как в старых трамваях. А можно только на «колбасе» последнего вагона.

До вокзала ехали молча. Бабаня только пожаловалась:

– Ты чем набила чемодан? Мне же его не поднять.

Мама ответила, что в вагон она его затащит, а там встретит Ионыч.

– А если не встретит?

Мама пожала плечами, и они пошли на вокзал.

В дачном поезде Лёнька тоже сидел у окна. И Бабаня сидела у окна. Напротив.

Лёнька думал о том, как здорово он проведет каникулы.

О чем думала Бабаня, Лёнька не знал. Наверное, о том, встретит их Ионыч или нет.

ПРИЕХАЛИ

Ионыч их встретил. Он схватил чемодан, крикнул и потащил к председательской бричке.

Лёнька сразу узнал высокую белую лошадь. Звали эту лошадь Хозяйка. Конечно, председатель колхоза не дал своего Гнедого, и Ионыч запряг Хозяйку. Она и впрямь считалась хозяйкой в конюшне. Возила воду в большой бочке, возила сено, овес и все, что требовалось лошадям в конюшне. Поэтому и Хозяйка.

Лошадь узнала Лёньку и заржала вполголоса. Лёнька достал из кармана притыренный кусок булки и протянул Хозяйке. Лошадь мягкими губами вежливо взяла булку с Лёнькиной ладони. Она жевала и благодарно кланялась.

– Ну, кончай миловаться, поехали, – сказал Ионыч и хлопнул вожжами по спине Хозяйки. Она не обиделась и неспешно пошагала в сторону Зябиц. Она всегда не спешила. А Бабаня через каждый километр спрашивала:

– Далеко еще?

– Далеко еще, – отвечал Лёнька.

Хозяйка дошла до дома Ионыча, когда стемнело. Ионыч с трудом затащил чемодан в сени, а тетя Вера, жена Ионыча, приветствовала Бабаню и Лёньку словами:

– Ну, вот и вы! Идите скорей, а то драчена остынет.

Лёнька собирался поехать на конюшню помочь распрячь

Хозяйку, но как услышал про драчену, передумал. Потому что драчена у тети Веры замечательная!

– Ух ты! – сказал он восторженно, радуясь, что суматошный день заканчивался просто прекрасно. Драчена была знатная, молоко горячее, а хлеб тетя Вера сама испекла в русской печи. И масло сбивала сама из сливок. Мутовкой из срезанной верхушки молодой елки.

После еды тетя Вера пошла устраивать Бабаню, а Лёньку послала на сеновал, где ему уже была готова постель. Сено было прошлогоднее, колючее и чуть прелое.

Лёнька улегся на матрас, слушал, как вздыхает внизу корова Зорька, как толкаются овцы, и смотрел в окошко на небо. Оттуда заглядывала луна и подмигивали звезды. Лёнька тоже подмигнул звездам и любопытной луне и заснул сном счастливого человека, у которого начинались каникулы.

ЗЯБИЦЫ

Бабаню в Зябицах тамошние женщины насмешливо прозвали барыней. После завтрака она выносила стул, ставила его у крыльца, садилась, раскрывала цветастый зонт от солнца и читала книгу без картинок.

А Лёнька просыпался в четыре часа утра, потому что тетя Вера доила Зорьку, потом выпроваживала корову и овец за ворота, в стадо, которое пастух хлестким кнутом прогонял мимо дома Ионыча в сторону леса.

Дом Ионыча был последним в Зябицах. Объяснялось это очень просто. Ионыч долго был единоличником. Обосновал свой хутор и вступить в колхоз не хотел. Но, как говорили в Зябицах, потом он испугался, что его раскулачат, и попросился в колхоз с тремя лошадьми. Его из-за этих лошадей и приняли. Лошадей определили в колхозную конюшню, а Ионыча назначили конюхом.

Дом Ионыча был добротный, привезенный с хутора, а крыша – соломенная. У всех в деревне крыши покрыты дранкой, а у Ионыча – соломенная. Даже Лёнька колол короткие полешки на дранку. Но ее все равно не хватало на всю крышу. А частями крышу крыть нельзя – так говорил Ионыч.

Когда соседка тетя Варя предложила отправить Лёньку в деревню Зябицы в первый раз, мама спросила: «А большая

деревня?»

Тетя Варя ответила, что дворов пятьдесят, не больше.

Лёньке такой ответ совсем не понравился: как это пятьдесят дворов? А дома-то где? Он даже хотел отказаться ехать в бездомные Зябицы. Но мама его успокоила, объяснив, что двор – это дом и земельный надел. Вот.

А деревня оказалась замечательной. Она начиналась от дороги в Теглицы и широкой улицей уходила вправо. Посреди деревни стоял большой пожарный сарай. Лёнька знал, что в пожарном сарае есть телега с большой бочкой и насосом, похожим на детские качели. А еще в деревне была каменная рига, где хранилось колхозное сено. За домами располагалась колхозная конюшня.

В конюшне вместе с другими лошадьми жила Хозяйка. А на скотном дворе кроме коров обитал здоровенный бык по кличке Борька. Этот бык всегда с подозрением смотрел на Лёньку, и он его побаивался.

Когда Бабаня спросила маму перед отъездом, есть ли в Зябицах река, мама сказала, что нет, и Бабаня облегченно вздохнула:

– Вот и хорошо, а то в речке утонуть можно, – и посмотрела на Лёньку.

И мама посмотрела на Лёньку. Лёнька понял мамин взгляд и не проговорился Бабане о зябицких прудах. В этих прудах купаются не только местные ребята, но и взрослые. Причем все купаются в голом виде. Но знать об этом Бабане

не обязательно.

А еще в Зябицах был небольшой магазинчик – сельпо. Там продавали всякую всячину, кроме булки. А еще не было в Зябицах электричества и водопровода.

– Подумаешь, – сказала на это Бабаня, – зато люди хорошие.

ЛЁНЬКИНЫ ХЛОПОТЫ

Первые недели Лёнька помогал Ионычу по конюшенным делам: ездил с Хозяйкой за водой на ближний пруд, убирал навоз, смотрел, как Ионыч ремонтирует хомуты и другие детали упряжи. Ионыч протыкал стыкуемые куски кожи широким шилом и протягивал через дырку тонкий сыромятный ремешок, сшивая те места, где требовалось.

Указательный палец правой руки Ионыча был, как он говорил, негибучим. Он торчал, мешая Ионычу работать.

Деревенские мальчишки передавали Лёньке слова взрослых, будто Ионыч сам повредил себе палец, чтобы его не взяли на войну в 1914 году, а всем сказал, что это лошадь наступила копытом.

Лёнька этому не верил, но и не спрашивал Ионыча, правда ли это. Хотя очень хотелось спросить.

Несколько раз Лёнька ходил с тетей Верой полоть картофельное поле. Это поле заросло желтыми цветочками. Их называли бутками.

Когда Лёнька показал такой цветок Бабане, она спросила:
– Что это?

Лёнька ответил:

– Бутка.

Бабаня покачала головой и сказала, что будка – это где собаки живут, а это называется сурепка. Но Лёнька знал, что

такое репка, правда без су-, и с Бабаней не согласился. Бутка и есть бутка.

А еще Лёнька сгребал сено на конных граблях, отвозил с Хозяйкой бидоны с налоговым молоком в Местоново, и еще много чего.

А любимым делом Лёньки было ночное. Бабане вовсе не нравилось, когда он уходил из дома на всю ночь. Но Ионыч ее убедил, что ничего страшного нет, и она ему поверила.

Ночное – это замечательное дело! Лошадей отгоняли за деревню, в поле, стреноживали передние ноги путами, чтобы не разбежались кто куда, и они отдыхали после трудового дня, каждая по-своему. А Лёнька и Ионыч ложились на расстеленный овчинный тулуп и смотрели то на лошадей, то на небо. Ионыч, человек неразговорчивый, однажды вдруг спросил Лёньку:

– А как ты считаешь, Леонид, будет война с немцами или нет?

– А война – это как? – спросил Лёнька.

Ионыч промолчал.

Лёнька смотрел на темное небо и думал о войне. Он знал, что война – это когда побеждают наши, а враги бегут, бегут, бегут...

ВОЙНА

Время летело незаметно. О войне в Зябицах, кроме Ионыча, Лёньке никто не говорил. Даже Бабаня. И вдруг – война!

Тетя Вера плакала, а Бабаня ее успокаивала:

– Ну подумаешь немцы! Дадут им под зад как следует – и вся война. Через неделю все кончится.

Ионыч послушал Бабаню, крикнул и позвал Лёньку на конюшню.

По дороге он качал головой и жаловался Лёньке:

– Заберут коней, как есть всех заберут...

– Куда? – не понял Лёнька.

– На войну, куда же еще. Эх, проклятое время!

Вечером, уходя из конюшни, Ионыч погладил каждую лошадь и что-то шептал им в уши. Лёнька тоже гладил лошадей, но не шептал, потому что не знал, о чем надо шептать. Поэтому спросил Ионыча:

– А что вы им шептали?

– Чтобы выжили. Да навряд ли... Война, Леонид, – это штука жестокая.

Дома их встретила Бабаня. Она сердито объявила Лёньке, потрясая перед его носом телеграммой:

– Она требует, чтобы мы немедленно ехали домой!

– Кто? – устало спросил Лёнька. Ему было жаль лошадей, а остальное его интересовало мало.

– Кто, кто, – повторила Бабаня, – твоя мамочка! С ума она сошла, что ли? Из-за чего паника? Как будто мы немцев никогда не били!

Ионыч посмотрел на Бабаню и хмуро сказал:

– Война – штука жестокая. Мать Леонида дело пишет.

Надо ехать.

– И не подумаю, – махнула телеграммой Бабаня.

Лёнька допил кружку холодного молока, доел большой кусок мягкого тетивериного хлеба. Посмотрел, как подрагивает огонь в керосиновой лампе, и полез на сеновал. Уезжать ему тоже не хотелось. Он лежал и думал о войне.

А ночью ему приснился товарищ Сталин: на белом коне, в черной бурке, как у Чапаева, в фуражке со звездой и саблей в руках. Он рубил немцев направо и налево. Порубал всех, и война кончилась.

Но это было во сне.

ПРОВОДЫ

А наяву все мужчины деревни получили повестки из военкомата. Все получили, кроме хромого председателя и Ионыча.

Провожали мужчин женщины, пацаны, девчонки и Лёнька.

Гармонист, вихрастый Минька, шел в первом ряду и наяривал на гармошке веселую частушечную музыку. За плечами его была полупустая котомка. Минька шел в цветастой рубашке, отглаженных брюках и босиком. А на носу у Миньки сидел большой прыщик.

Лёнька ткнул в бок идущего рядом пацана:

– Серый, а чего это Минька на войну босиком, а?

Серый, не глядя на Лёньку, буркнул:

– А он сказал, что на войне его обуют.

Мужчины шли молча, нетрезво усмехаясь, женщины плакали, пацаны шли рядом с отцами, такие гордые, как будто это они шли на войну.

А вокруг Миньки плясала хохотушка Зойка. Она размахивала белым платочком и пела:

Я прощаюсь с гармонистом,

Он уходит на войну.

Бей, красивый мой, фашистов

И вернись на родину.

Музыка звучала веселая, частушки задорные, но Лёнке почему-то не было весело.

А Зойка не унималась:

Пусть фашистов будет тыща,

Если сунутся сюда

И увидят Минькин прыщик,

Разбегутся кто куда!

ПРОЩАЙТЕ, ЛОШАДИ

Дошла очередь и до лошадей. Им тоже пришла повестка. Одна на всех. Лёнька и Ионыч провожали их на войну. Впереди верхом на Хозяйке ехал Лёнька, а позади всех лошадей – Ионыч в председательской бричке.

Запрягая Гнедого, он жаловался Лёньке:

– Хоть бы Хозяйку оставили, а то беда. Бричку тащить придется. Лошади шли понутив головы, словно чувствовали, что отправляются на опасное дело. Только низкорослая кобыла по кличке Калмычка била себя хвостом по бокам и порой подпрыгивала на ходу.

– Чего она радуется? – удивлялся Лёнька.

Ветеринар в военной форме с одной шпалой в петлицах забраковал Хозяйку (по старости) и Калмычку (у нее оказалась чесотка). Ионыч получил какие-то лекарства и строгий приказ: вылечить кобылу и вернуть.

Грустный Ионыч и Лёнька возвращались в Зябицы. Хозяйка неспешно везла бричку, а Калмычка на привязи нехотя брела за бричкой. Обиделась, наверное, что ее не взяли на войну.

На весь колхоз оставалась одна Хозяйка.

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Через некоторое время на фронт отправляли зерно. Все для фронта – все для победы! Лёнька даже пытался дотащить до полуторки мешок с зерном. Однако только насмешил Зойку, потому что мешок оказался таким тяжелым – жуть просто! Зойка посмотрела на Лёнькины мучения и предложила:

– Ну, давай-ка вдвоем.

И они потащили мешок к машине, около которой председатель и Ионыч забрасывали мешки в кузов.

– Когда твоя барыня собирается уезжать? – спросила Зойка, вытирая концами платка пот.

– Она не барыня, – рассердился Лёнька, – она была женой председателя Совнаркома.

– Да ну? – удивилась Зойка. – И что?

– А ничего, – буркнул Лёнька, – расстреляли его.

Зойка вдруг стала совсем серьезной. Она погладила Лёнькину челку и даже извинилась:

– Не сердись, я же не знала.

По дороге к дому Лёнька думал о том, что есть все-таки польза от изменщика – председателя Совнаркома. Не будут в Зябицах звать Бабаню барыней.

Когда до Зябиц дошел слух, что где-то недалеко высадился немецкий десант, Бабаня помрачнела, но не сдалась. Те-

леграммы Лёнькиной мамы она складывала в ридикуль. Так она называла большой кошелек для всяких дамских вещей, документов и денег. Но в день, когда Ионыч позвал Лёньку за курятник и попросил помочь выкопать яму, Бабаня увидела, как в эту яму Ионыч и тетя Вера укладывают ящики от комода с вещами, накрывают их клеенкой и засыпают потом землей. И она сдалась.

– Вижу, что надо уезжать, – сказала она грустно, – собирайся, Лёня.

ОТЪЕЗД

Утром тетя Вера разбудила Лёньку:

– Вставай, Ионыч уже приехал.

Бабаня и Лёнька наскоро позавтракали, и в председательской бричке Хозяйка повезла их в Волосово. Теперь Бабаня не спрашивала: «Далеко еще?» На станции никаких дачных поездов не было. Бабаня решительно пошла узнавать, где покупают билеты.

– Какие билеты?! – рассердился дядька в железнодорожной фуражке с красным верхом. – Какие билеты? – повторил он. – Вон стоят три платформы, – это последнее, что пойдет до Гатчины.

Спешите, а то скоро отправятся.

И они поспешили к необычному поезду.

Лёнька и Ионыч помогли Бабане залезть на платформу, закинули туда чемодан, зонт и ридикюль.

Потом Лёнька по-взрослому пожал Ионычу руку с негибучим пальцем, помахал тубетейкой Хозяйке и залез на платформу. Как только Лёнька сел на чемодан, паровоз, словно по сигналу, свистнул, и они поехали.

– Надо же, как удачно, – сказала Бабаня, – раз, два – и тронулись.

БОМБЕЖКА

На трех платформах, что составляли поезд, сидели и лежали женщины и дети. Тащил платформы паровозик, из трубы которого валил черный дым.

Женщина, соседка на платформе, сообщила, что это последний состав. Больше не будет. Немцы близко.

Бабаня достала из чемодана платок, накинула на голову и подвязала по-деревенски, под подбородком. Потом она заставила Лёньку надеть свитер. Чемодан они поставили на ребро, поперек ветра, и сели на пол платформы спиной к паровозу.

Лёнька осмотрел пассажиров и пришел к выводу, что на платформе только женщины и мелкота дошкольная, причем большинство с бантиками.

Бабаня разговаривала с соседкой. Женщина куталась в теплый платок, а на голове у нее была шляпка с красной розочкой. Разговор женщин Лёнька не слушал. Он стал смотреть на небо. Оно было синее-синее, а по нему лениво плыли белые облака. Одно облако напоминало верблюда. Голова, два горба, всего две ноги и хвост, который летел отдельно от верблюда и никак не мог его догнать. Лёньке стало интересно, догонит хвост верблюда или нет. И вдруг из головы верблюда вывалился самолет. Он начал падать прямо на платформу.

– Немец! – ахнула соседка. – С крестами!

И тут Бабаня приказала Лёньке лечь вдоль борта платформы, поставила чемодан на ребро рядом с Лёнькой и легла на чемодан и на борт, закрыв Лёньку от всего на свете.

– Лежи, – прошептала она, – и не дрейфь. Пусть лучше меня убьет этот фашист, чем твоя мамаша.

Лёнька лежал и ничего не видел, а только слышал нарастающий гул самолета. Когда бабахнуло в первый раз, Бабаня побледнела, а когда бабахнуло во второй раз, Бабаня вздрогнула и закрыла глаза. А когда что-то вжикнуло и в борту образовалась дырка, Лёнька сразу догадался, что по ним стреляют. Он хотел сказать об этом Бабане, но она лежала с закрытыми глазами, как мертвая.

И вдруг самолетный гул начал удаляться.

– Улетел, улетел! – услышал Лёнька.

И тут Бабаня открыла глаза и хриплым голосом сообщила:

– Леонид, вылезай, в меня, кажется, попала бомба. Она у меня на спине. Сбрось ее за борт. Только осторожно.

Лёнька выбрался из-под Бабани. Самолет уже скрылся из виду, а на Бабаниной спине лежал ком земли. Большой. С Лёнькин мячик. Лёнька снял его и показал Бабане.

– Слава богу, – прохрипела Бабаня, – а я думала, это бомба. Выброси...

Лёнька выбросил, а Бабаня решила слезть с чемодана и борта, но чемодан упал, на него рухнула Бабаня, и Лёньке пришлось помочь ей сесть.

Он поставил чемодан на ребро, отряхнул землю с Бабаниной спины, уселся сам спиной к паровозу и посмотрел на соседку. Она сидела спиной к борту, голова склонилась на грудь. А шляпка съехала на лоб.

– Чего это с тетенькой, – спросил Лёнька, – может, в нее попали? Бабаня посмотрела на соседку, поправила ей шляпку и вдруг шлепнула ее ладошкой по щеке. Соседка вздрогнула, вздохнула, открыла глаза и сказала:

– Что это со мной? Я так испугалась.

– Я тоже, – успокоила соседку Бабаня. – Это у вас был обморок. И все.

Выяснилось вскоре, что на платформе все живы. На соседних вроде тоже, хотя и спрашивали: «Нет ли у вас на платформе врача?»

Так и доехали до Гатчины, без потерь, если не считать Лёнькину тубетейку, которая улетела в неизвестном направлении, когда Лёнька помогал Бабане принять сидячее положение, после того как в нее попала «бомба».

От Гатчины ехали в вагоне дачного поезда. Бабаня всю дорогу просила Лёньку не говорить маме о бомбежке. Лёнька пообещал маме ничего не говорить, а сам думал о том, как он будет рассказывать лучшему другу Гошке именно о бомбежке. А о чем же еще?

Бабаня сдала Лёньку маме и сразу заторопилась на свою Гончарную.

– Ты хоть чаю попей, – уговаривала ее мама.

– Нет-нет! Надо спешить. Приезжайте на блины. На ночь тесто заквашу, – пригласила их Бабаня и, многозначительно посмотрев на Лёньку, уехала.

Мама обняла Лёньку и вдруг заплакала.

– Ты чего плачешь? – прошептал Лёнька. – Все же хорошо. Лучше расскажи, как тут у вас в городе, какие новости.

НОВОСТИ

Мама перестала плакать и прошептала:

– Что же вы так долго не приезжали? Я извелась вся. У меня и есть нечего. Никого нет, я и не готовлю. Будем пить чай с сахаром. Согласен?

Лёнька попросил маму открыть чемодан и достал из него завернутую в непромокаемую бумагу драчену.

– Это тетя Вера нам на дорогу положила, – сказал он гордо, – а мы про нее забыли из-за этой... Лёнька чуть не брякнул про бомбежку, но вовремя захлопнул рот ладошкой, чтобы не выдать Бабаню.

Но мама так обрадовалась драчене, что не обратила внимания на Лёнькин жест. Она разрежала драчену на четыре части, и они стали пить чай. Лёнька откусывал кусочек драчены, потом брал в рот кусочек сахара, запивал это глотком горячего чая и слушал мамины новости. А новостей оказалось много.

Оба соседа ушли на фронт. Муж тети Вари – красноармеец-пулеметчик, а Полинин муж – командир с двумя красными кубиками в петлицах.

– А папа? – спросил Лёнька.

– А папу на фронт не пустили.

– За что? – обиделся Лёнька.

– Не за что, а почему, – поправила Лёньку мама. – Папу

оставили на заводе и назначили начальником штаба МПВО завода.

– А начальник – это тоже командир? – спросил Лёнька и вспомнил, что на фотографии у отца в петлицах было три треугольничка.

Это когда он служил в Красной армии.

Мама кивнула и на вопрос, где же папа, объяснила, что МПВО – это местная противовоздушная оборона, а потому папа находится на казарменном положении. То есть он и днем и ночью должен быть на заводе.

Лёнька обрадовался: он подумал, что папа будет стрелять из пушки по фашистским самолетам. Но мама покачала головой и перешла к другим новостям.

К Полининым детям приехала бабушка, а уехать не может. Ее город заняли немцы. Бабушка спит на кухне, на плите. Потому что в комнате она не поместилась.

А еще теперь в магазинах все продают по карточкам. Без них ничего купить нельзя.

– Даже конфеты? – удивился Лёнька.

Мама вздохнула и показала Лёньке продуктовые карточки с талончиками на хлеб, крупу, жиры и сахар.

Мама положила на стол карточку на хлеб и велела Лёньке завтра выкупить хлеб и поехать с ним к тете Мане.

– Она тебя покормит, – сказала мама, – а вечером я что-нибудь придумаю.

На этом новости кончились, и Лёнька вдруг почувствовал,

что очень устал. Он улегся на свою кровать с пружинным матрасом и сразу уснул. И ничего ему не приснилось. Потому что кто устал, тому ничего присниться не может.

УНТЕР-ОФИЦЕРША

Тетя Маня – родная сестра Лёнькиной мамы. Лёнька в детстве звал ее Малеей, а теперь называет тетей Маней. Потому что вырос. Вот.

А тетя Маня весело называет себя унтер-офицершей, хотя ее муж – двухшпальный командир Красной армии. Но когда она в него влюбилась, он был унтер-офицером и георгиевским кавалером в царской армии. Это во время войны 1914 года.

Жила тетя Маня с мужем и сыном Юрашей в большой-большой комнате. В большой-большой коммунальной квартире. Соседей было так много, что Лёнька их даже не считал. Тетя Маня встретила Лёньку, и они пошли по длинному коридору в комнату.

В большой-большой тетиманиной комнате помещалось так много всяких вещей, что Лёнька удивлялся: зачем столько шкафов, стульев и всякого другого? Посредине комнаты стоял большой квадратный стол, над ним висела лампа под желтым абажуром. У одной стены стоял диван, у другой – кровать. А еще в комнате стоял стол с чернильницей, крышка которой была в виде красноармейской буденовки. Стол называли письменным, и Лёнька иногда раскрашивал за этим столом нарисованных Юрашей красноармейцев. Юраша вырезал их из бумаги сразу по пять в ряд и объяснял

Лёньке, в какой цвет красить форму красноармейцев.

Между окон в комнате стоял комод, покрытый кружевной скатертью. Над комодом висело зеркало, а рядом с ним висели необыкновенные часы. Это кроме тех, которые с боем, над письменным столом.

Про эти часы Лёнька знал замечательную историю. Такие часы извозчики-лихачи вешали на толстом шнуре себе на спину, чтобы седок мог видеть, что его доставили на место в оговоренное время. Часы и сегодня висели на толстом шнуре, и весу в них было не меньше кило.

Так вот, давным-давно, еще до революции, Лёнькин дед пошел на станцию с этими часами, чтобы поставить на них точное время. За ним увязалась собачонка – как о ней говорили, маленькая, черненькая, хвост крючком.

На станции собачонка стала лаять на жандарма, а тот сапогом спихнул ее под поезд. Дед раскрутил на шнуре часы и хлопнул ими по жандармской голове. Жандарм остался жив, а деда посадили в тюрьму, где он сидел до самой революции. Вот такой замечательный был у Лёньки дед.

В комнате Лёнька первым делом подошел к комоду. Он потрогал знаменитые часы, заглянул в зеркало и сел за стол. Тетя Маня села напротив и спросила:

– Что это у тебя?

– Хлеб, – ответил Лёнька, – мама велела прийти с хлебом.

– Понятно, – вздохнула тетя Маня. – Ты позвонил – я думала, Юраша пришел, а это ты. Он с первого дня на фронте

– и никаких весточек.

Тетя Маня подперла щеку кулаком и заплакала.

В это время дверь открылась и вошел военный с винтовкой.

– Юраша! – вскрикнула тетя Маня и кинулась ему навстречу.

ЮРАША

Юраша – это Лёнькин двоюродный брат и тетиманин сын. Он самый лучший Лёнькин защитник во дворе. Потому что когда старшие мальчишки во дворе отбирали у Лёньки двухколесный велосипед с цепной передачей, он пожаловался Юраше, тот приехал и в два счета навел порядок. С тех пор никто у Лёньки велосипед не отбирал, а просили покататься. А ему жалко, то ли? А еще Юраша здорово рисовал красками. В комнате висела его картина: Чапаев скачет на белом коне, в черной бурке, в черной папахе, с саблей, а над ним облака. Вот такая замечательная картина.

Тетя Маня долго обнимала и целовала Юрашу. Наконец она его выпустила из своих объятий, и Юраша погладил Лёнькину челку и сказал:

– Здорово, братишка.

На вопрос, откуда и надолго ли, Юраша ответил коротко:

– Из окружения. На три часа. Побреюсь, помоюсь, поем, посплю часик – и в военкомат. А потом куда пошлют.

Тетя Маня засуетилась, а Лёнька вдруг понял, что ей не до него. Он тихонько вышел из комнаты и поехал к себе на Голодай. К лучшему другу на всю жизнь – Гошке.

Только в Гошкиной парадной он вспомнил, что забыл хлеб на тетиманином столе. Ну и что? Может, это и хорошо, раз Юраша вернулся!

И тут завывла сирена.

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

Когда Гошка открыл Лёньке дверь, раздался серьезный голос, который несколько раз повторил: «Воздушная тревога!» Гошка выскочил на площадку и крикнул:

– Привет от старых штиблет! Ты откуда? – и, не дождав-шись ответа, добавил: – Давай на крышу!

– Зачем? – удивился Лёнька.

– Давай скорей, может, бой увидим, – и они побежали вверх по лестнице, на чердак.

На чердаке стояли большая железная бочка с водой и большой ящик с песком. А в ящике лежали железные клещи с длинными ручками.

– Это зачем? – спросил Лёнька.

– Вода – от пожара, песок и клещи – для зажигалок, – объ-яснил Гошка. – Давай скорей на крышу, а то не успеем.

На крыше они встали около кирпичной трубы и стали ис-кать в небе самолеты. Но самолет был всего один. На фоне синего неба он был хорошо виден. А вокруг него появлялись и пропадали маленькие белые облачка.

– Разведчик, – сказал Гошка. – А зенитки, видишь, мажут, попасть не могут.

И Лёнька понял, что маленькие облачка – это разрывы снарядов. «Хоть бы попали», – подумал Лёнька, и тут что-то свистнуло около уха и глухо ударило в трубу. Гошка быстро

нагнулся, поднял это что-то и сообщил:

– Еще горячий, потрогай, – и положил на Лёнькину ладонь горячий кусок белого металла.

– А что это?

– Осколок от зенитного снаряда, – Гошка посмотрел на Лёньку и посерьезнел, – еще чуть-чуть – и был бы ты с дыркой в голове.

Лёнька спрятал осколок в карман и решил маме не говорить, что наши зенитчики чуть-чуть не пришибли его своим осколком.

Немецкий самолет-разведчик улетел несбитый, и Лёнька пошел к Гошке.

ГОШКА

Гошка был курносый, рыжий и весь в веснушках. Гошкина мама работала в пятой столовой. Она так называлась – пятая. По выходным Лёнькина семья в полном составе приходила обедать в пятую столовую, и Гошкина мама всегда их обслуживала. А вот Гошкина бабушка нигде не работала. Она помогала воспитывать Гошку, убиралась в комнате, готовила еду и ходила в церковь на Смоленское кладбище. Там она молилась и просила Бога, чтобы он помог вернуться ее сыну – Гошкиному отцу. Потому что не верила, что его убили на войне с финнами, и надеялась, что он в плену.

Комнатка, где жил Гошка, тоже была маленькая, поэтому бабушкина кровать в ней не поместилась, и бабушка спала на топчане в ванной комнате, в которой, как и у Лёньки, ванны не было. Когда бабушка уходила в церковь, Гошка и Лёнька забирались на ее топчан, покрытый покрывалом в цветочек, доставали заветную бабушкину книгу под названием Библия и рассматривали картинки.

Когда Лёнька с Гошкой спустились с крыши, раздалась музыка и серьезный голос объявил: «Отбой воздушной тревоги».

Бабушка встретила их на пороге, сказала, что она уходит, и посоветовала не бить баклуши, а сходить на лютеранское кладбище да набрать желудей.

– Я из них в восемнадцатом году такой кофе готовила!
Блеск!

– сказала она на прощанье.

А потом Лёнька рассказал Гошке про бомбежку, а Гошка сообщил о бомбе, что угодила в женское общежитие фабрики Желябова.

ЖЕЛУДИ

Лютеранское кладбище пряталось за забором сразу за желтым домом, где аптека. Прямо напротив аптеки в заборе кто-то проделал дыру. Через эту дыру можно было запросто проникнуть на кладбище. Это кладбище называли немецким, потому что там хоронили немцев с давних времен.

Когда Лёнька и Гошка отправились за желудями, к ним подошел Вовка из третьей парадной и сказал, что тоже хочет набрать желудей.

– А тебе-то зачем? – спросил Гошка. – Кофе варить или из рогатки стрелять?

А Вовка принял важный вид и нехотя ответил, что желуди на что-нибудь, да пригодятся.

На кладбище высились старые дубы. Говорили, будто им лет по сто. А может, и больше. Самый развесистый рос около «овечки». Так называли надгробие, которое украшали скульптуры девушки, юноши, собаки и овечки. Потому и называли «овечкой».

Гошке кто-то рассказал, что девушке из богатых не разрешили выйти замуж за голодаевского пастуха. Девушка расстроилась, пастух тоже, они бросились в залив и утонули. А потом выяснилось, что это могила богатой, старой и одинокой женщины, что девушка и юноша – это любовь, собака – верность, а овечка – кротость. Когда Лёнька и Гошка узна-

ли эту историю, так даже расстроились. Пастух и девушка им нравились больше, чем богатая старуха с ее аллегориями. Что это называется аллегорией, сказала мама. Около «овечки» рос здоровенный дуб, на его нижние ветви можно было забраться с мраморной скамьи надгробия. Лёнька и Гошка полезли на этот дуб, Вовка полез на соседнее дерево.

– Там желуди толще, – сказал он.

Когда Лёнька нарвал два кармана желудей, на соседнем дубе треснул сук, и Вовка упал на землю.

Лёнька и Гошка слезли с дуба и подбежали к Вовке. Он лежал на спине и молчал.

– Ну ты как? – спросил Гошка.

Вовка молчал. Лёньке стало страшно: а вдруг Вовка разбился насмерть? Лёнька и Гошка посмотрели друг на друга, не говоря ни слова, взяли Вовку за руки и поволокли с кладбища в аптеку.

Женщина в белом халате посмотрела на Вовку и спросила:

– Что с ним?

– С дуба упал, – сказал Гошка.

– А зачем он туда полез?

– За желудями.

– А он живой? – спросил Лёнька.

Аптекарьша склонилась над Вовкой, дотронулась до его шеи и шепнула:

– Живой, не волнуйтесь. Сейчас его отправим в больницу,

и, надеюсь, все будет в порядке.

Вовку увезли в карете скорой помощи, а Гошке аптекарша дала записку с адресом больницы и телефон. Эту записку надо было отдать Вовкиной маме. Что и было сделано. Только в квартире никого не было, и записку опустили в щель входной двери. В эту щель почтальоны всегда письма бросают.

Потом Лёнька и Гошка договорились, что завтра зайдут в школу. Просто так. И Лёнька пошел домой.

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Дома Лёнька вытряхнул желуди на свою кровать и стал думать, куда бы их спрятать, чтобы маме не рассказывать про Вовку. Думал-думал – и вдруг вспомнил, что с утра ничего не ел. Он никогда не хотел есть. Если его звали обедать, он ел нехотя, без хлеба. И вообще считал еду делом, нужным только маме с папой. Для его воспитания.

А сейчас он бы и поел, но в доме ничего, кроме желудей, не было. Лёнька погрыз желудь, но вкус дубового плода ему не понравился. Лёнька высыпал желуди в школьный портфель и стал ждать маму, на этот раз с надеждой на обед.

И его надежды оправдались. Мама принесла в одной банке суп, в другой – макароны с котлетой. На вопрос мамы о том, чем его кормила тетя Маня, Лёнька ответил коротко:

– Юраша пришел из окружения.

И мама все сразу поняла и стала разогревать еду на керосинке. Лёнька смотрел, как готовится обед, и понял, что он просто жутко хочет есть.

В первый раз.

ШКОЛА

Школа и Лёнькин дом стояли друг против друга. А между ними – булыжная мостовая. По мостовой ездило много машин. Они возили мусор на свалку. Однако 1 сентября, когда отец повел Лёньку в первый класс, они пошли не в школу напротив, а в другую, Лёньке неизвестную. Она стояла в конце их переулка. Эта школа была новой постройки: четырехэтажная, с большими окнами и светлыми классами.

Школа Лёньке понравилась, но все-таки он спросил папу:

– А почему не в ту?

Папа на Лёнькин вопрос ответил вопросом:

– А кто в нашей семье самый умный?

– Мама, – ответил Лёнька.

Папа почесал затылок и нехотя согласился:

– Ладно, пусть мама. Так вот, наша мама считает, что ходить в школу, которая через дорогу, опасно, потому что машины туда-сюда шастают и тебя сбить могут.

Лёньке стало смешно, но спорить он не стал.

Утром Лёнька с Гошкой встретились, как договорились, и пошли в школу.

Но в школу их не пустили. У входа стоял матрос в бушлате, брюках клеш, в бескозырке и с винтовкой.

– Куда идем? – спросил он строго.

– В школу идем, куда еще? – огрызнулся Гошка. – Мы

здесь учимся.

– А здесь теперь не ваша школа, а военный объект. Ваша школа не здесь, а в бомбоубежище, что напротив гастронома. Знаете, где это?

– Знаем, – ответил Лёнька и прищурился: – А какой теперь в школе военный объект?

– А это военная тайна, – сказал матрос, – прошу отчалить в сторону бомбоубежища.

– Вот это да, – сказал Гошка, – военный объект в школе!

– Да, – поддержал его Лёнька, – такая вот штучка с ручкой получается.

Это Лёнькин папа всегда говорил про штучку с ручкой, если что-нибудь непонятное случалось. Лёнька спросил однажды:

– А что это – штучка с ручкой?

– А кто его знает, – пожал плечами папа, – патефон, наверное.

– А у нас есть патефон?

– Зачем же нам патефон, если у нас танцевать негде? – рассмеялся папа, и Лёнька с ним согласился.

БОМБОУБЕЖИЩЕ

На доме, что напротив гастронома, было написано крупными буквами: «Бомбоубежище». Стрелка показывала на обычную парадную. Гошка зашел первым и сказал:

– Так это в подвале.

Дверь в подвал была железная. Они вошли, и Лёнька сразу сообразил, что ничего замечательного в этом бомбоубежище нет. Голые стены да несколько рядов скамеек. Как в местоновском клубе, когда кино показывали. А еще в бомбоубежище за маленьким столиком сидела женщина и вязала. На ней были теплый платок, теплая кофта, брюки и валенки. Такая вот странная женщина. Она спросила:

– Вам что, ребята?

Гошка сказал ей про школу, про матроса и военный объект.

Женщина сообщила, что будут два класса, но они еще не готовы, что приходиться надо 1 сентября, когда все устроится.

Лёнька с Гошкой все поняли и собрались уходить, но тут завывла сирена и серьезный голос несколько раз объявил: «Воздушная тревога». Женщина сняла со спинки стула сумку и надела ее через плечо.

– Что это? – спросил шепотом Лёнька.

– Противогоаз, – тоже шепотом ответил Гошка.

Лёнька хотел спросить Гошку, а зачем в бомбоубежи-

ще противогоаз, но в это время стали приходиться женщины с детьми. Они сажались на скамейки и уговаривали малышей не капризничать, что тревогу скоро отменят и они пойдут домой.

Когда все скамейки были заняты, пришла Ася. Она встала у двери и закрыла лицо руками.

«Испугалась, что ли?» – подумал Лёнька. Он встал, подошел к Асе и твердо сказал:

– Ты чего, испугалась, что ли?

Ася опустила руки, по ее щекам текли слезы.

– Папа погиб, – сказала она и снова закрыла лицо руками.

АСЯ

Лёнькина мама однажды сказала, что Ася – девочка из хорошего дома.

Лёнька возмутился:

– А я что, из плохого дома?

Мама обняла Лёньку, поцеловала в лоб и успокоила:

– Ты не из плохого дома, ты из дворца имени Романыча.

А Лёнька еще в первом классе понял, что Ася – девчонка замечательная. У всех девчонок в классе было по две тощих косички, а у Аси – одна, зато какая! Почти до пояса! Глаза у Аси большие, карие. На щеках ямочки. Это когда она улыбается. Конечно, Гошка – лучший друг на всю жизнь – нередко поддразнивал Лёньку и намекал на то, что он втрескался в Асю. Но Лёнька вовсе и не втрескивался, а просто у него с Асей были общие октябратские дела. Она – звеньевая первого ряда октябрат, если считать от двери класса, а Лёнька – третьего. Они и газеты своих звеньев выпускали. Газету первого звена всегда хвалили, а третьего – только похваливали. Неплохо, мол...

Зато к праздникам выпускали классную газету. Одну на всех. Ася писала в нее стихи, а Лёнька рисовал картинки.

А почему Ася – девочка из хорошего дома, Лёнька понял, когда побывал у нее в гостях. Квартира оказалась точь-точь такой же трехкомнатной, но если у Лёньки было де-

вять соседей, то у Аси – ни одного. В одной комнате располагались Асины родители, в другой – Ася, а третья называлась гостиная. В ней на одной стене висел ковер, а на другой – шкура белого медведя. Эту шкуру Асин папа привез с Северного полюса. Он был полярный летчик. Веселый, сильный, смелый – и вдруг погиб.

Лёнька стоял около Аси и не знал, что сказать. Они не слушали, о чем говорила женщина с противогазом. Они просто стояли и молчали.

Когда объявили отбой воздушной тревоги, Гошка пошел в пятую столовую, а Лёнька проводил Асю до дома.

Она жила в первой парадной. Ася открыла дверь и вдруг спросила:

– А твой папа тоже на фронте?

Лёнька растерялся и ответил:

– Мой папа на казарменном положении.

Ася сказала:

– Понятно.

Она перекинула косу через плечо, дернула ее рукой, словно хотела оторвать, и ушла, захлопнув перед Лёнькиным носом дверь парадной.

Лёнька расстроился, потому что знал, когда Ася дергает свою косу. Он заметил эту ее особенность еще во втором классе и спросил, зачем она хочет оторвать косу. Ася рассмеялась и сказала, что этому ее научил папа. «Если тебе хочется кому-то сказать что-то обидное, – сказал он однажды, –

дерни себя за косу, и это желание пройдет».

Значит, Ася хотела ему сказать что-то обидное из-за того, что его папа на казарменном положении. И Лёнька решил выяснить, что же это такое.

КАЗАРМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Занятия в бомбоубежище начались как всегда. На первый урок пришла новая учительница. Она сказала, что будет их учить вместо Эльзы Арнольдовны, и стала по журналу вызывать учеников для знакомства. Многие ученики не пришли на занятия. Учительница отметила всех, кто пришел, и назвала причину отсутствия непришедших словом, которое Лёнька услышал впервые, – эвакуация.

– Многие убыли из города, – объяснила она, – а многие не смогли вернуться из-за осады.

Это было второе слово, услышанное Лёнькой впервые. Зато пришла Ася и пришел Вовка с костылем.

Он гордо заявил Лёньке, что доктор ему сказал, будто он теперь инвалид войны.

– Какой же ты инвалид войны, – рассмеялся Лёнька, – если ты с дуба упал?

– Ну и что, все равно считается: у меня нога вывихнутая и в голове потрясение!

После второго урока всех отпустили домой. Ася шла с Вовкой. Он опирался на костыль и что-то рассказывал Асе. А Лёнька с Гошкой шли сзади. Около дома Лёнька решил спросить у Гошки, знает ли он что-нибудь про казарменное положение. Гошка поскреб в затылке и предложил спросить про казарменное положение у бабушки. Когда Вовка распро-

щался с Асей и поковылял к третьей парадной, они отправились к бабушке.

Конечно, Гошкина бабушка знала про казарменное положение только то, что из казармы нельзя уходить в самоволку. Это значит без разрешения.

Нельзя, потому что за такую самоволку Гошкиного дедушку посадили на гауптвахту. Это было, когда он служил в армии и ушел без разрешения на свидание с бабушкой. Такая у них была сильная любовь.

Лёнька ушел от Гошки с твердым решением спросить у мамы, за что же его хотела обидеть Ася, услышав про казарменное положение. Он рассказал маме о плачущей Асе, о гибели ее отца на фронте, о вопросе о папе и своем ответе про казарменное положение, а также про Асину косу.

Мама выслушала Лёньку и долго молчала. Наконец она сказала:

– Ася – хорошая девочка, ты на нее не обижайся. И запомни: на войне есть фронт и есть тыл. Тыл – это там, где нет войны. Мы с тобой и с папой не в тылу, а на фронте. Каждый из нас может погибнуть. Город окружен фашистами, они бомбят и обстреливают город. Твой папа – начальник штаба МПВО завода, который фашисты хотят уничтожить, потому что на нем делают военную технику. Понял? А если понял, то не обижайся на Асю, она тоже все поймет.

И Лёнька понял главное: что мама у него – замечательная.

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Первым перестал ходить в бомбоубежище на занятия Вовка. Он сказал, что у него болит вывихнутая нога. Потом не пришла Ася: у нее заболела мама. А когда простудилась учительница, весь класс перестал ходить в бомбоубежище.

Лёнька с Гошкой ходили на пляж за дровами для плиты. Лазили на крышу во время тревоги. На топчане Гошкиной бабушки листали Библию.

Однажды бабушка, собираясь на Смоленское кладбище, спросила Лёньку:

– Скажи-ка, друг любезный, а бывал ли ты в храме?

– Это где? – не понял Лёнька.

– Это не где, а в церкви, – поправила его Гошкина бабушка. – А ну-ка пошли!

И они пошли на Смоленское кладбище: пешком вдоль трамвайной линии, в сторону реки Смоленки, мимо огородов. И вдруг Лёнька увидел большую канаву. Длинную, почти до вала на берегу Смоленки. В начале канавы стояла машина, из которой выгружали людей. Люди были мертвые, голые, их из кузова сбрасывали в эту канаву.

– Смотрите, это что? – спросил бабушку Лёнька.

– Эта траншея – братская могила, в ней хоронят погибших при бомбежках и обстрелах, – ответила Гошкина бабушка и перекрестилась.

– А нашу бабушку хоронили в гробу и в отдельную могилу, а не в общую канаву. Или, как ее, траншею, – сказал Лёнька.

Гошкина бабушка посмотрела на Лёньку, вытерла слезы и грустно сказала:

– Если каждого убитого на войне хоронить в отдельной могиле, на земле не останется места для живых, вся земля будет кладбищем. Ну, пошли, не надо вам на это смотреть.

И они пошли на Смоленское кладбище. В церковь.

Лёнька был в церкви только один раз. Он не любил вспоминать об этом. Давно когда-то он ушел из детского сада, не дождавшись прихода мамы. Пошел прямо куда глаза глядят и увидел дом. Широкие двери были открыты, внутри горел яркий свет и кто-то пел. Лёнька зашел в дом и стоял разинув рот.

– Ты что тут делаешь? – услышал он.

Это была соседка тети Мани, у которой они тогда жили. Соседка привела Лёньку домой. А там плакала мама, ее успокаивала тетя Маня. Лёньку хотели наказать, но соседка просила этого не делать, потому что малыш ушел из детсада не куда попало, а в церковь. К Богу. За это наказывать грех.

После этого случая Лёнька в церкви не бывал.

Гошкина бабушка в церкви поставила их перед иконой и шепнула:

– Просите Бога о милости.

И пошла к распятию.

Лёнька просил Бога, чтобы у Аси поправилась мама, чтобы на папин завод и мамин институт не падали бомбы и чтобы все фашисты подошли. И все. Больше ему ничего не надо.

БУРЖУЙКА

Лёнька не любил осень. Холодно и сыро. То ли дело зима! Можно на лыжах через огороды дойти до вала на берегу Смоленки и съезжать с горки со свистом. А осенью что? Топай в галошах по лужам и скучай.

Раньше, то есть до войны, в это время уже работала кочегарка, и ее движок уютно ворчал под полом дворца имени Романыча. А этой осенью батареи холодные, потому что, как сказали Лёнькиной маме в ЖАКТе, угля нет, а кочегары на фронте. Поэтому в квартире произошло переселение. Соседки с детьми и бабушкой перебрались на кухню. На кухне топили плиту, и там было тепло. Дети спали на столах, соседки – на матрасах на полу, а бабушка – как раньше, на плите.

А к Лёньке наконец-то приехал папа. Он поцеловал маму и Лёньку, спросил:

– Ну признавайтесь: замерзли небось?

– Небось мерзнем понемножку, – осторожно пошутил Лёнька, – не лето небось.

Тогда папа затащил в комнату мешок, из которого торчали две трубы.

– А что это? – удивился Лёнька.

– Это буржуйка, – опередила папу мама, а папа достал из мешка две трубы и маленькую печурку на четырех ножках, с дверцей и короткой трубой, на которую папа надел одну тру-

бу. Потом папа достал из мешка четыре кирпича, поставил на них печку, соединил трубы и высунул трубу в форточку.

– Мы так и будем жить с открытой форточкой? – спросила мама. – Зачем тогда буржуйка?

Папа вышел на улицу, и вдруг Лёнька увидел его в окне. Папа надел на торчащую из форточки трубу лист железа и приколотил его к раме.

– Вот и все, – объявил он, входя в комнату. – Топите на здоровье, а я пошел. Дела у меня, сын.

– А ты ушел в самоволку? – испуганно спросил Лёнька. – Без разрешения? Тебя не посадят на гауптвахту?

Папа рассмеялся, потрепал Лёнькину челку и сказал:

– У нас без разрешения только мухи летают, да и то летом.

Папа поцеловал маму, чмокнул Лёньку в щеку и уехал на свое казарменное положение. А Лёнька решил, что папа у него тоже замечательный.

Лёнька внимательно осмотрел буржуйку. Открыл и закрыл дверцу, похлопал по трубе и спросил маму:

– А почему она буржуйка?

– Это я знаю, – улыбнулась мама. – Называют буржуйкой, потому что она много берет и мало дает.

– Это как? – не понял Лёнька. – Что берет и что дает?

– Берет много дров и дает мало тепла, да еще и остывает быстро, – пояснила мама и добавила: – Поэтому поищи-ка ты на дворе пару кирпичей и тащи их сюда.

– Зачем? – удивился Лёнька. – Вон целых четыре штуки.

– А затем, что она будет быстро остывать, а мы положим кирпичи на буржуйку, кирпичи нагреются и будут хранить тепло.

«Ай да мама, – подумал Лёнька, – сразу видно, что ученая».

Лёнька сбегал за кирпичами, потом принес с пляжа выброшенные водой щепки и куски древесины. А потом они затопили буржуйку. Но буржуйка сразу показала свой скверный характер. Весь дым почему-то пошел не по трубе на улицу, а в комнату. Мама открыла дверь в коридор. Тогда дым из комнаты повалил в коридор. Пришлось открыть дверь на лестницу. Весь дым улетел на лестницу, а дрова в буржуйке вдруг разгорелись – и дыма как не было. Остался только запах.

Не успели Лёнька с мамой порадоваться, как в коридор вышла соседка Полина и возмутилась:

– Вы что, с ума сошли, что ли? На кухне маленькие дети, а вы двери на улицу разинули. Они же простудятся!

Мама объяснила соседке, что если они закроют дверь, то дым пойдет в комнату, потом в коридор, потом в кухню. Как только буржуйка прогорит, дверь будет закрыта.

Когда соседка Полина ушла на кухню, мама сказала:

– Ну, Романыч, тебя спасает только твое казарменное положение!

– А почему она дымит? – спросил Лёнька.

– Потому что тяги нет! – сердито ответила мама и велела

Лёньке завтра выкупить хлеб и пойти к тете Мане, потому что на карточки ничего не дали.

КОТЛЕТКИ ДЕ-ВОЛЯЙ

Тетя Маня встретила Лёньку словами:

– А, это ты. Проходи.

В большой-большой тетиманиной комнате Лёнька сразу подошел к комоду, заглянул в зеркало, потрогал знаменитые дедовские часы и сел за стол.

– Это что у тебя? – спросила тетя Маня.

– Хлеб, – ответил Лёнька, – мама велела.

– Прoshлый раз ты нарочно забыл хлеб, потому что Юраша пришел? – спросила она с грустной улыбкой. – Помнится, его было в два раза больше.

Врать Лёнька не захотел, поэтому сказал:

– Опять норму урезали.

– Я знаю, – тетя Маня стала разжигать керосинку, – всем урезали. А Юраша прислал письмо: пишет, что все хорошо и чтобы мы с отцом не волновались. Буду тебя кормить как в парижском ресторане: на первое – суп картофляй из последних трех картошин, а на второе – котлетки де-воляй.

Когда Лёнька все съел: и суп, и котлетки – он поинтересовался, а почему котлетки де-воляй.

Тетя Маня рассмеялась:

– А потому, дорогой ты мой, что я их сваяла из картофельных очисток, пропущенных через мясорубку, и кофейной гущи от выпитого вчера последнего кофе. Все, больше

кофе нет, картошки нет, и если на карточки ничего не дадут...

Тетя Маня задумалась и вдруг улыбнулась:

– А ты знаешь, в восемнадцатом году я варила Андрианычу кофе из желудей, но где их сейчас найдешь?

И Лёнька пообещал:

– Я их вам принесу. А как из них варят кофе?

Тетя Маня достала из буфета деревянную коробку и объяснила:

– Желуди очищают от скорлупок, режут на несколько частей, кладут в кофейную мельницу и крутят вот эту ручку. Получаются размолотые желуди. Из них варят желудевый кофе. Вот и все.

Когда Лёнька шел домой, он подумал, что тетиманина мельница и есть папина штука с ручкой.

СОСЕДСКАЯ БАБУШКА

Зима пришла как-то неожиданно. Ничем она Лёньку не порадовала. Потому что норму хлеба опять урезали. Лёньке совсем маленький кусочек полагался. А еще электричество отключилось. А еще водопровод замерз. А еще буржуйку топить нельзя – и в комнате не теплее, чем на улице. А еще потому, что умерла соседская бабушка. Умерла прямо на плите.

Бабушку завернули в одеяло, под которым она спала, привязали к санкам, и Лёнька с пятилетним Женькой, Полининым сыном, повезли ее к братской траншее. Соседка Полина шла впереди, заложив руки за спину. Она спросила Лёньку: – Не тяжело?

Но бабушка была легкая, и Лёнька только покачал головой в ответ.

Они везли бабушку мимо трамвайного кольца, на котором стояли запорошенные снегом трамваи. И «американки», и старые. Пятилетний Женька по секрету рассказывал Лёньке, что бабушка все последнее время варила одну и ту же кость, и пила одна этот бульон, и никому не давала. Зато она каждый вечер совала Женьке и его сестренке Лизке по кусочку хлеба. По маленькому кусочку.

А теперь все, больше не будет.

Женька закончил свой рассказ, и они подошли к траншее.

Соседка Полина спрашивала у женщин: «А что теперь?» А Лёнька подошел поближе к траншее. Она была заполнена наполовину. В это время к траншее подошли двое мужчин и одна женщина. Они тоже привезли на санках покойника. Один из мужчин зашел в сарайчик и вернулся оттуда с крепким дядькой.

Женщина вынула из сумки половину буханки хлеба и отдала дядьке. Тот вернулся в сарайчик и с другим, таким же крепким дядькой принес гроб.

Покойника отвязали от санок, положили в гроб, накрыли крышкой и опустили гроб в траншею.

Двое мужчин и женщина постояли и ушли, а два крепких мужика вынули покойника из гроба, уложили его в ряду с другими и унесли гроб в сарайчик. Уходя, один из них сказал Лёньке:

– Ну чего рот разинул? Вали отсюда!

Лёнька пришел на то место, где остались соседка Полина и Женька, но их там не было. Лёнька огляделся и увидел, что они уже уходят к дому. Лёнька догнал соседей и спросил:

– А где бабушка?

– Там, где надо, – хмуро ответила соседка Полина и пошла впереди, заложив руки за спину.

ХЛЕБ

Каждый день, когда мама уходила на работу в свой научный институт, Лёнька ждал открытия ларька, в котором продавали хлеб по карточкам. Ждал и думал о еде. Теперь он всегда о ней думал. Вспоминал, как до войны они всей семьей обедали в пятой столовой. Отец потирал руки и говорил: «А мужикам – солянку». Солянка – это такой суп. В нем плавали кусочки мяса, кусочки колбасы, кусочки сосисок и еще много всякого. Но Лёнька хлебал только жижу. И сегодня, вспоминая эту солянку, Лёнька думал, какой же он был дурак: столько еды пропадало зря! А вот папа накладывал в ложку горчицу, размешивал ее в солянке и весело говорил Лёньке: «Ну, приступим к процедуре питания». И съедал все. Он показывал Лёньке пустую тарелку и говорил: «В столовой надо съесть все, а то повар обидится».

Но Лёнька всегда хлебал только жижу, о чем теперь жутко жалел. Потом он шел в ларек, получал свои 125 граммов и дома разрезал этот небольшой кусочек хлеба сначала вдоль, а потом несколько раз поперек. Получалось, как казалось Лёньке, много маленьких кусочков.

Уложенные на блюде, они привораживали Лёньку, но он не ел все сразу.

Сначала нужно было набрать во дворе в кастрюльку снега. Потом зажечь керосинку. Поставить на нее кастрюльку и

ждать, когда вода закипит.

Кипяток наливался в чашку с нарисованным цветком, и только после этого Лёнька приступал к неспешной еде.

Однажды, съев последний кусочек, он вдруг вспомнил слова Бабани о приглашении на блины. Лёнька знал, где находится Гончарная улица, знал, где дом и где квартира на втором этаже. В этот день Лёнька решил пойти к Бабане на блины.

НАХОДКА

Лёнькин папа учил Лёньку: «Если решил, сделай. А иначе зачем мозгами шевелил?» Поэтому в один из морозных дней Лёнька пошел на Гончарную улицу.

Дорога длинная. Лёнька шел, шел. И вдруг остановился. На другой стороне улицы стоял дом без передней стены. Все комнаты, столы, кровати, а в одной комнате – даже рояль, были напоказ. Не было только людей. Лёнька постоял перед этим домом и подумал, не повернуть ли обратно.

И тут к нему подошел мужчина: в зимнем пальто с лохматым воротником и без шапки. Вместо шапки у него был намотан шарф, так, как будто у мужчины болели зубы. А волосы у мужчины были длинные, до плеч, и седые.

– Вы, юноша, тоже из этого дома? – спросил он.

– Нет, я с Голодая, – ответил Лёнька.

– А я из этого. Вон там, на третьем этаже, рояль, видите?

Лёнька кивнул.

– Это моя комната. Вчера вышел из дома. Через два часа вернулся, а тут такое...

Мужчина вздохнул и пошел к дому. Лёнька тоже повернул в сторону Голодая.

– А вы не боитесь ходить один по городу? – вдруг спросил мужчина.

– А чего бояться? – Лёнька потер варежкой щеку и не спе-

ша отправился в обратный путь.

Мужчина развел руками:

– И в самом деле, чего теперь бояться...

А Лёнька шел и думал, почему он решил, что у Бабани есть блины. Если они и были, то давно съедены. Сколько времени прошло! И Лёнька принял, как говорил папа, командирское решение: к Бабане на Гончарную не ходить. А раз решил, то так и сделал. Лёнька добрал до Малого проспекта. Остановился отдохнуть. На минутку. Посмотрел под ноги – и ахнул. Ахнул, потому что увидел под тонким слоем льда хлебную корку. Лёнька подумал, что хлеб ему мерещится. Он опустился на колени, снял варежку и стал скоблить лед. Хлеб оказался настоящим. Небольшой кусочек. Корка и немного промерзшей мякоти.

Лёнька спрятал корку в варежку, чтобы оттаяла. Сначала в одной варежке, потом в другой. И по дороге уговаривал себя попробовать найденный хлеб. А вдруг он какой-нибудь ненастоящий? Лёнька шел и отщипывал по крошке.

Когда подошел к парадной, в варежке ничего не осталось. И вот тут он вспомнил, что решил оставить корку до прихода мамы. Решил, но не сделал.

Зато вечером, когда пришла мама и предложила Лёньке, как всегда: «Ну, человечек, давай по крошке с кипятком», Лёнька попытался отказаться. Он рассказал маме о хлебной корке, что, мол, он уже съел эту корку...

Но мама обняла Лёньку, шепнула: «Ах ты мой хороший» –

и они пили кипяток из снега и ели мамин хлеб, кусочек которого она всегда приносила с работы.

Вот такая у Лёньки замечательная мама. В этот вечер Лёнька решил, что к Бабане он не пойдет, а вот к маме в научный институт пойдет обязательно.

МАМИН ВЫГОВОР

Дорогу к маминому институту и папиному заводу Лёнька проходил каждый Первомай вот уже несколько лет, потому что 1 Мая вся семья отправлялась на демонстрацию. В Гавань. Шли пешком до Смоленского кладбища, а потом через него – до папиного завода. «Шаг, другой – и прибыли», – так говорил Лёнькин папа. А мамин институт и папин завод располагались рядышком. Разделял их забор с колючей проволокой. Когда Лёнька спросил папу, зачем проволока, папа сказал, что проволока для того, чтобы мама не перелезла через забор. После этих слов родители почему-то смеялись.

Ходить на демонстрацию Лёньке очень нравилось. Папина колонна шла впереди, а мамина – следом. Лёнька перебегал от мамы к папе, пел в обеих колоннах и даже пробовал танцевать с мамой на остановках танец, который назывался вальс. Но у него плохо получалось, хотя он старался изо всех сил.

В этот день Лёнька шел опять мимо трамвайного кольца четверки, где стояли запорошенные снегом вагоны, потом – мимо братской траншеи до кольца трамвая номер 11. На всем Лёнькином пути лежали завернутые в одеяла и простыни мертвые люди. На Смоленском кладбище они лежали по обе стороны протоптанной в снегу дорожки. По этой дорожке Лёнька добрал до маминого института, посмотрел на па-

пин завод и вошел в проходную института.

– Ты куда? – спросила его женщина в черной шинели, подпоясанной ремнем.

Лёнька назвал мамину фамилию. И мама пришла.

Они поднялись на третий этаж. Мама ввела Лёньку в комнату. Комната называлась лабораторией. В ней стоял длинный стол, а вдоль стен – шкафы с разной стеклянной посудой. Лёнька знал названия только двух посуды. Пузатая, с длинным горлышком называлась колбой. А тоненькая и длинная называлась пробиркой. Мама велела Лёньке сесть на стул и никуда не ходить. Потом она взяла пузатую колбу и ушла. Лёньке надоело сидеть на стуле, он встал, походил по лаборатории, осмотрел шкафы и заглянул в соседнюю комнату. А там вся мебель была сдвинута и посередине пола зияла большая дыра. Лёнька не стал заходить в эту комнату. Он закрыл дверь и сел на стул.

А тут и мама вернулась. В пузатой колбе было что-то похожее на молоко.

Лёнька обрадовался, но мама сказала, что это не молоко, а дрожжевой суп.

Лёнька никогда не ел суп из дрожжей. Пока мама грела суп на спиртовке, Лёнька не удержался и спросил про дыру в соседней комнате. Мама вздохнула и сказала, что дыра в соседней комнате – это ее выговор. Причем строгий. Однажды, когда немцы обстреливали город, у мамы шла реакция, и она, нарушив приказ, не пошла в бомбоубежище. Как на-

рочно, немецкий снаряд попал в здание. Он пробил крышу, пробил потолок, застрял в полу и не взорвался. Снаряд обезвредили, а маме объявили выговор за нарушение приказа по институту.

Мама разлила горячий суп в пробирки, достала кусочек хлеба и разделила его пополам.

Лёнька пил дрожжевой суп маленькими глотками и говорил маме, что когда кончится война и фашистов расколосматят, а в магазинах можно будет покупать хлеб без карточек и сколько хочешь, они с мамой купят много-много буханок хлеба, принесут их сюда, перевернут стол вверх ножками, уложат буханки в стол до верха ножек и станут есть хлеб, пока не съедят весь.

Мама слушала Лёньку и грустно улыбалась.

А потом через Смоленское кладбище они шли домой, той же тропой. Но дойти до дома не успели. Начался налет. Лёнька и мама стояли под козырьком дома, что напротив армянской церкви. Лёнька смотрел, как прожектора режут черное небо, отыскивая фашистские самолеты.

И вдруг он вспомнил о снаряде. А если бы он взорвался?! Лёнька схватил рукав маминой шубы и не выпускал его до самого дома. Теперь Лёнька ложился спать не раздеваясь. Он закрывал глаза и представлял, будто он и Гошка, лучший друг на всю жизнь, садятся в самолет и летят бомбить Гитлера.

Полетели они и в этот раз. Они бомбили Гитлера, пока не

кончились бомбы.

– А что у нас есть еще? – спросил Лёнька своего друга.

– Осталась только колба с дрожжевым супом, – ответил Гошка.

– Бросай! – приказал Лёнька.

Колба полетела вниз и разбилась прямо о голову Гитлера. Гитлер был весь в дрожжевом супе, а Лёнька тихо смеялся во сне. Тихо, чтобы не разбудить маму.

«КОКОСОВОЕ СЧАСТЬЕ»

Теперь Лёнька ходил только до ларька и обратно. Приносил хлеб домой. Разрезал его на маленькие кусочки, надеясь продлить радость общения с хлебом. Но хлеб почему-то, несмотря на все его старания, быстро кончался. И тогда Лёнька начинал искать что-нибудь съедобное. В столе, в шкафу, в комодe и даже под кроватями. В этот день Лёнька нашел под своей кроватью портфель, заброшенный туда в последний школьный день.

Он вытряхнул все из портфеля, и оттуда высыпались желуди.

«Вот это да! – подумал Лёнька. – Как же я про них забыл?» Лёнька съел несколько штук, спохватился и решил оставить желуди до прихода мамы. А еще он вспомнил, что обещал принести их тете Мане.

Когда пришла мама, Лёнька велел ей закрыть глаза и подставить ладошки.

Он насыпал в мамины ладошки оставшиеся желуди и разрешил открыть глаза. Мама увидела желуди и удивилась: «Откуда?» Лёнька рассказал маме историю сбора желудей и про Вовку. В конце он сказал, что тетя Маня хотела из этих желудей сварить кофе.

Мама высыпала желуди на стол и ничуть не расстроилась, а даже, наоборот, вроде обрадовалась.

– Вот и хорошо, – сказала она и достала из сумки кулек, – желуди – тете Мане, а мы будем варить кокосовую кашу.

Мама развернула кулек и показала Лёньке что-то похожее на манку, только другого цвета. Лёнька убрал желуди в портфель и принес снега со двора.

Мама поставила кастрюльку со снегом на керосинку и, когда снег растаял, бросила туда две столовые ложки кокосовой крупы, а может, муки. Мама точно не знала. Они заглядывали в кастрюльку и ждали, когда же начнет свариваться каша. Вода закипела, крупинки плавали в воде, и все. Никакой каши не получалось. Тогда Лёнька предложил добавить еще ложку: может, хоть кое-какой супчик получится.

Мама бросила еще одну ложку в кипящую воду – и вдруг в кастрюльке загустело варево, и получилась каша серого цвета. Мама и Лёнька ели это «кокосовое счастье» (так назвала мама муку) и ужасно жалели о пропавших зря первых двух ложках муки.

В этот вечер передали по радио, что товарищ Сталин дал обед в честь какого-то посла. Лёнька лег в кровать и представил, как товарищ Сталин и посол едят солянку. Товарищ Сталин съел солянку и сказал послу папиным голосом: «Надо съесть все, до последней крошки, а то повар обидится».

После этого Лёнька полетел с лучшим другом Гошкой бомбить Гитлера.

СНАРЯД, КОТОРЫЙ ВЗОРВАЛСЯ

Незаметно прошел Новый год. Прошел без елки, мандаринов и игрушек. Вроде был Новый год, а вроде и не было. Потом прошел январь. Это был морозный, но хороший месяц, потому что увеличили норму хлеба.

Но для Лёньки ничего не изменилось. Он каждый день ходил в ларек, приносил хлеб, разрезал его на маленькие кусочки. Медленно ел, стараясь растянуть общение с хлебом до прихода мамы. Но ничего не получалось. Хлеб съедался раньше.

В этот февральский день Лёнька услышал в очереди за хлебом, что скоро весна, а весной появится крапива и другая трава. Можно суп сварить.

Лёнька нес за пазухой свой кусок хлеба и думал о крапиве. Как же можно варить из нее суп, если она жжется?

Когда Лёнька подошел к своей парадной, он увидел женщину. Она сидела на сугробе напротив Гошкиной парадной. Лёнька сразу догадался, что это Гошкина бабушка. Он подошел и сел рядом.

Гошкина бабушка посмотрела на Лёньку и тихо сказала:

– Это ты, Лёня? Видишь, сижу и не могу встать. Ноги как ватные.

Лёнька встал, чтобы помочь.

– Нет, давай посидим чуток, а потом попробуем.

Гошкина бабушка сняла варежку, заправила волосы под платок и вдруг заплакала:

– Георгий-то в госпитале. Собирал на пляже щепки и палки на растопку. И, представь, какой-то шальной снаряд грохнул около вашей школы. Георгия ранило. Два осколка. В ноги. Хорошо, откуда-то там оказались матросы. Они и доставили его в госпиталь. Туда работать ушла его мама. Говорят, ничего, поправится Георгий. Ну, давай попробуем.

И они попробовали. Гошкина бабушка опиралась на Лёнькино плечо. Маленькими шажками они дошли до парадной, потом долго поднимались на второй этаж. Гошкина бабушка села на последнюю ступеньку и сказала:

– Ну, теперь-то я доберусь. А ты, Лёня, хороший мальчик. Спасибо за помощь. А то осталась я одна. Ну, иди домой. И живи долго. Обещаешь?

Гошкина бабушка перекрестила Лёньку, и он пошел домой.

Он ждал маму, чтобы узнать, где находится госпиталь, куда доставляют раненых. А еще спросить, можно ли варить суп из крапивы, потому что весна скоро.

Но ничего спросить не успел. Мама вошла и сразу потребовала:

– Собирайся, Лёня, мы уезжаем.

– Куда уезжаем? – удивился Лёнька. – Зачем уезжаем?

– Кто у нас самый главный в семье? – спросила мама.

– Папа, – честно ответил Лёнька.

– Правильно, – сказала мама. – Папа считает, что нас надо спасать, а то у тебя один нос остался.

– А куда спасать? – спросил Лёнька.

– В тыл. Где нет войны.

ОТЪЕЗД

Мама везла Лёньку на санках. Он сидел на чемодане. В зимнем пальто, в ушанке, поверх ушанки мама повязала свой платок. На ногах – валенки.

Мама везла Лёньку мимо запорошенных трамваев, мимо братской могилы, мимо мертвых людей, завернутых в одеяла и простыни. Около папиного завода стояли три машины с крытыми кузовами, выкрашенными в белый цвет. Папа стоял возле второй машины.

– Опоздываете! – сказал он строго. – А это что за кулек? Разве так должен выглядеть боец Ленинградского фронта?

Папа достал из-за пазухи свою буденовку, откинул с ушанки мамин платок, отдал ее маме и надел на Лёнькину голову буденовку. Потом он снял свои краги-перчатки и надел их прямо на Лёнькины варежки. Он отошел, осмотрел Лёньку и остался доволен.

– Вот так должен выглядеть боец Ленинградского фронта! – сказал папа и помог Лёньке забраться внутрь машины.

Следом за ним последовал чемодан. Потом мама. Папа убрал лестницу, заглянул в машину и тихо пожелал Лёньке и маме безопасной дороги через Ладожское озеро.

– А как же ты? – спросил Лёнька.

– Должен же кто-то защищать Ленинград, – ответил папа и добавил: – Дверь пусть будет открытой.

И машина поехала. Папа стоял с поднятой рукой. Потом машина свернула, и папа остался у заводских ворот. Лёнька чуть не начал плакать, но вспомнил папины слова: «Сила воли – это когда хочется, но нельзя».

ОПАСНЫЙ ХЛЕБ

По льду Ладожского озера машины ехали ночью. В каждой машине – по несколько человек. Мама объяснила Лёньке, что машины – это фронтовые радиостанции. Они отправляются на фронт.

Лёнька хотел спросить маму, как же радиостанции попадут на фронт, если они едут в тыл. Хотел, но передумал. Зато он спросил:

– А почему дверь открыта?

– На всякий случай, – сказала мама, – мало ли что. До другого берега Ладожского озера машины доехали под утро.

– Это и есть тыл? – спросил Лёнька.

– В тыл мы поедем на поезде, – ответила мама и ушла оформлять вместе со всеми взрослыми эвакуодокументы. Лёнька получил приказ сидеть на чемодане и никуда не уходить.

Лёнька осмотрелся и понял, что никакой это не тыл. Потому что были здесь и разбитые дома, и военные машины с красноармейцами. А еще – какие-то странные военные... Можно было бы спросить, кто они такие, но уходить было нельзя.

И тут к Лёньке подошел красноармеец:

– Скажи-ка, ты не у Володарского моста живешь?

– Нет, я с Голодая.

– У меня в городе такой же остался, – сказал красноармеец. – Ты сиди, никуда не уходи, я тебе хлеба принесу. Может, и моему сынку кто-то хлеба даст.

– А кто эти? – спросил Лёнька и показал на странных военных.

– А это испанцы-засранцы. Отвоевались, – ответил красноармеец и убежал.

Лёнька сидел на чемодане, запеленутый в мамин платок, в папиной буденовке и папиных крагах-перчатках. Он ждал обещанный хлеб. Где-то началась стрельба, и Лёнька понял, что это еще не тыл. Вскоре к нему подошел красноармеец и спросил:

– Пацан, это ты с Володарского?

– Нет, я с Голодая.

– Ну, все равно, раз в буденовке, значит, ты. Тебе хлеб обещали? – красноармеец вынул из-за пазухи полушубка краюху хлеба, сказал: – Держи, малец. Андрюху ранило, а то бы он сам принес.

Ничего, его не шибко...

Лёнька спрятал краюху в папину перчатку и сразу стал выщипывать из краюхи мякоть. Пока мама занималась эвакуационными документами, Лёнька незаметно почти всю мякоть съел. Когда мама пришла, Лёнька отдал ей остаток краюхи, и они пошли к поезду, который мама назвала эшелоном.

– А вот и наша теплушка, – сказала мама, – давай-ка забросим в нее чемодан.

Но Лёнька ничего никуда не мог забрасывать: у него так схватило живот, что он сел на снег и заплакал. Из теплушки выглянула женщина, спросила, в чем дело. Мама посмотрела на Лёньку и ничего не ответила. Она с трудом подняла чемодан, сунула его в теплушку, схватила Лёньку за руку, и они пошли вдоль поезда. Лёнька не хотел идти, плакал, падал, но мама тащила его, умоляла, что надо ходить обязательно, а то будет заворот кишок. Они обошли эшелон три раза и забрались в теплушку, когда паровоз прогудел три раза.

Лёньку уложили на нары, он поджал колени к животу и слушал, как соседка мамы по нарам выговаривала ей:

– Куда же вы смотрели? Он же умереть может.

ТЕПЛУШКА

Лёнька лежал на нарах, а вокруг него была теплушка. Через четыре маленьких окошка в теплушку пробивался свет дня. С обеих сторон от больших дверей были нары из досок. На нарах лежали женщины и дети, а внизу под одними нарами расположились несколько мужчин. Под другими нарами лежала куча угля. Не такая большая, как около кочегарки под окном дворца имени Романыча, но все-таки ничего себе. А посредине теплушки стояла буржуйка. Совсем не похожая на папину. Она была вроде бочонка, из которого торчала труба. Эта труба протыкала крышу теплушки, и, наверное, поэтому была тяга. Буржуйка топилась углем, и в теплушке было тепло.

Лёнька лежал на нарах, слушал, как мамина соседка выговаривает маме за съеденный им хлеб, и думал, что умирать ему никак нельзя, потому что папа на прощанье шепнул ему: «Ну, сын, теперь ты самый главный в семье. Береги маму».

В этот день для Лёньки с Голодая закончилась война. Эшелон увозил его все дальше и дальше от Ленинградского фронта – в далекий незнакомый тыл, где совсем нет войны.

Александр Разживин ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

*Памяти моего деда Николая Ивановича
Разживина, павшего смертью храбрых в ту войну*

Ежегодно 13 марта некоторые из нас, поднимая не чокаясь рюмку водки, поминают погибших в финскую войну близких. В этот день окончилась финская война. Мой дед погиб на этой войне, но я не держу зла на финнов. Они защищали свою родину. Тем не менее настораживает тот факт, что в Финляндии все чаще раздаются голоса о возврате утраченных некогда территорий.

МОЙ ДЕД ПОГИБ НА ФИНСКОЙ ВОЙНЕ

Еще в раннем детстве я услышал от своей бабушки рассказ о том, что мой дед, командир Красной армии старший лейтенант Николай Иванович Разживин, героически погиб на финской войне. Однако никаких подробностей его гибели и гибели его боевых товарищей никто сообщить не мог. Был известен лишь очень приблизительный район, где произошла трагедия. Так было тогда со многими. Долгие годы эта «незнаменитая война» – финская для нас и зимняя для финнов – была одним из самых больших секретов нашего военно-политического руководства от собственного народа. Информация о ней, в том числе и списки погибших бойцов и командиров, были засекречены грифом «Совершенно секретно». Архивы стали приоткрываться только в последние годы. И как только это стало происходить, многое прояснилось. Стало понятно, почему. Нельзя же было, в конце концов, признать, что та самая Красная армия, что в песнях была всех сильнее, таковой в действительности не являлась. А ее руководство зачастую не выдерживало никакой критики. Например, мог ли создать боеспособную армию малограмотный маршал Ворошилов, на откуп которому она была отдана в 1930-е годы? Тогда всякое несогласие было чревато скорым судом и расстрелом. Конечно, причина была и

в чудовищных репрессиях, уничтоживших цвет армии, и в шапкозакидательских настроениях, необоснованно вызванных пропагандой из-за вечно присущей недооценки противника. Мы уже по опыту знаем, что войны мы встречаем не с теми командирами и начальниками, кто хорошо знает военное дело, а с теми, кто лучше красит бетонные поребрики дорожек и в чемоданы укладывает снег. Поэтому полевая выучка бойцов и младших командиров соединений и частей, принявших участие в боевых действиях, была низкой.

Ворошиловские крылатые слова «малой кровью и на чужой территории» в финскую войну 1939-1940 годов и позже, в 1941-1942 годах, в период Великой Отечественной войны, звучали просто кощунственно, так как результаты были диаметрально противоположными.

Через много лет после той войны, уже в 1990-е годы, работая над Книгой Памяти, мой отец Разживин Евгений Николаевич смог выяснить место, где был похоронен его отец и мой дед – начальник штаба батальона 316-го полка 18-й стрелковой дивизии старший лейтенант Николай Разживин. Раньше было известно только то, что в феврале 1940 года в ходе советско-финской войны это соединение попало в окружение и было практически полностью уничтожено. Информация о потерях в том конфликте тщательно скрывалась от общественности. Спустя 50 с лишним лет мы узнали, что дед похоронен в поселке Леметти Питкярантского района Республики Карелия. Оттуда была передана капсула с землей с

братской могилы солдат и офицеров, среди которых нашел свое последнее пристанище и мой дед.

Нынешние историки называют 105-дневную войну (начавшуюся 30 ноября 1939 года и закончившуюся 13 марта 1940-го) агрессией против независимой Финляндии. Вероятно, так оно и было, по крайней мере такие выводы напрашиваются сами из рассекреченных ныне документов той поры. Но бытуют и другие точки зрения, например высшие государственные интересы СССР...

Ясно одно: что к этой войне наша страна готовилась не один день и даже месяц. И вот 30 ноября 1939 года начались боевые действия на фронте от Баренцева моря до Финского залива. В начальный период советские войска насчитывали 425 тыс. человек, 1 тыс. 200 самолетов, 1 тыс. 476 танков, 1 тыс. 576 орудий. Их поддерживали силы и средства Балтийского и Северного флотов.

И этого оказалось недостаточно.

Финляндия же располагала почти 300 тыс. солдат и офицеров, 768 орудиями, 26 танками, 114 самолетами, 14 боевыми кораблями. Недостаток военной силы компенсировался другим. Финская природа встретила красноармейцев лютыми морозами, минус 45 градусов, непроходимыми дорогами, лесными завалами. Серьезной преградой являлись двухметровый снежный покров, хорошо подготовленные укрепления и заграждения, основу которых составляла линия Маннергейма. Глубина ее укреплений достигала 95 км в глубину

и 135 – по фронту. На этой территории были оборудованы более 2 тыс. дотов и дзотов, многие километры проволочных заграждений в 15-45 рядов, две сотни километров лесных завалов, 80 км надолбов в 12 рядов. А также хорошая индивидуальная выучка, героизм и самоотверженность финских солдат и офицеров, их желание во что бы то ни стало отстаивать свою независимость и территориальную целостность своей родины. Это недостаточно учитывалось в наших штабах.

Наша армия победила во многом благодаря гигантскому перевесу во всех отношениях (еще бы, нас было 180 млн, а их – всего 3). К началу завершающего этапа войны, к 11 февраля, на фронте было собрано уже до 1 млн человек, что примерно равнялось численности 40 дивизий того времени. Мы понесли огромные потери: 126 тыс. 875 человек убитыми и 264 тыс. 908 – ранеными и обмороженными. Финская армия понесла потери в шесть раз меньше: 23 тыс. – убитыми и 43,5 тыс. – санитарными потерями.

Называются и другие цифры – и больше, и меньше. Но вышеназванные представляются все же более реальными.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Одним из этих 126 тыс. 875 павших в ту войну бойцов и командиров был мой дед – начальник штаба (старший адъютант) 3-го стрелкового батальона 316-го стрелкового полка 18-й Ярославской краснознаменной стрелковой дивизии, входившей в состав 56-го корпуса и 8-й армии. Армия воевала в Средней Карелии, между Ладожским и Онежским озерами.

Мой отец навсегда запомнил, как 14 февраля 1940 года, в день рождения младшего брата, его мать Елизавета Леонидовна подозвала к себе своих троих сыновей – старшего Юрия, среднего Женю и младшего Валентина, обняла всех и сказала:

– Будьте мужественны, мои родные, мы остались одни. Ваш папа Николай Иванович Разживин пал смертью храбрых в бою за нашу родину... Как будем жить без него, не знаю...

В то время семья старшего лейтенанта Разживина, как и многие другие семьи, осиротевшие в один миг, оставалась в Медвежьегорске, где был расквартирован полк, до конца войны. В городок вернулись лишь несколько человек, по счастливой случайности и по разным причинам сумевшие убыть с фронта до полного окружения и уничтожения дивизии. Вскоре дивизию (или то, что от нее осталось) расформи-

ровали. Правда, отнимать, кроме номера, было нечего. Люди погибли, а боевое знамя и вооружение достались в качестве трофеев противнику. Через некоторое время бабушка получила в Ленинграде комнату в коммуналке на Старорусской улице и ежемесячное дедушкино жалование в 860 рублей, что по тем временам уже было немало.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ...

В кадры Красной армии дед был призван в 1932 году. Сначала командирские курсы, потом различные командные должности. Одно время он даже возглавлял химическую службу 18-й дивизии, штаб которой дислоцировался в Петрозаводске.

В 1938 году он был назначен на должность начальника штаба 3-го стрелкового батальона в 316-й стрелковый полк в Медвежьегорск. Тогда еще по-старому начальники штабов назывались адъютантами и старшими адъютантами батальонов, полков и т.д. (Это ничего общего не имело с адъютантом его превосходительства.) Дивизия формировалась в Ярославской области, и в ней служили многие земляки деда и бабушки – выходцы из Ростова (теперь Великого). Дальше – общая судьба для того времени. Служба, служба, служба... Бабушка, будучи человеком образованным – учительницей и одной из шести дочерей хранителя библиотеки Ростовского кремля, возглавила женсовет – стала женоргом, то есть женским организатором. Она учила грамоте солдат и играла главную роль в самодеятельной постановке «Царской невесты». Дед в редкие свободные от службы моменты охотился, принося домой богатую добычу, щедро делясь ею с земляками-соседями. Он, так же как его дед и прадед, был удачливым охотником. У деда была замечательная охотни-

чья собака Лайка, за которой часто ухаживал мой отец. Дед был замечательным лыжником. Предметом его гордости были настоящие финские лыжи и пьексы.

НАКАНУНЕ

Мирная жизнь продолжалась недолго. В марте 1939 года переговорный процесс между правительствами СССР и Финляндии зашел в тупик окончательно. Руководству страны было абсолютно понятно, что Финляндия никогда не примет неприемлемых для нее условий – не отдаст, пусть и в обмен, своих территорий. В СССР шла подготовка к войне. Вовсю работала пропаганда, клеймившая злобного несговорчивого соседа-агрессора. Мы готовились первыми дать сдачи финнам.

К этому времени из пограничных районов практически завершилось отселение местных жителей. Летом был разработан план на случай возможной войны. Еще в марте командующий войсками Ленинградского военного округа (ЛенВО) командарм 2-го ранга К.А. Мерецков, посетивший пограничные районы, сделал вывод о том, что, в принципе, финская армия способна вести наступательные боевые действия. Поэтому по его плану соединения и части округа сначала должны были сковать наступающего агрессора, а затем нанести ему контрудар и разгромить на его собственной территории. В 316-м полку, так же как и во многих других частях округа, проводились тактические занятия и боевые стрельбы, готовилось лыжное и другое имущество.

Осенью 1939 года полку, как и всей дивизии, командова-

нием Ленинградского округа была поставлена задача: убыть на прикрытие государственной границы. В первых числах сентября к границе выдвинулся гаубичный артполк, а потом уже и другие части дивизии. У бойцов было приподнятое настроение. Пропаганда действовала расхолаживающе на личный состав, всячески принижая возможности будущего противника.

Как результат – полк готовился никак не к длительной войне, а к легкой прогулке. Среди бойцов и командиров царили шапкозакидательские настроения. «Мы им вмиг покажем, как посягать на нашу родину, и вернемся через несколько дней», – повсюду витали разговоры между бойцами. В подтверждение этому в казармах оставили наряд – дневальных и сухой паек для них всего на несколько суток. При погрузке в эшелон многое имущество полка также оставили на зимних квартирах. Например, необходимые в полевых условиях так называемые тревожные чемоданы всего офицерского состава остались стоять в полковом клубе. Их потом выдавали вдовам. У отца остались сильные детские впечатления о том, как даже легкие танкетки остались в парке техники за ненадобностью в «молниеносной» войне.

Такие мысли о собственном превосходстве и недооценке «слабого» противника навевались сверху. Пропаганда оказывала армии медвежью услугу. Честно говоря, переоценка своих сил и недооценка «слабого» противника, коим, по нашему мнению, являлась и Финляндия, не раз служили в на-

шей истории недобрую службу. Наши песенники Покрасс и Д'Актиль загодя для поднятия духа сложили удалую песню под названием «Принимай нас, Суоми-красавица». В ней пелось:

Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!
Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.
Мы привыкли брататься с победами,
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвездную славу свою.
Много лжи в эти годы наверчено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывай же теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!
Ни шутам, ни писакам юродивым
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину –
Мы пришли вам ее возвратить.
Мы приходим помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!

Из писем деда накануне начала войны.

24 ноября 1939 года (жене и сыновьям):

«...Мы все стоим на месте. Ждем со дня на день, когда будет приказ перейти (границу. – А.Р.), но, по-видимому, еще не скоро, как видится, затянется на всю зиму. Но все же не видать им Финляндии до Урала. Погода сейчас наладилась, стал мороз. Сегодня получили ватные брюки. Запахаемся теплом. Сейчас сижу и слушаю радио. На днях нам выдали радиоприемник типа “Колхозник”, теперь слушаем, но очень мешает финское радио.

Скоро кончится военная опасность, и будем все вместе...»

29 ноября 1939 года (жене и сыновьям):

«...Сейчас нахожусь на дежурстве. Решил написать, потому что неизвестно, может быть, теперь долго не удастся. Мы все еще стоим на одном месте, но, вероятно, скоро пойдем вперед, потому что сегодня вечером финны обстреляли нашу территорию. В ватных брюках, валенках и полушубке не холодно... Питание хорошее, и папиросы есть.

Я считаю, что вам там бояться особенно нечего, потому что у них не так уж много авиации, чтобы туда лететь (в Медвежьегорск. – А.Р.), но все же, после того как начнутся военные действия, держи ребят поближе к себе на случай налета с воздуха. Приготовь противогазы. Из детской комнаты неплохо бы было сделать газоубежище...»

29 ноября 1939 года (маме и сестре):

«...На горизонте начинает крепко пахнуть порохом. В 12 часов ночи по радио передавали о нашем районе. Два снаряда пожаловали в гости, но получился шум и только. Никакого эффекта. Плохо они умеют стрелять. Придется нам показывать, как надо стрелять...»

НАЧАЛО

Нужен был формальный повод к войне, и он нашелся. 26 ноября на Карельском перешейке в районе пограничного пункта Майнила произошел инцидент, послуживший поводом к войне. По заявлению советской стороны, финская артиллерия обстреляла наши позиции. В результате обстрела погибли четверо и были ранены девять советских военнослужащих. Финны обвинили СССР в том, что он сам инициировал огонь по своим же бойцам в провокационных целях. (Позже нашлись даже участники этой разработанной НКВД операции.) Финляндия предложила провести совместное расследование инцидента. Но советская сторона категорически отказалась от этого предложения и поспешно заявила о расторжении советско-финского пакта о ненападении.

30 ноября 1939 года в 8.00 советские войска часовой арт-подготовкой начали боевые действия против Финляндии. В Териоки (современном Зеленогорске) уже было заготовлено и вскоре признано новое правительство Финляндии и созданы несколько национальных финских воинских формирований, состоящих из этнических финнов, проживавших в СССР. Советско-финскую границу на всем ее протяжении перешли 7-я армия на Карельском перешейке, 8-я – в Средней Карелии, между Ладожским и Онежским озерами, 9-я –

в Северной Карелии и 14-я армия – в Заполярье. По оценкам историка Павла Аптекаря, 19 нашим дивизиям противостояли финские войска, по численности приравненные к 15 дивизиям. Разница заключалась в том, что у СССР были по сравнению с Финляндией неограниченные мобилизационные ресурсы и мощная военная промышленность. А еще – непонятно как передавшийся старорежимно-крепостнический подход к своему населению как к расходному материалу. Всегда считалось, что бабы еще нарожают.

О том, как проходили боевые действия на Карельском перешейке, говорится много. Тем более что именно там, по сути, победа и ковалась. В Заполярье боевые действия велись не очень активно. Больше всего досталось нашим 8-й и 9-й армиям, воевавшим в центре. Для них эти действия складывались трагически.

МЕЖ ДВУХ ОЗЕР

8-я армия перешла госграницу на своем участке фронта в 8.30 по московскому времени 30 ноября 1939 года. Вначале при продвижении на запад ее дивизии не встречали особого сопротивления. У финнов на этом участке было немного войск. В основном – погранзаставы. Поэтому достаточно легко был занят ряд населенных пунктов. Затем, когда финское командование перебросило в этот район свежие силы, наступление заглохло. 18-я стрелковая дивизия совместно со 168-й стрелковой дивизией и 34-й легкой танковой бригадой в составе 56-го стрелкового корпуса 8-й армии должны были овладеть городами Сортавала и Питкяранта, а затем содействовать 7-й армии, наносящей главный удар на Выборгском направлении. Эти соединения действовали на прибрежном направлении северо-западнее Ладоги. Кроме указанных соединений в составе 8-й армии воевали 139-я и 155-я стрелковые дивизии, наступавшие севернее.

Вскоре стало ясно, что в намеченные сжатые сроки поставленные задачи решить не удастся. Ведь бумага бумагой, а вечные овраги, о которых всегда забывают в кабинетах, – оврагами. Да еще откуда ни возьмись финская армия начала путаться под ногами. Просчеты стали видны буквально сразу. Главный – недооценка боеспособности сил противника и слабая подготовка своих войск.

Противник применял гибкую тактику. Сочетал различные тактические приемы. Часто использовал обходы, охваты, лыжные рейды диверсионных групп. Умело использовал заминированные завалы. Периодически сменял уставшие войска на передовой. То, чего не было у нас. Видать, перефразируя известную ленинскую цитату, военному делу, в отличие от нас, они учились настоящим образом...

Здесь нужно сделать одно отступление, для того чтобы пояснить, почему война пошла не по намеченному советским командованием сценарию. А произошло это потому, что обнаружили огромные недостатки в планировании и организации боевых действий на всех уровнях – от одиночного солдата до главных плановиков в штабе ЛенВО и даже выше.

Например, полностью подтвердились замечания майора С.Т. Чернова из оперативного отдела штаба ЛенВО, сделанные им накануне войны. Они приведены в книге П. Аптекаря об этой войне. Майор Чернов, после того как его замечания были проигнорированы руководством, отметил по указанному поводу: «Эта спешка может кончиться плохо: операция не продумана. Не знаю, как другие армии, но дело может сорваться, особенно по 9-й и 8-й армиям».

Вот выдержки из архивных документов (по книге П. Аптекаря «Советско-финские войны»): «Роль 9-й армии и ее задачи поняты командованием 9-й армии в основном правильно, но решение построено на том, что противник не окажет никакого сопротивления... В среднем темп операции за-

планирован 22 км в сутки, в то время когда свои войска к границе шли 12-16 км в сутки с большой растяжкой частей и отставанием техники (артиллерии главным образом). Как же можно планировать такие темпы на территории противника?! Это значит построить операцию на песке, без реальной обстановки и особенностей фронта. При планировании, видимо, противник в расчет вообще не принимался и бездорожье также не учитывалось – за это можно поплатиться срывом всей операции в самом ее начале, особенно если противник окажет хотя бы небольшое сопротивление путем заграждений и прикрытия погранчастями, не говоря уже о подброске полевых войск...

При движении 9-й и 8-й армий вглубь будет образовываться разрыв между ними. Наличие у финнов дорог (железных и шоссе) дает возможности создавать реальную угрозу флангам и тылу 9-й и 8-й армий и ее отдельным дивизиям... Коммуникации их все будут перерезаны диверсионными группами противника, и они могут оказаться без питания и боеприпасов, причем тактика финнов к этому в основном и будет сводиться...

При дивизиях нужно создать отряды из хороших лыжников и озаботиться обеспечением лыжами всех дивизий. Без лыж будет очень плохо: солдаты не смогут сойти с дорог и будут сбивать противника в лоб, а это будет сильно задерживать движение...»

Далее Чернов сделал следующие выводы:

«1. Предложить военному совету 9-й армии свое решение пересмотреть...

2. Иметь на фланге сильный резерв.

3. План операции не должен превышать 10 км в сутки на первом этапе и до 15 км на всех остальных этапах...

6. По существу, дивизии еще не готовы для выступления на глубину этой операции...»

Замечания были составлены 27 ноября 1939 года и в тот же день сданы начальнику оперативного отдела штаба ЛенВО полковнику П.Г. Тихомирову.

То, что случилось потом, было известно заранее и все равно сделано. Этому нет оправданий.

Кроме того, из донесений видно, что у нас практически отсутствовала разведка, разведданные были крайне скудны и не позволяли видеть реальное положение дел. Артиллерия и авиация нередко били по своим, а подразделения и части были не обучены правильно совершать маневр, не ориентировались на местности, из-за чего часто блуждали по лесам, попадали в окружение, а нередко и вступали в бой со своими соседями. Взаимодействие и управление были организованы слабо. Вместо маневра сплошь и рядом применялись лобовые атаки. На лыжах ходить могли далеко не все. Самых лыж тоже катастрофически не хватало. Солдаты обмороживались и погибали из-за недостатка теплых вещей. Воевали нередко в буденовках и кирзовых сапогах. Не было даже миноискателей для обезвреживания огромного количества

финских мин, в том числе и мин-ловушек, которыми противник минировал различные бытовые предметы, оставленные на видных местах. Бойцы их поднимали и подрывались. И это далеко не исчерпывающий перечень проблем. Как результат – неоправданно большие безвозвратные и санитарные потери. Особенно много обмороженных. Не было волокуш для их транспортировки. Такие выводы делались после окончания первого этапа войны, в конце декабря 1939-го – начале января 1940 года. Картина безрадостная. Лишь после того, как наше военное руководство уже наступило на грабли, стали делаться какие-то выводы. Войска ЛенВО были вынуждены с 27 декабря перейти к обороне. Начались бои местного значения, в ходе которых командование приступило к анализу и исправлению допущенных ошибок. Начался второй этап операции, или, как его называют, бои местного значения. Инициатива теперь была у противника.

Однако войска уже были втянуты в боевые действия, и финны, понимавшие, конечно, что войну им не выиграть, все равно не давали ни минуты передышки. Они, как осы, налетали с разных сторон и жалили, жалили... Отсекали, перерезали, изолировали, минировали, отстреливали, лишали возможности, используя любую нашу оплошность, которых, к сожалению, было много. Многие ошибки руководства бойцам приходилось исправлять за счет стойкости, мужества и героизма.

В эти дни Сталин направил личную директиву, в которой

требовал от командования «...двигаться вперед и вступать в бой не толпой, не большими массами, не на ура...».

***

Тем не менее войска 8-й армии на некоторых участках к середине декабря углубились на финскую территорию до 80 км. Но наступление шло «растопыренными пальцами». Финны использовали наши просчеты. За две недели 155-я стрелковая дивизия потеряла около 600 человек убитыми и пропавшими без вести. Пришедшая ей на помощь 75-я стрелковая дивизия потеряла 954 человека убитыми, 1 тыс. 529 ранеными и 1 тыс. 619 человек пропавшими без вести. После чего дивизии отошли назад на 50 км. На сортавальском направлении 18-я и 168-я стрелковые дивизии к 10 декабря продвинулись на 40-50 км и овладели Питкярантой, Леметти и укрепленным узлом в районе Уома, недалеко от Леметти. Финское командование нанесло контрудар. Завязались тяжелые кровопролитные бои, в ходе которых ни одна из сторон не смогла достичь поставленных задач. Командование 8-й армии предприняло еще одну попытку склонить чашу весов на свою сторону, вводя в бой по частям 34-ю легкую танковую бригаду. Однако этот маневр не привел к успеху, а, наоборот, дал возможность финнам перерезать дорогу в районе Уома и создать реальную угрозу окружения двух стрелковых дивизий и танковой бригады. Они были блоки-

рованы северо-западнее Питкяранты. В итоге их судьба сложилась очень трагично. 18-я дивизия, в которой воевал мой дед, наступала лишь чуть больше двух недель. Потом была окружена и методично расчленена финнами на несколько частей в районе Леметти. В тот момент в батальонах оставалось по 60-200 человек.

События развивались стремительно.

Еще 11 декабря 1939 года в письме к жене и сыновьям мой дед писал о скорой победе:

«...У нас идут сейчас бои. Наш батальон еще в боях не был. Выезжал на фронт вместе с комбатом, хотелось посмотреть, что же делается. Оказывается, на некоторых участках фронта кадровые финские солдаты (*в бегстве*. – А.Р.) не только бросали шинели, а даже и сапоги. Вы, очевидно, по радио слышите больше, чем мы. Передают, что народ Финляндии решил сбросить с себя иго капитала и сейчас война принимает уже другой оборот. Часть финской армии восстала и борется против финских войск старого правительства. Если все были уверены ранее, что мы победим, потому что мы сильны и морально, и физически, то теперь можно прибавить: скоро победим.

Из Медвежьегорска не уезжай. Вы находитесь в безопасности, так как они теперь не применяют авиацию даже на фронте, не то что в тылу...»

Но уже 14 декабря 1939 года он писал: «...Сижу и пишу на колене. Ну, милые мои, дела идут так, что, по-видимому,

я больше вас не увижу. По-видимому, близок и наш конец... Не знаю, что будет дальше, через несколько минут. Если вернусь, то все расскажу, а писать слишком много...»

18 декабря 1939 года:

«...Я еще жив и здоров, хотя смерть витает каждую минуту. Из нашего старого состава остались несколько человек. Война идет очень кровопролитная, и если кто останется живым, из находящихся на фронте, то будет счастье. Сейчас командую батальоном, а Логинов (*комбат.* – А.Р.) – полком. Каждую минуту можно ожидать смерти не в открытом бою, а из-за угла. Враг очень коварен, строит всякие козни. Угнетает то, что очень много выбыло старых товарищей...»

23 декабря 1939 года: «...Эта война настолько дурацкая, что трудно угадать, где же опасность. В этой войне опасность везде. Вот и сегодня на рассвете: из рот идут люди за завтраком – вдруг налет на штаб дивизии. До 11 часов дня отбивались. Они стреляют бронебойными и разрывными пулями. Рана делается большая. Война идет бандитскими налетами. Прибыл новый комбат. Я опять начштаба. Почти всех старых товарищей перебили. В меня пули попадали четыре раза, но ни разу не ранили...»

2 января 1940 года: «...Третий день нахожусь при штабе дивизии. Может, это к лучшему, потому что счастье меня еще не покидало ни на минуту. Сижу в землянке и пишу вам. Не знаю, когда письмо уйдет, потому что дорога сейчас перерезана бандой и сообщения с СССР нет. Подумай насчет

отъезда. Лучше будет, если ты уедешь. Война, по-видимому, затянется надолго, а я слышал, что и к вам финские гости залетали. Я себя чувствую хорошо. Командованием полка за одну операцию представлен к награде. Вчера Новый год встретили под шум артиллерии и пулеметов. Пиши по новому адресу: действующая Красная армия, полевая почта, станция ?215, отдельный лыжный батальон, мне».

Это было последнее письмо. Потом – окружение. Оттуда письма не приходили.

Противник, владея инициативой, перехватил все дороги в тылу дивизий, устроив минированные завалы и засады. Из-за глубокого снега, сплошных лесов и болот обойти их было невозможно. Командование стало еще более ослаблять передний край, снимая с него подразделения для охраны дорог в тылу.

Но это не помогало. Финны все равно перерезали коммуникации. Окруженные испытывали острый недостаток в боеприпасах и, особенно, в продовольствии, так как к 28 декабря снабжение их наземным транспортом окончательно прекратилось, потому что дорога Ловаярви – Леметти в районе Уома была окончательно перерезана. Летчики, согласно их отчетам, сбросили окруженным 593 тонны грузов, но при выброске много грузов попадало к финнам.

316-й стрелковый полк продолжал отражать атаки противника, неся большие потери. Он не пополнялся с начала войны и был совсем малочисленным. В это же время, с 1 по

5 января, была осуществлена неудачная попытка деблокировать группировку в районе Уома. Зато финнам удалось расчлнить гарнизон Леметти на две части – северную и южную. В Северном Леметти остался один танковый батальон 34-й танковой бригады и тылы 18-й дивизии – всего около 750 человек, два орудия и около 30 танков.

В Южном Леметти – штабы дивизии и бригады и ряд танковых, огнеметно-танковых, артиллерийских, стрелковых, зенитно-пулеметных и других подразделений численностью около 4 тыс. человек, 226 автомобилей, десять орудий и более 80 танков. Трудно сказать, о чем в тот момент думали командиры и штабы дивизии и бригады. Возможно, виной тому были повальный голод и обессиленные войска, а может быть, было деморализовано само командование этих соединений, но, как свидетельствуют документы, система обороны там налажена не была. Как отмечает П. Аптекарь, изучивший в архиве все документы (наши и финские), относящиеся к этой проблеме, по финским схемам захваченного района и заключениям комиссии штаба 15-й армии (сформированной 11 февраля на базе остатков 8-й армии), «... оборона Леметти Южное организовывалась стихийно, части и подразделения, прибывшие в Леметти, строили оборону там, где они остановились, для непосредственной охраны себя. Это привело к тому, что район обороны был растянут вдоль дороги на 2 км, а в ширину имел всего лишь 400-800 м. Такая ширина обороны поставила гарнизон в исключитель-

но тяжелое положение, так как противник простреливал его действительным огнем из всех видов оружия. Допущенная ошибка в организации обороны обусловила то, что высота А, представлявшая большую тактическую ценность, не была занята, а командная высота над районом Леметти Южное Б занималась недостаточными силами (60 человек с одним пулеметом) и поэтому при первой же атаке противника была оставлена. Противник, заняв высоты, получил полную возможность в упор расстреливать людей, боевые и транспортные машины, наблюдать за поведением и действиями гарнизона... Большинство танков 34-й легкой танковой бригады и 201 ХТБ не были расставлены как огневые точки, а находились непосредственно на дороге... Количество огнеприпасов точно установить не представляется возможным, но нужно сказать, что их было достаточно, к моменту выхода из окружения... оставалось до 12 тыс. снарядов и 40-45 тыс. патронов. К 5 января танки имели до двух заправок горючего. Это позволяло поставить их на более удобные позиции для обороны, чего сделано не было...».

Как отмечается, командование 56-го корпуса из-за неумелого руководства не смогло имеющимися частями и соединениями осуществить деблокаду окруженных. Действия руководства корпуса не носили целенаправленного характера, силы и средства расплылись.

8 января финны начали разбрасывать листовки с предложением сдаться. В них говорилось о том, что обоз 8-й армии

они истребили и продовольствия не будет. А будут голод, холод, смерть. В другой листовке указывались места, куда бойцам следовало бы прибыть для сдачи в плен.

К 10 января разведотдел 4-го финского корпуса буквально контролировал ситуацию. От разведчиков и путем постоянных радиоперехватов финны знали обо всех наших частях, об их действиях и даже намерениях. Поэтому постоянно упреждали все наши действия.

С 16 по 20 января финнами были окружены и блокированы в Уома оставшиеся подразделения и части 18-й стрелковой дивизии. Общей численностью 1 тыс. 100 человек. Также несколько гарнизонов соединения в разных местах: у развилки дорог – 1 тыс. 200 человек, у озера Сариярви и у Ловаярви – 1 тыс. 100 человек, и т.д. Половину окруженных составляли раненые и обмороженные. Были заблокированы и остатки 168-й дивизии. Заблокировав гарнизоны, финны со свойственной им основательностью приступили к их ликвидации поочередно практически на глазах руководства 56-го корпуса, которое не могло организовать спасение погибавших от голода, холода и финских пуль и снарядов войск.

2 февраля финны уничтожили гарнизон Северного Леметти. В бою погибло и было взято в плен более 700 человек. Лишь 20 удалось пробраться в Леметти Южное.

По данным финских историков, трофеями частей 4-го армейского корпуса стали 32 танка (большой частью неисправных), семь орудий и минометов, большое количество стрел-

кового вооружения и 30 грузовых машин.

Из окруженных гарнизонов шли донесения.

29 января из штаба 18-й стрелковой дивизии: «Продовольствия не сбросили, почему – непонятно. Голодные, положение тяжелое». В тот же день из гарнизона у развилки дорог пришло другое сообщение: «Окружены 16 суток, раненых 500 человек. Боеприпасов, продовольствия нет. До-едаем последнюю лошадь».

5 февраля от гарнизона у развилки дорог поступила еще одна радиограмма: «Положение тяжелое, лошадей съели, сброса не было. Больных 600 человек. Голод. Цинга. Смерть».

А еще этот день стал трагическим не просто для абстрактных людей – женщин и мужчин, но и для конкретной нашей семьи – моей бабушки, моего отца и двух его братьев, для меня, моего сына... В этот день в бою погиб мой дед, которого я никогда не видел. Его убил финский снайпер.

Мой дед пал смертью храбрых, но трагедия его однополчан еще не завершилась.

8 февраля: «Продовольствие сбросили восточнее, часть подобрали».

13 февраля из гарнизона у развилки дорог: «Умираем с голоду, усильте сброс продовольствия, не дайте умереть позорной смертью».

18 февраля из Леметти Южное: «Почему морите голодом? Дайте продфуража».

19 февраля из гарнизона у развилки дорог: «Сброса нет».

В тот же день от командира 34-й легкой танковой бригады комбрига С.И. Кондратьева (Леметти): «Р-5 все сегодня сбросили противнику».

В ночь на 19 февраля финны, воспользовавшись плохой организацией обороны в Леметти, овладели несколькими высотами, что позволило им полностью взять под контроль все перемещения окруженных – площадь их обороны сократилась до 1 км в длину и примерно 400 м в ширину.

21 февраля от комбрига С.И. Кондратьева: «Помогите, умираем голодной смертью».

22 февраля оттуда же: «Авиация по ошибке бомбила нас. Помогите, выручайте, иначе погибнем все». В этот же день от гарнизона у развилки дорог: «Положение тяжелое, несем потери, срочно помогите, держаться нет сил».

23 февраля от гарнизона у развилки дорог: «40 дней окружены, не верится, что противник силен. Освободите от напрасной гибели. Мы все истощены... нет сил, положение тяжелое».

23 февраля был уничтожен гарнизон у озера Сариярви. Живых не было. Позднее на месте расположения 3-го батальона 97-го стрелкового полка были обнаружены 131 труп и две братские могилы, сооруженные финнами. По финским данным, трофеями 4-го армейского корпуса были шесть полковых и шесть противотанковых пушек, четыре миномета, четыре танка, около 60 пулеметов, часть которых была неис-

правна.

25-27 февраля к гарнизону у развилки дорог попытался прорваться лыжный эскадрон, но к окруженным вышли лишь три обмороженных бойца, остальные...

26 февраля командование гарнизона Леметти Южное отправило в штаб 56-го корпуса радиogramму: «Помогите, штурмуйте противника, сбросьте продуктов и покурить. Вчера три ТБ развернулись и улетели, ничего не сбросили. Почему морите голодом? Окажите помощь, иначе погибнем все».

На Карельском перешейке советские войска уже всю теснили и громили финнов, используя созданный огромный перевес. Он был создан на перешейке в то время, когда гибли 8-я и 9-я армии, возглавляемые Штерном и Чуйковым.

В ночь на 28 февраля наконец было получено разрешение Ставки начать отход из Леметти с наступлением темноты и указано на необходимость вывоза раненых и вывода материальной части из строя.

Гарнизон был разделен на две колонны: северную под командованием командира 34-й танковой бригады комбрига Кондратьева и южную под командованием начальника штаба 18-й дивизии полковника Алексева (комбриг Г.Ф. Кондрашев был ранен 25 февраля) – общей численностью 3 тыс. 261 человек.

Из заключения комиссии штаба 15-й армии следовало, что «Кондрашев организовал выход очень плохо. Даже часть

командного состава не знала, какие подразделения входят в состав каких колонн... План выхода был разработан с расчетом на более легкий выход северной колонны, в которой по плану следовало командование, штабы и наиболее здоровые люди...

Колонна Кондрашева из Леметти Южное выступила около 22.00 и двигалась от командного пункта 34-й легкой танковой бригады вдоль дороги, проходящей по тропе, к юго-западному берегу озера Вуортанаярви. Личный состав колонны был вооружен винтовками и револьверами. Кроме того, колонна имела три комплексных зенитных установки и два танка “БТ-7”, которые предполагалось использовать для поддержки выхода, но в силу плохой организации их не использовали и даже забыли предупредить экипажи о выходе... Приказание Военного совета о порче техники и материальной части полностью выполнено не было.

Несмотря на приказание Военного совета армии обязательно взять с собой всех больных и раненых, тяжелобольные и раненые были оставлены, причем выход гарнизона был преднамеренно скрыт от них...».

На лютую смерть были оставлены более 120 тяжелораненых красноармейцев, многих из которых финны забросали гранатами в землянках. Часть раненых была обнаружена сожженными, и сохранились следы колючей проволоки, которой их прикрутили к нарам.

При выходе северная колонна растянулась, потеряла

управление, чем воспользовались финны, уничтожившие ее почти полностью. Опасаясь плена, а может быть, и ответственности, командир танковой бригады комбриг С.И. Кондратьев, начальник штаба полковник Н.И. Смирнов, начальники политотделов дивизии и бригады И.А. Гапанюк и И.Е. Израецкий, а также начальник особого отдела танковой бригады капитан Доронин осуществили групповое самоубийство. Финнам, помимо всего, досталось боевое знамя 18-й Ярославской краснознаменной стрелковой дивизии. (Дивизия, как отмечалось выше, после окончания войны была расформирована, и в июне 1940 года ее номер приняла 111-я стрелковая дивизия.)

Из официального заключения комиссии: «...При осмотре установлено, что, несмотря на наличие смертельных ранений, значительная часть погибших носит следы пристреливания в голову и добивания прикладами. Один из погибших, обутый в финские сапоги пьексы, приставлен к дереву вверх ногами. Жена инструктора политотдела 18-й стрелковой дивизии Смирнова (работавшая по партучету в политотделе) была обнажена, и между ног у полового органа вставлена наша ручная граната. С большинства командного состава содраны петлицы и нарукавные знаки. Ордена, имевшиеся у командного состава, финнами вырывались с материей».

Южная колонна была выведена полковником Алексеевым. К своим пробилась 1 тыс. 237 человек, 900 из которых были ранены или обморожены, 48 человек погибли при про-

рыве.

Таким образом, из 18 тыс. человек, находившихся в подразделениях 18-й стрелковой дивизии и 34-й танковой бригады к началу войны, примерно 2,5 тыс. оказались вне кольца, еще чуть больше 1 тыс. из окружения вышли. Остальные были убиты или попали в плен.

4 марта был взят под стражу раненый комбриг Кондрашев, которого впоследствии расстреляли.

8 марта застрелился командир 56-го корпуса комдив И.Н. Черепанов.

Согласно документам, соединения 56-го корпуса понесли следующие потери: 168-я стрелковая дивизия – 6 тыс. 742 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 18-я стрелковая дивизия без учета потерь 97-го стрелкового полка, часть которого оказалась вне кольца, – 8 тыс. 754 человека, сам вышеупомянутый полк – 3 тыс. 97 человек. Наконец, 34-я танковая бригада – еще более 1 тыс. 800 человек, 143 танка и 14 броневедомостей. Но данные о потерях занижены, потому что в них не учитывалось пополнение и ряд приданных частей, которые посчитали чужими.

Финнам достались огромные трофеи – техника и вооружение. Их они восстанавливали и использовали против наших войск и в этой войне, и, как они сами называли, в войне-продолжении 1941-1944 годов. Финские генералы после войны на вопросы западных журналистов о том, кто из союзников больше всех помогал Финляндии техникой и воору-

жением, отвечали: «Сами русские».

Финны на этом участке фронта за период боевых действий понесли следующие потери: части 13-й пехотной дивизии, вынесшие на себе основную тяжесть боев в Приладожской Карелии, потеряли 1 тыс. 171 человек убитыми, 3 тыс. 155 ранеными и 158 пропавшими без вести. Кроме того, приданные части и подразделения – 924 убитыми, 2 тыс. 460 ранеными и 102 пропавшими без вести. В 12-й пехотной дивизии – 1 тыс. 458 человек убитыми, 3 тыс. 860 ранеными и 220 пропавшими без вести.

Но это была не единственная трагедия той войны. Подобное произошло и с соединениями 9-й армии. Немногим удалось продержаться до конца войны (13 марта), когда они были освобождены.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Под таким грифом вышел акт, составленный 17 марта 1940 года, то есть сразу же после окончания войны, выдержки из которого выше цитировались. Кроме того, в акте отмечалось, что «Леметти Южное носит следы ожесточенных и упорных боев, представляя из себя сплошное кладбище трупов, разбитых боевых и транспортных машин. Вся площадь района обороны КП 18-й стрелковой дивизии изрыта воронками от снарядов, деревья на 90 % в районе обороны скошены артиллерийскими снарядами. Обнаружено десять землянок, разрушенных артиллерийскими снарядами 152 мм, с находившимися там людьми. Оставшиеся землянки в большинстве своем взорваны финнами по занятии ими Леметти. Найдены 18 трупов красноармейцев, сожженных финнами в землянках, один труп найден в землянке, привязанный проводами к нарам и расстрелянный, и один труп, затянутый веревкой на шее. Машины, деревья, железные трубы печей землянок и все местные предметы изрешечены пулями и осколками снарядов.

Все военно-хозяйственное имущество и личное снесено и сложено финнами кучами вдоль дороги.

КП 18-й стрелковой дивизии был окружен противником силою более полка, что свидетельствует о наличии окопов, оборудования огневых пулеметных точек и огневых позиций

артиллерии, окопы противника располагались от окопов защитников Леметти местами в удалении 50-100 м.

Финнами перед окопами установлено проволочное заграждение в три ряда (проволока натянута на деревья) и один ряд проволочного заграждения из спиральной колючей проволоки. В большинстве своем окопы финнов в полный профиль и соединены ходами сообщения между собой и с землянками, расположенными в полукилометре от окопов. На дороге в направлении Ловаярви в 400 м от переднего края обороны финнами вырыт противотанковый ров и устроен завал. Дорога в сторону Ловаярви имеет большие завалы, местамиходящие до километра.

Огневые позиции артиллерии финнов, которая вела огонь по КП 18-й стрелковой дивизии, находились: батарея 152 мм – в районе Митро, два орудия 122 мм – в Леметти Северное (3-я батарея 3-го АП, захваченная финнами в конце января 1940 года), батарея 76 мм – в районе вилки дороги Ловаярви – Кой – Вуселка и батарея 76 мм – в районе хутора юго-западнее Леметти Южное. Наличие двух последних батарей подтверждается найденными оборудованными ОП и стреляными гильзами в районе ОП. Обнаружены также полукапониры противотанковых пушек: два – в районе противотанкового рва, два – на высоте против юго-восточного сектора обороны и один – против юго-западного сектора обороны.

Осмотром установлено 16 оборудованных окопов под станковые пулеметы. Остальная группировка противника

находилась на высотах у дороги на Ловаярви и на высоте юго-восточнее Леметти.

На месте в районе обороны КП обнаружено 513 наших трупов, как в окопах, так и вне окопов.

В районе прорыва обороны противника колонной начальника штаба 18-й стрелковой дивизии полковника Алексеева обнаружен 201 труп, в основном в районе обороны противника и у проволочных заграждений. В районе прорыва обороны противника колонной начальника штаба 34-й легкой танковой бригады полковника Смирнова обнаружено 150 трупов, в госпитальных землянках обнаружено 120 трупов, оставшихся тяжелораненых. Финских трупов не обнаружено, т.к. таковые финнами были убраны в период с 29 февраля по 17 марта 1940 года.

Из оставшихся боевых машин вооружений изъято и вывезено финнами: со всех транспортных машин сняты колеса и в значительной части моторы. Часть боевых и транспортных машин финнами вывезена, о чем свидетельствуют следы вывода машин. Вся материальная часть по своему состоянию является безвозвратно потерянной...

В отношении северной колонны установлено.

Путь движения проходил из района обороны в северо-восточном направлении, в дальнейшем по финской дороге, которая идет 1,5 км параллельно дороге Леметти – Ловаярви. По пути движения колонны найдено 150 погибших при выводе из района обороны, 78 трупов вдоль финской дороги,

в том числе найден военный комиссар 34-й легкой танковой бригады полковой комиссар Гапанюк. Около 400 убитых найдено в районе финского лагеря, что 2,5 км восточнее Леметти, в числе которых опознаны: начальник политотдела 18-й стрелковой дивизии батальонный комиссар товарищ Разумов, начальник артиллерии 56-го стрелкового корпуса полковник Болотов, военком 97 ОБС старший политрук Тюрин, военком 56 ОРБ старший политрук Суворов, помощник начальника политотдела по комсомолу политрук Самознаев, инструктор политотдела 18-й стрелковой дивизии политрук Смирнов с женой, представитель ВВС 8-й армии лейтенант Пермяков, начальник ВХС 18-й стрелковой дивизии майор Бульнин, начальник автопарка дивизии младший воентехник Кульпин, политрук Ильинский и врач Балуева. Остальная часть людей северной колонны разыскивается...

Тщательной подготовки к выходу произведено не было. О наличии финского лагеря не знали ввиду отсутствия глубокой разведки в последнее время. Выход произведен поспешно, о чем свидетельствует получение начальником штаба 18-й стрелковой дивизии полковником Алексеевым приказа на выход в 18.00 28 февраля 1940 года, в котором указывалось о начале выхода в 21.00. Оставшиеся три часа до выхода явно были недостаточны для организации выхода.

Председатель комиссии – военный комиссар 56-го стрелкового корпуса бригадный комиссар Серюков.

Члены:

ИД командира 18-й стрелковой дивизии полковник Алексеев;

ИД военного комиссара 18-й стрелковой дивизии старший политрук Пацун;

заместитель начальника ОО НКВД 56-го стрелкового корпуса старший лейтенант Козлов;

начальник 2-го отдела 56-го стрелкового корпуса капитан Мочалов».

ЭПИЛОГ

Последний, третий этап войны начался новым нашим наступлением на Карельском перешейке. Советское командование собрало кулак почти в 1 млн человек и вынудило Финляндию признать себя побежденной. 12 марта в Москве был подписан мирный договор между СССР и Финляндией.

По нему Страна Суоми потеряла около одной десятой части своих земель. Население отошедшей к Советскому Союзу территории, в основном финское, добровольно переселилось на запад, а теперь собирает подписи за возвращение былых финских территорий. Огромна наша страна, но мы же не виноваты в том, что земли нам не хватает именно на границах. А без нее мы не можем жить никак. Поэтому финским товарищам все-таки придется смириться с существующим положением дел. Ведь теперь у нас есть кое-что, с чем нельзя не считаться.

Однако можно сказать, что почти завершенная тогда война еще не была законченной полностью. В Приладожье финны добивали наши окруженные гарнизоны, а на Карельском перешейке на рассвете 13 марта по финнам напоследок ударили все имеющиеся у нас артиллерийские и минометные стволы. И эта артподготовка длилась до 12.00 по московскому времени 13 марта – именно до того времени, когда официально вступил в силу мирный договор. Спустился почти два

года после окончания этой войны, в тяжелое время блокады Ленинграда фашистами зимой 1942 года, Ворошилов (впрочем, вместе с Мехлисом, повинным в гибели 9-й армии, о которой здесь не рассказывалось, и Мерецковым, одним из тех, кто планировал финскую бойню) принял участие еще в одной операции – Любанской. Ее итоги затмили даже финскую войну. Об этом рассказывается в материале о трагедии Мясного Бора. Только после этого вышло постановление ЦК ВКП(б) (1942 год) «О работе товарища Ворошилова». В нем Ворошилову припомнили и зиму 1939-1940 годов: «Война с Финляндией в 1939-1940 годах вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве Народным комиссариатом обороны. В ходе этой войны выяснилась неподготовленность Народного комиссариата обороны к обеспечению успешного развития военных операций. В Красной армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрывалась большая запущенность в работе таких важных управлений Народного комиссариата обороны, как Главное артиллерийское управление (ГАУ), Управление боевой подготовки, Управление военно-воздушных сил, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и др. Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Товарищ Ворошилов, будучи в то время народным комиссаром обороны, вынужден был признать на пленуме ЦК

ВКП(б) в конце марта 1940 года обнаружившуюся несостоятельность своего руководства. Учтя положение дел в Народном комиссариате обороны и видя, что товарищу Ворошилову трудно охватить такие большие вопросы, как Народный комиссариат обороны, ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить товарища Ворошилова от поста наркома обороны». Безвинных расстреливали – виновных переводили на другую работу.

Когда война закончилась окончательно, некоторые военачальники позволили себе роскошь почитать труды об опыте войны с финнами, которая велась в 1808-1809 годах. А там было сказано, что финны и командовавшие ими шведы в ходе боевых действий нарочно отступали в глубь страны, завлекая преследующие русские войска, а потом окружали их и брали в плен...

БЕЛЫЕ ПЯТНА БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД

ОЧЕРК «О ЧЕМ МОЛЧИТ МЯСНОЙ БОР?»»

*Благодарю за участие в подготовке материала
моего друга Александра Георгиевича Краева*

ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОД МЯСНЫМ БОРОМ. ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Свое повествование о трагедии под Мясным Бором я завершил в 2004 году. Приближался 60-й День Победы над фашизмом. В Европе уже прошли мероприятия, посвященные 60-летию высадки англо-американского десанта в Нормандии, собравшие весь мировой политический бомонд – глав государств победителей и побежденных. Было даже обидно: казалось, подвиги павших воинов в Европе были оценены по заслугам. Особенно наглядно об этом свидетельствует отношение к погибшим: аккуратные захоронения, ровные линии белых крестов, аккуратно подстриженная газонная трава, подчеркнутые скорбь и почтение к тем, кто тут захоронен. А у нас в то постперестроечное время было не все гладко с этой памятью: облупленные и полуразрушенные памятники в населенных пунктах и на братских могилах и многие тысячи незахороненных советских бойцов и командиров, чьи останки тлели по лесам и болотам бывшего театра военных действий...

В Европе высадка союзного десанта в Нормандии считается одной из самых кровопролитных операций государств – участников антигитлеровской коалиции в годы Второй ми-

ровой. В ходе нее погибли около 6 тыс. американских и 4 тыс. 300 британских солдат. Вечная им память! Правда, принесенная ими жертва даже отдаленно несопоставима с теми потерями, которые понесла наша страна, хотя бы только во время одной из битв той войны – за Ленинград. Или даже только в одной из операций этой битвы – Любанской наступательной операции. Общая же цена нашей победы составила 27 млн 600 тыс. человек, подавляющее большинство которых – гражданское население. Немцы потеряли около 10 млн солдат и офицеров, 75 % из которых – на Восточном фронте в России.

О ЧЕМ НЕ ПИШУТ В УЧЕБНИКАХ, ИЛИ НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Мясной Бор – так, словно по чьей-то злой иронии, был назван небольшой населенный пункт в Новгородской области, которому судьба уготовила страшную роль – стать кровавой мясорубкой, перемоловшей в 1942 году в ходе Любанской операции многие десятки тысяч жизней и судеб советских солдат 2-й ударной армии Волховского фронта. Этот эпизод, своего рода изнанку истории Великой Отечественной войны, у нас не любят вспоминать. Долгое время для многих война представлялась только в виде киноэпопеи «Освобождение» или «Дачной поездки сержанта Цыбули». Многие знают и помнят «Брестскую крепость», ставшую символом стойкости советских бойцов и командиров. Для многих еще не пустыми звуками являются Сталинград и блокада. В преддверии великих праздников чаще вспоминают десять стратегических сталинских ударов 1944-го и победный салют 1945-го. А как шли к этой победе, как учились воевать все – от последнего бойца до Верховного главнокомандующего Сталина? Сколько ошибок совершили, пока не научились бить врага? Сколько людей при этом полегло? Что претерпели, пока осилили эту науку? До сих пор генофонд нации не можем восстановить после этих «любой ценой». И уж совсем издевательски теперь, по прошествии времени, звучат кры-

латые ворошиловские слова о войне «малой кровью на чужой территории». Была другая война. В России много мест, щедро политых солдатской кровью, которые мы почитаем, и на праздники проводим митинги возле мемориальных комплексов. Но Мясной Бор – не такое место. Здесь из-за просчетов военно-политического руководства попали в ловушку – были окружены и уничтожены – многие тысячи воинов 2-й ударной армии. Они храбро сражались и погибали, но были незаслуженно забыты и вдобавок оклеветаны. Поражение всегда сирота, тем более катастрофа такого масштаба. То, что произошло в новгородских болотах, современные историки называют предательством своих солдат верховным командованием, потерявшим интерес к этой операции и практически отказавшимся от попыток спасти окруженную армию, прекратившим доставку в котел продовольствия и медикаментов. Только так можно сегодня расценить преступное безразличие главных виновников этого провала, каковыми сейчас некоторые считают командование фронта, представителей Ставки Ворошилова, Маленкова, Мехлиса и самого Верховного главнокомандующего Сталина. Конечно, легко мнить себя стратегом, видя бой со стороны, однако многие сходятся в том, что армию можно было спасти в марте 1942 года, выведя людей и технику по зимнику к «бутылочному горлу», т.е. к Мясному Бору. Сама поспешность начала операции и крайняя медлительность при принятии мер к спасению наталкивают на мысль о том, что армия бы-

ла принесена в жертву, чтобы хоть чуточку ослабить давление немцев на Ленинград. Изучая военноисторическую литературу, сложно натолкнуться на свидетельства, объективно проливающие свет на те события. Советской военной науке достоверные сведения об операции были не нужны. Считается, что часть архивных материалов была просто уничтожена – и, как говорится, концы в воду. Другая часть по-прежнему недоступна даже историкам. Про трагедию в Мясном Бору стали говорить открыто лишь в начале 1990-х годов, но и то, что говорилось и писалось, на мой взгляд, не в полной мере отразило весь трагизм происшедшего. Видимо, правда то, что трагедией является смерть одного конкретного человека, гибель же десятков, сотен тысяч и миллионов – лишь статистика.

Несколько лет назад, увидев на любительских фотографиях, сделанных поисковиками в Мясном Бору, громадные кучи солдатских костей и ознакомившись с воспоминаниями чудом уцелевших в тех боях солдат и офицеров, лично я поиному стал ощущать трагизм, величие подвига и величайшее терпение и жертвенность наших воинов, нашего простого народа.

Война продолжается, ибо не захоронен еще последний погибший на ней солдат.

Леса и болота Новгородской области – гиблые места сами по себе. А когда в болотах, на опушках леса, на проселках белеет множество человеческих костей, то и вовсе становятся

ся жуткими. Невольно память отыскивает известную фразу: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» Усеяны эти места в основном костями советских солдат и офицеров 2-й ударной армии Волховского фронта. Поисковики говорят, что есть здесь останки и немцев, и испанцев... Но в подавляющем большинстве это наши. Члены поисковой экспедиции «Долина», занимающиеся здесь поиском и перезахоронением останков, отмечают, что «сама обстановка гиблого болота, напичканного трупами, создает в этих местах простую обстановку. Многие поисковики неоднократно обращали внимание на то, что в местах массового нахождения убитых не селятся и не появляются птицы, а лес в Мясном Бору страшный и мистический, словно неупокоенные души погибших продолжают свою войну». А еще говорят, что это одно из немногих мест в России, где можно ощутить хрономиражи.

Журналист Сергей Осипов, побывавший там, писал: «Место довольно топкое, поэтому скелеты сохранились лучше. Говорят, что на болотах, особенно торфяных, иногда находят практически неразложившиеся трупы в неистлевшем обмундировании и с исправным оружием. В войну здесь было поле, которое только недавно начало покрываться молодым леском. Слой почвы – в два пальца, а под ним...

Метрах в двухстах от федеральной трассы Москва – Санкт-Петербург лежит скелет. Трехлинейная винтовка с примкнутым штыком, пара лимонок, несколько десятков па-

тронов. Сквозь прореху в кирзовом сапоге можно увидеть кости пальцев ног.

По положению тел, по воронкам от мин и снарядов можно восстановить картину боя. Летом 1942 года здесь, на пригорке, засел со своим “машиненгевером” немецкий пулеметчик и выкосил не меньше полувзвода советской пехоты, наступавшей от шоссе. Все они остались лежать здесь в тех позах, в которых их застигла смерть. А вот их убийца рядом с ржавым пулеметом МГ лежит в россыпи изъеденных коррозией гильз. Сквозь его скелет проросла тощая осина...»

Несколько десятилетий после войны все некогда происходившее здесь было окружено стеной молчания. Мертвые, как известно, безмолвствуют, а живые все это время боялись даже признаться, что воевали во 2-й ударной под Мясным Бором. И вообще, все, что здесь произошло, произошло не в эту войну, а в какую-то другую, о которой не говорится в учебниках истории, о которой молчат Мясной Бор, Харьков, Вязьма и Крым, ставшие в 1942 году местами трагедий и катастроф из-за просчетов Ставки, т.е. Сталина, при планировании всей зимней кампании 1942 года: нереальности сроков, необеспеченности людьми, распыления стратегических резервов... Из-за этих просчетов немцы смогли прорваться к Сталинграду и на Кавказ. Но все это происходило в каком-то другом измерении, и к войне, и к победе в ней не имеющем отношения, а потому и выброшено из официальной военной хроники. Поэтому работы по поиску и захоронению начали

энтузиасты – своими средствами, без особого афиширования – лишь в конце 1980-х годов. В 1988 году поисковиками были перезахоронены 3,5 тыс. человек, в 1989-м – 3,4 тыс. Всего до мая 1995 года было вынесено и захоронено около 18 тыс. человек. Во время ежегодных поисковых работ захоранивалось по 600-800 останков. Работа поисковиками ведется постоянно, появляются новые братские могилы, возвращаются солдатские имена. Но это лишь самая малая часть тех, кто продолжает лежать в здешних лесах и болотах.

Уже после того, как в России и многих других странах было широко отпраздновано 60-летие Победы, в Ленинградском военном округе (теперь Западный военный округ) появилось специальное воинское подразделение, имеющее главной задачей своей деятельности установление личностей погибших воинов, покоящихся в неучтенных захоронениях и местах массовых сражений в годы Великой Отечественной войны. Такая задача была поставлена 90-му отдельному специальному поисковому батальону (ОСПБ). Свою миссию ОСПБ начал в экспериментальном режиме 21 января 2006 года на местах боев в Ленинградской области. По итогам проделанной работы 1 апреля 2007 года в соответствии с положениями закона РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», во исполнение приказа министра обороны и на основании директив Генерального штаба ВС РФ 90-й отдельный специальный поисковый батальон был сформирован уже на постоянной основе.

ПРЕДЫСТОРИЯ ОПЕРАЦИИ

Заняв 8 сентября Шлиссельбург, противник установил сухопутную блокаду Ленинграда. Обладая более чем полуторным превосходством в танках и авиации и небольшим превосходством в численности личного состава, немцы силами 11 дивизий (в том числе двух танковых и одной моторизованной) совершали настойчивые попытки наступления на город, которые частично увенчались успехом: был занят ряд пригородов и осуществлен выход к Финскому заливу в районе Урицка (Лигово). Лишь титаническими усилиями и ценой немалых жертв (потери составили 116 тыс. человек, 65 тыс. из которых – безвозвратные) враг был остановлен и перешел к обороне. Над городом нависла угроза голода и гибели в условиях полной блокады и окружения. Поздней осенью 1941 года по приказу Ставки осуществлялись безуспешные попытки прорыва блокады. Снабжение города и войск было возможно лишь по льду Ладожского озера. Однако этого было совсем не достаточно. Город задыхался в железных блокадных тисках. 16 октября противник начал наступление в направлении Тихвина с целью прорыва к реке Свирь для соединения с финскими войсками восточнее и северо-восточнее Онежского озера и станции Войбокало для выхода на южное побережье Ладоги. В случае успеха немцев Ленинград был бы полностью окружен и отрезан от стра-

ны. Части немецкого вермахта заняли Тихвин 8 ноября ценной больших потерь. Однако через месяц, 9 декабря 1941 года, после упорных боев нашим войскам удалось освободить этот город, что позволило организовать перевозку продовольствия и грузов на восточный берег Ладожского озера наиболее коротким путем. Контрнаступление под Тихвином сорвало планы фашистов замкнуть второе блокадное кольцо и полностью изолировать город. В разгар контрнаступления в целях объединения войск Красной армии, действовавших восточнее реки Волхов, был образован Волховский фронт под командованием генерала Кирилла Афанасьевича Мерцкова. Для развития успеха тихвинского контрнаступления Верховное Главнокомандование приняло решение осуществить в январе 1942 года еще одну операцию по прорыву вражеской блокады силами Ленинградского, Волховского и частью Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота.

Это решение было принято Ставкой под впечатлением победы под Москвой. Как свидетельствуют историки, воспрявший духом Сталин поставил задачу в течение 1942 года разгромить и изгнать врага со всей территории СССР. Он торопил военное руководство с развертыванием новых наступательных операций. Одной из них должна была стать операция по деблокаде Ленинграда. По плану операция имела целью прорвать оборону противника по реке Волхов, выйти в район города Любань, повернуть на запад и совместно с Ле-

нинградским и правым флангом Северо-Западного фронта окружить войска немецкой группы армий «Север» и уничтожить их. Сама по себе задача прорыва блокады и освобождения от нее города была неоспоримой. Однако то, как она готовилась, уже заранее обрекало ее на провал и большие человеческие жертвы. О нереальности сроков подготовки операции, об абсолютно неподготовленном и неорганизованном тыловом обеспечении вновь образованного фронта, об отсутствии коммуникаций для подвоза боеприпасов и продовольствия, почти полном отсутствии средств ПВО и связи, складов, авиационной и артиллерийской поддержки и многом другом Верховный не желал слышать. Вместо решения перечисленных проблем Сталин в виде помощи прислал на Волховский фронт своих приближенных – Ворошилова, Маленкова, Мехлиса. С их именами связан ряд провалов первого этапа войны и на других фронтах. А о полководческих способностях нужно говорить отдельно.

Единого мощного удара не получилось потому, что из четырех армий, входящих в состав Волховского фронта, две (4-я и 52-я) имели большой некомплект, а еще две (59-я и 2-я ударная) находились еще в эшелонах и только двигались к фронту. 54-я армия, которая по замыслу должна была взаимодействовать с Волховским фронтом, подчинялась Ленинградскому фронту, несмотря на то что была в значительном отрыве от него и, как считают военные историки, было бы логичнее, если бы она вошла в состав именно Волховского

фронта, что облегчило бы организацию взаимодействия ее с другими армиями и упростило бы управление. Однако этого не удалось согласовать командующим Ленфронтом и Волховским фронтом генералам Хозину и Мерецкову. Ставка не организовала взаимодействие фронтов.

Сама же армия состояла в основном из блокадников, вывезенных по льду Ладоги из Ленинграда, и испытывала нехватку продовольствия, зимней одежды, фуража, транспорта, автоматического оружия... Армия была измотана оборонительными боями.

Зима стояла на редкость суровая, а в сочетании с влажным климатом, как вспоминают ветераны, одежда сначала быстро сырела, потом застывала и превращалась в «негнущийся футляр, будто из камня». Наступать предстояло в сильно заснеженной лесисто-болотистой местности, при отсутствии дорог.

Первой из блокадного кольца перешла в наступление в направлении Тосно 55-я армия Ленинградского фронта. Но вскоре стало ясно, что шатающихся от недоедания солдат бессмысленно гнать на убой на немецкие дзоты.

В первых числах января с востока по направлению к Любани начала наступать 54-я армия. Как уже отмечалось, она в большинстве своем была укомплектована блокадниками. Этой армии боеприпасов хватило на несколько дней боев. Уже к 17 января, израсходовав боезапас, армия остановилась. К Любани она смогла выйти только через три месяца

– в марте, преодолев с боями около 20 км и потеряв почти весь свой личный состав. «Штабеля трупов у железной дороги выглядели как заснеженные холмы», – вспоминают участники тех событий.

7 января, в назначенный день, в наступление перешел Волховский фронт, начав таким образом одну из самых трагических операций войны – Любанскую, продолжавшуюся до 30 апреля. (С мая и до середины июля осуществлялись запоздалые попытки прорыва из окружения остатков обреченной армии. Последние из немногочисленных оставшихся в живых и не попавших в плен окруженцев выходили на других участках фронта вплоть до самой осени 1942 года.

В наступление перешли недоукомплектованные, не обеспеченные материальными средствами 4-я и 52-я армии, так и не дождавшиеся прибытия эшелонов других армий. Плохо подготовленное наступление захлебнулось через три дня еще и потому, что не была разведана линия обороны немцев, и их невыявленная артиллерия нанесла серьезный урон наступающим, превратив их в кровавую кашу. Немецкая же оборона была глубоко эшелонирована и подготовлена в инженерном отношении, оснащена фугасными минными полями. Разгромить предстояло пехотные и моторизованные корпуса, танковые дивизии 16-й и 18-й армий, имевшие свежие резервы, поддерживаемые авиацией и артиллерией.

Из-за неудачного начала операция была остановлена и отложена на несколько дней. Общая численность войск, при-

нявших участие в этом наступлении, составила 325 тыс. 700 человек. (С 7 января по 30 апреля, т.е. в ходе наступления, потери этой группировки составили: убитыми – 95 тыс. 64 человека, 213 тыс. 303 раненых, больных и обмороженных.) Прибывшие в пешем порядке на фронт сибирские дивизии были полностью укомплектованы людьми, но не имели твердых навыков в боевой подготовке – в тактических приемах и в обращении с оружием. В лыжных батальонах не все умели стоять на лыжах, некоторые впервые оказались в лесу и из боязни потеряться путали боевые порядки. Призванные из запаса офицеры старой армии удивлялись слабой работе командиров и штабов. Полное отсутствие механизированной тяги компенсировалось солдатским горбом.

Утром 13 января силы Волховского фронта вновь перешли в наступление при поддержке минометов, трех артполков и легких танков. К этому времени в 59-й армии, считавшейся самой сильной, несмотря на то что половина ее соединений, ранее участвовавших в боях, была ослаблена, были развернуты пять дивизий, а еще три находились в пути. В четвертой армии в дивизиях насчитывалось по 3,5-4 тыс. человек. Дивизии 52-й армии имели большой недокомплект в личном составе, нехватку артиллерии, минометов и автоматического оружия. Во 2-й ударной в исходном положении к началу наступления находилось немногим более половины соединений – одна стрелковая дивизия и семь стрелковых бригад. Все вместе равнялось по численности стрелко-

вому корпусу. В частях недоставало минометов, боеприпасов, обычного стрелкового оружия, оптических приборов, средств связи, передков для орудий и т.д. На каждое орудие имелось по 25 % от положенного боекомплекта. Танков в тот момент не имелось, как и в 52-й армии, совсем.

В резерве фронта были две очень ослабленные кавалерийские дивизии и четыре лыжных батальона. Второго эшелона фронт не имел. Отсутствовал автотранспорт, снабжение осуществлялось неудовлетворительно. В небе безраздельно господствовала вражеская авиация. Действия фронтов и даже армий на одном фронте были согласованы плохо, а то и вообще не согласованы во времени.

Тем не менее наступление все равно началось, и главная роль в нем отводилась 2-й ударной армии под командованием генерала Н.К. Клыкова.

После двухдневных кровопролитных боев, 15 января, командующие 2-й ударной армии и 52-й армии были вынуждены ввести в бой вторые эшелоны армий, а 17 января 2-я ударная армия сумела прорвать первый оборонительный рубеж немцев. В образовавшуюся брешь был брошен недавно сформированный 13-й кавалерийский корпус. Войска продвинулись в глубину на 10-15 км и начали расширять плацдарм...

НАСТУПЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Одна из дивизий, которой предстояло участвовать в основных боевых действиях 2-й ударной армии и которую в числе других с нетерпением ждали на Волховском фронте, была в сжатые сроки сформирована в Красноярском крае на станции Заозерная и эшелонами отправлена на запад. Бойцы не знали, куда именно их везут. «Может, на Карельский?» – гадали они.

Дивизию выгрузили в Череповце и пешим порядком погнали в сторону Белозерска. Не ведая, что им предстоит, молодежь шутила, глядя на безрадостные картины Вологодчины, что, мол, если бы сказали выбирать – идти на фронт или остаться жить здесь, то ни за что бы не остались. Такой скудной по сравнению с сибирской им показалась природа российского севера. Зима уже полноправно начала вступать в свои права, а сибирская дивизия все продолжала свой путь. Вскоре дивизии приказали от Белозерска через Кириллов отправиться в Вологду, а оттуда в товарняках – под Тихвин, на разъезд Большой Двор. Позднее стало известно, что в случае успеха под Тихвином немцы планировали удары на вологодском и ярославском направлениях.

За Тихвин шли тяжелые бои, но несмотря на это, дивизию оставили в резерве, передавая по очереди в 54-ю, 59-ю и, наконец, во 2-ю ударную армии. Сибиряки двигались в направ-

лении станции Будогощь во втором эшелоне наступающих войск. Приходилось постоянно перемещаться то вправо, то влево от основного направления – шли туда, где противник оказывал особенно сильное сопротивление. Отдыхали и спали только в лесах. Немцы, отступая, уничтожали все. Были сожжены дотла многие деревни. Деревья и те были все изранены. Из-за отсутствия кормов лошади обессилевали, падали. Их приходилось оставлять. К юго-западу от Тихвина на пути стало попадаться много немецких трупов. Некоторые из них висели на деревьях, заброшенные туда взрывами снарядов. Подводы, груженные имуществом и продовольствием, двигались по дороге, по набитой колее. «Один из повозочных выехал из колеи, – вспоминал бывший командир штабного взвода роты связи 1267-го стрелкового полка лейтенант Иван Никонов, – всего на несколько сантиметров, и сразу же раздался взрыв – сработала мина. После взрыва не смогли найти ни самого бойца, ни его винтовки. Не оказалось на месте и передней части повозки, а половина лошади, ее передняя часть, какое-то время еще продолжала стоять на ногах, трясясь в конвульсиях».

382-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Г.П. Саккуров, выдвигалась в направлении Грузино, где получила свое боевое крещение, встретив сильное сопротивление противника и понеся первые серьезные боевые потери.

Стрелковый полк, в составе роты связи которого находился взвод лейтенанта Никонова, двигался вдоль правого бере-

га реки Волхов в направлении Дубцы – Гряды и далее. Немцы закрепились на левом берегу Волхова, создав мощную систему обороны. Предстояло форсировать реку в районе Селищенских казарм.

СПАССКАЯ ПОЛИСТЬ

Январь 1942 года, как уже говорилось, выдался на редкость холодным. Морозы доходили до 40 градусов. Подразделения 1267-го стрелкового полка сосредоточились в вершинах оврагов вдоль берега Волхова для броска на другой берег. Подвезли в бочках водку. Бойцы пили ее прямо из ковша, а к утру, когда поступила команда двинуться в наступление, на земле так и остались лежать несколько тел оочевневших с похмелья бойцов.

Первая же атака сибиряков увенчалась успехом. Немцы открыли огонь, но удерживали позиции недолго, дрогнули и побежали. Оказалось, что у них на берегу были оборудованы лишь ячейки из снега. Воодушевленные первым успехом подразделения двинулись дальше, к Спасской Полисти, по пути захватывая пленных.

Спасская Полисть – железнодорожная станция на линии Новгород – Волхов – Тихвин – Ленинград, а также тракт шоссейных дорог. Дома и надворные постройки стояли ровной улицей, около них – огороды. Возле огородов – речка Полисть. Возле нее, у шоссе, водокачка, дальше – поля и сенокосные угодья. Вся местность видна как на ладони. Здесь, на линии железной и шоссейной дорог, противник закрепился основательно. В самой Спасской Полисти с немецкой дошностью каждый дом был переоборудован в дот. В избах

на пол были положены прокладки из бревен. Их засыпали землей из подпольной ямы, делая таким образом несколько рядов. Из подпольных окошек делали амбразуры. Такие сооружения не пробивались ни ружейно-пулеметным, ни минометным, ни даже артиллерийским огнем.

Метрах в двухстах от переднего края противника Никонов с бойцами разгребли снег и поставили палатку для командира полка. Впереди боевых порядков пехоты вырыли ямку для НП, провели туда телефон. Полк готовился к наступлению...

После чахлой и малоэффективной артподготовки началась атака.

Шли врассыпную по открытой местности. Связисты двигались вместе с пехотой. Противник открыл огонь из всех видов оружия. Автоматные и пулеметные очереди заглушались минометным и артиллерийским огнем. Немецкие самолеты летали на малых высотах, их летчики нашли себе забаву – как в тире, расстреливать наших бойцов из пулеметов. И – бомбили. Все взлетало вверх, заволакивало снежной пылью и землей. Не было видно ничего. Падали мертвые, раненые и живые. Вместо того чтобы прятаться в воронках от снарядов, некоторые необученные бойцы в растерянности метались по полю и погибали. Бойцы ползли вперед и стреляли. Заканчивались патроны. Многие залегли в воронках. После такого огня командирам трудно было понять, сколько людей осталось в живых. Пришлось лежать до ночи, а потом

ползать и проверять, кто жив, а кто убит или замерз. Понеся большие потери, полк прекратил наступление. Оставшиеся в живых под покровом темноты отошли далеко за исходные позиции, к кухням. (Во время наступления бойцы пищи не получали: кухни не подходили близко к переднему краю. Если немцы их замечали, то сразу же уничтожали артогнем.) Буквально на следующий день состав полка пополнился маршевыми ротами и батальонами – только что прибывшими на фронт необстрелянными бойцами. Всем выдали по одной-две обоймы патронов (10-20 штук) – и снова в атаку. Патроны быстро кончались, и их приходилось брать у убитых и раненых в ходе боя. С первых же дней Никонов понял, что нужно держаться ближе к немцам. Стоит лишь чуть отойти дальше, как их артиллерийский и минометный огонь уничтожает все живое, а по местности, расположенной в опасной близости к своим позициям, они не стреляли. В очередной атаке лейтенант немного не угадал – не нашел поблизости подходящей воронки и упал в снег. Когда начал нагребать перед собой сугроб, немец заметил его и начал стрелять. Две пули, пройдя сквозь снег, попали в шапку, но не пробили ее, а только застряли. Пришлось подгрести еще. Ситуация сложилась неприятная: патронов нет, немец держит под прицелом, не давая высунуться, не то что отползти. Так Иван Дмитриевич и пролежал до темноты. Чуть не замерз. Лишь ночью ему удалось выскользнуть из этой западни... После очередной неудачной попытки наступления людей в полку

осталось совсем мало. Пришлось отойти на исходные позиции. А утром немцы сами пошли в наступление. Стоящий у командирской палатки боец закричал: «Немцы!» Все, сонные, повыскакивали из-под плащ-палаток, когда немцы были уже метрах в тридцати, и открыли огонь. Наступающие залегли. В этот момент подбежал ротный и приказал Никонову взять бойцов и бежать на правый фланг, где немцы наступали особенно активно. Иван Дмитриевич взял с собой пятерых и побегал, по пути потеряв двоих: одного из бойцов убило, другого ранило в живот.

«Немцы уже обошли нас с фланга, – вспоминал Иван Дмитриевич. – Я стал отстреливаться, подбежал с ручным пулеметом младший лейтенант Григорьев и начал стрелять в самую гущу фашистов. Часть немцев была уничтожена, а другие отвернули в сторону и ушли в глубь обороны полка».

Прибежавший связной передал приказ Григорьеву явиться с пулеметом к командиру полка. Никонов остался один, без приказа не решаясь оставить позицию. Он залег в воронке, впереди которой росли небольшие кустики, когда увидел, что с немецкой стороны через редкий лесочек прямо на него идут человек 10-12 фрицев. Подпустив их метров на 50, он начал стрелять. Часть немцев залегла, а остальные так и остались стоять, не понимая, откуда по ним ведется огонь. Воронки из-за кустиков видно не было, тогда как сами немцы были как на ладони. В результате Никонову удалось уничтожить всю группу. Еще два раза немцы пытались пройти

в этом месте, и оба раза лейтенант их расстреливал со своей невидимой позиции. Никонов насчитал потом 23 убитых фашиста.

Ночью движение прекратилось, и Иван Дмитриевич отправился искать своих. В том месте, где была их палатка, он увидел убитыми бойцов своего взвода Селезнева, Симоненко, Швырева, Авдюкова и других. Присел рядом с погибшими товарищами, попрощался и снова пошел на поиски живых. Из соседнего леса ударила очередь. Пуля продырявила шинель, но самого его не задела. Автоматы тогда были в основном только у немцев, поэтому туда он не пошел. Услышал, как вдалеке ударила катюша. По звуку Никонов понял, что снаряды будут падать где-то рядом. Только успел залечь в ложбинку, как они начали рваться в опасной близости от него. По кому велся огонь, было непонятно, потому что, кроме него, никого в этом месте не было. Снаряды легли с недолетом. Ударил второй залп БМ-13. Снаряды разорвались еще глубже в нашем тылу...

Никонову удалось найти своих в лесу, почти в двух километрах от Спасской Полисти. Там находилась небольшая группа уцелевших бойцов и командиров – человек десять, среди них был и командир полка. Лейтенант доложил ему обо всем, что произошло, об уничтоженных им немцах и о том, что сейчас противника на оставленных позициях нет. Командир не поверил, послал с Никоновым вместе помощника начальника штаба проверить еще раз, а еще одного бой-

да отправил считать убитых Иваном Дмитриевичем немцев. Информация о том, что немцев на позициях нет, подтвердилась, а вернувшийся боец, побоявшись подойти близко, издали насчитал лишь около десятка трупов. Ивана Дмитриевича сочли хвастуном.

Немцы контратаковали по двум направлениям. Им удалось продвинуться на 1,5-2 км в наш тыл и обойти оборонявшихся. Поэтому решили в лесу не ночевать, а вернуться на оставленные утром позиции. Придя на них, первым делом собрали в одно место всех своих раненых, а в другое – большую часть убитых. Недосчитались командира роты Останина, политрука Зырянова и многих других. Командовать ротой назначили командира взвода коммуниста лейтенанта Маликова...

Утраченное положение удалось восстановить, после чего бои за Спасскую Полисть продолжали все по той же схеме. В обескровленный полк дали пополнение. В эшелоне из Средней Азии привезли казахов и узбеков. Большинство из них были пожилыми верующими людьми. Они были почти совсем не обучены и тяжело переносили мороз. Когда кого-то из них убивали, а это случалось часто, остальные собирались вокруг него и что-то по-своему бормотали. Немцы это замечали и накрывали собравшихся минометным огнем. Если же кто-то из них получал ранение, его несли в санчасть целой толпой. Передний край в этот момент пустел.

Затем на смену им пришли три молодежных батальона.

Ребятам было не более 20 лет. Пришли строем, все в новеньких белых маскхалатах. Им не дали даже передохнуть – повели в атаку. Через полтора часа никого из них уже не осталось. Пополнение прибывало и сразу отправлялось в бой. Но немец из пулеметов их как косой косил. Полегли все. Перед немецкими позициями все было изрыто снарядами и устланно кучами трупов, которые убрать было невозможно. Убитые и раненые падали сверху. Раненые тянулись, ползли, но вскоре умирали от ран или замерзали. Живые прятались от огня противника в воронках или за кучами окоченевших на морозе трупов.

Наконец началось масштабное наступление одновременно силами нескольких полков. 1267-й стрелковый полк наступал на левом фланге вдоль шоссе, идущего от Селищенских казарм. Ценой огромных потерь была занята водокачка и отбит один из домов на улице. Бойцы забрались в подпольную яму (погреб), а комполка майор Красуляк, комиссар Ковзун, лейтенант Никонов и с ним телефонист боец Поспеловский разместились в траншее возле дома. Справа от их позиции из укрепленных домов немцы вели сильный пулеметный огонь, буквально не давая поднять головы. Майор Красуляк приказал соединить его с начальником артиллерии полка Давбером. Разговор был примерно таким:

– Видишь от тебя правее водокачки дома? – спросил комполка.

– Вижу, – ответил начальник артиллерии.

– Дай по ним огонька, – приказал Красуляк.

Но артиллеристы Давбера нанесли удар не по немцам, а по КНП командира полка. Всех, кто там находился, едва не перебило осколками. Пришлось лежать на дне траншеи, пока длился этот артналет. Немцы, воодушевленные такой помощью, тоже открыли огонь. Выбивать их из укреплений было нечем, кроме винтовок, а ими это сделать было невозможно.

Когда стемнело, командир полка поручил Никонову следить за обороной, а сам решил отдохнуть. Однако немцы не смирились с захватом дома и открыли по нему огонь зажигательными пулями. Дом загорелся, бойцы, человек семь, выскочили из подвала и побежали. Комполка попытался их остановить криком и даже выстрелил несколько раз из пистолета в их сторону. Двое бойцов покачнулись, но кто-то философски заметил, что перестрелять можно хоть всех – не поможет.

Командир полка принял решение отойти с комиссаром и поручил Никонову и его бойцу Пospelовскому прикрывать отход. Они отстреливались. Дом разгорелся вовсю, и рядом находиться стало уже невозможно. И уйти нельзя: от огня стало светло как днем. Было принято решение уходить короткими перебежками возле самых домов-дотов. Пospelовского он так и инструктировал: «Амбразуру проскочишь – и ложись. Они не успеют в тебя попасть». Так и стали перебегать возле самых амбразур. Только перебегут – немцы вдогонку открывают огонь. Да поздно. «Эх, гранаты бы. Все

точки бы подавили», – с тоской подумал Иван Дмитриевич, но гранат у них не было. Так они и прошли с Пospelовским весь путь и вернулись на свои исходные позиции. В открытой накануне наступления землянке нашли командира полка. Здесь же был и представитель штаба армии Кравченко (Иван Дмитриевич запомнил его фамилию), который выяснял, сколько осталось людей в полках. В 1267-м их осталось больше всего – 7 человек, а у других – по 5-6. Всего на переднем крае осталось 35 человек.

Кравченко приказал Красуляку возглавить эту группу и снова атаковать. После этой атаки не уцелел почти никто, но Никонову опять повезло остаться в живых.

На следующий день привезли пополнение. И снова в бой. Теперь наступали с правой стороны от шоссе, опять заняли водокачку, но силы вновь иссякли. «Почему, – недоумевали некоторые бойцы, – когда мы идем в наступление, на нас обрушивается весь огонь противника – автоматный, пулеметный, минометный, артиллерийский – и авиация расстреливает из пулеметов и бомбит на малых высотах? От такого огня уже в начале атаки почти никого не остается. Наши же артиллеристы и минометчики если и ведут огонь, то из глубины, с закрытых огневых позиций. И только тогда, когда пехота продвинется вперед и закрепится на новом рубеже, они меняют позиции. Такой огонь был не только малоэффективен из-за невозможности быстрого осуществления им маневра, но нередко и вреден, из-за того что наносился по сво-

им позициям, и из-за плохой связи проходило немало времени, прежде чем ошибка исправлялась».

Командиры полков Красуляк и Дормидонтов выдвинулись на исходные позиции, перешли через мост, стали подниматься на берег, и тут немец дал очередь из пулемета, убив Дормидонтова и ранив в руку Красуляка.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Находясь на НП, Никонов один раз увидел близко высокое начальство в сопровождении большой свиты. Старший начальник был очень похож на товарища Ворошилова, каким его изображали на портретах, только старше. Начальство долго что-то обсуждало между собой, потом похожий на Ворошилова начальник показал рукой на кучи трупов и сказал: «Вот видите, местность здесь открытая, вражеские позиции хорошо укреплены...» И правда, вся местность была у немцев как на ладони и сплошь устлана трупами. Их никто не убирал и не рассматривал. Каждая такая попытка заканчивалась новыми потерями. Вот и истлевали они здесь, считаясь без вести пропавшими. Начальство ушло, и наступать в этом месте больше не стали.

А утром, на рассвете начался рейд полка левее Спасской Полисти. Два батальона пошли в наступление. Шли, как всегда, враспынную. Противник открыл с правого фланга сильный огонь. Потерь опять было много. С большим трудом удалось пересечь шоссе и железную дороги. Зашли в лес, чтобы сделать небольшой привал. Только стали располагаться, как прозвучал выстрел. Кто стрелял, выяснить не удалось, но почти сразу посыпались снаряды. Появились убитые и раненые. Была предпринята попытка отправить раненых в санчасть, но немцы сразу же отрезали пути отхода, поэто-

му пришлось вырыть яму и спрятать туда раненых, чтобы не замерзли. Оставив небольшую охрану, двинулись дальше. И опять прозвучал выстрел. Кто-то заметил, что трассирующей пулей выстрелили с растущей рядом большой ели. Приглядевшись, заметили на ней снайпера и открыли по нему огонь. Даже мертвый, немец не упал вниз. Он был привязан к ветке. По команде начали поспешно отходить, пока не посыпались снаряды. А рваться они стали там, где только что находились бойцы. Пройдя по лесу и повернув к станции, колонна наткнулась на оборону противника. В ходе завязавшегося боя полк опять понес серьезные потери и израсходовал большую часть оставшихся боеприпасов, выданных на этот рейд всего по две обоймы на брата. Выбить противника со станции не удалось, и пришлось опять отходить. Противник начал преследование. В лесу от него удалось оторваться. Отряд вышел на большую поляну. Никонов шел впереди вместе с командиром полка и помощником начальника штаба по разведке. И снова по ним был открыт автоматный и пулеметный огонь из засады. А с рядом стоящей ели открыл огонь снайпер, но тут же повис на ветвях дерева, срезанный пулей одного из стрелков. Оглядевшись, бойцы стали вести огонь по немецким кукушкам, прятавшимся и на других деревьях. И опять немецкая артиллерия начала методично уничтожать остатки рейдового отряда прицельным огнем, отрезая ему пути отхода. У противника была хорошо продуманная система огня – все пристреляно и простреливаемо. По пятам шли немец-

кие группы преследования. Приходилось долго петлять по лесу, как зайцам, отрываясь от преследователей.

На третьи сутки обессиленные без еды и отдыха люди стали засыпать на ходу. Пришлось поручать более сильным бойцам сталкивать обратно на тропу заснувших на ходу и сбившихся с дороги солдат. Продуктов не было, боеприпасы вышли, обессиленные люди падали и замерзали. Через четверо суток все остановились. Развели костры, возле которых бойцы сразу же стали засыпать. Загоралась одежда, люди обгорали, и было приказано костры потушить, обессиленных людей от них оттащить.

На пятые сутки бойцы поголовно падали на снег, и многие замерзали. Надежды выжить было мало, и некоторые считали, что это легкая смерть – лечь и не встать, будто уснул навсегда. Ночью на шестые сутки упал и Никонов. Мысленно простился с жизнью и приготовился встретить смерть. Но случилось чудо, будто кому-то было неудобно, чтобы этот прошедший уже столько опасностей человек так вот погиб. Из пяти посланных ранее на разведку бойцов двое вернулись живыми. Пожилой боец Зырянов из взвода Никонова поделился со своим командиром добытым где-то сухарем. Кусочек сухаря весом в 4 грамма спас лейтенанту жизнь. Никонов встал и смог идти дальше. Немцы обложили отряд с двух сторон. Пришлось собрать последние патроны для группы прикрытия и уходить. Была холодная ночь. Остаткам полка удалось перейти железную дорогу недалеко от станции. Нем-

цы тоже замерзали, они развели огромный костер и стояли вокруг него – грелись. Из-за яркого огня они не увидели, как метрах в 70 от них без единого выстрела прошли вырвавшиеся теперь уже из окружения бойцы рейдового отряда.

В тылу первым делом побрели за кашей. Каши наварено было на весь списочный состав, а живыми вернулись немногие. Поэтому, по воспоминаниям Ивана Дмитриевича, ели без меры, сколько влезет, по два котелка и больше. А боец Гончарук, железнодорожник из Канска, которого называли тихоповоротным из-за его больших габаритов и неторопливости движений, съел целое ведро. Все удивлялись, куда же в него столько влезло, и думали, что просто так это ему не пройдет. Но у Гончарука все прошло нормально, без всяких желудочных расстройств. Мечтали о супе, которого, как вспоминал Иван Дмитриевич, не ели с лета 1941 года.

И опять в полку почти не осталось личного состава. 1267-й стрелковый полк отправили на формирование, пополнив тремя маршевыми батальонами. Людьюми пополнились и другие подразделения. Засиживаться не дали. Опять двинулись в направлении Спасской Полисти.

Взводу Никонова напололам с минометным подразделением выделили одну подводу. Бойцы, памятуя о голоде, помимо имущества загрузили на нее куски мяса, нарубленные вдоль дороги от упавших лошадей. Подошедший командир роты хотел было их отругать, но передумал, понимая, что люди снова идут на смерть и голод. Средств связи в полку

было мало: радиостанция, несколько телефонных аппаратов и катушек с кабелем. Даже то, что имелось, было уничтожено при обстрелах под Спасской Полистью. К тому же кабель использовали вместо лучин. Он хорошо горел, хоть и коптил сильно. Но несмотря ни на что, связь в бою на имевшихся линиях была бесперебойной.

МЯСНОЙ БОР

Вопреки ожиданиям после переформирования полк был направлен не на старые позиции к Спасской Полисти, а левее, к Мясному Бору, где на четырехкилометровом участке был осуществлен прорыв вражеской обороны. В этот прорыв и устремились соединения и части ударной армии – на встречу своей гибели... Войска продвинулись в глубину на 10-15 км и начали расширять плацдарм...

Перейдя железную и шоссейную дороги, первый батальон 1267-го стрелкового полка сумел прорвать оборону немцев в районе Керести, и полк двинулся сначала к Финеву лугу, потом дальше. (Под Спасской Полистью и в Мясном Бору воевала не вся 382-я стрелковая дивизия, а два ее полка – 1267-й и 1265-й. 1269-й стрелковый полк оставался возле железнодорожного моста через Волхов под Чудово. Даже часть тыла 1267-го стрелкового полка, в том числе транспортная рота и некоторые другие подразделения, не смогла пройти за Мясной Бор.) Противник оказывал сопротивление в основном возле населенных пунктов. Серьезных оборонительных укреплений на этом участке у немцев не было. Поэтому они с боями отходили в глубь обороны, словно засасывая за собой наступающих, но у основания прорыва держали оборону мертвой хваткой. Наши войска продвигались вперед. За пехотой по глубокому снегу двигалась артиллерия.

Из-за узости коридора двигаться приходилось будто в длинной кишке. То есть с флангов на расстоянии около 500 м находились немцы, а впереди, в 10-15 км, – передовые части нашей пехоты. Положительным было то, что бойцам стали наконец выдавать сухой паек. Однако в феврале снабжение прекратилось. Выдавали в лучшем случае по сухарю на брата в сутки, а то и вообще ничего. Поначалу можно было найти брошенных обессиленных лошадей и употребить (часто без соли, что вызывало желудочные расстройства) их мясо в пищу. Но вскоре и эта возможность пропала. Начался страшный голод. Продвинувшись уже достаточно далеко вперед, повернули вправо, к железной дороге. Эта местность была хорошо укреплена немцами, оказывавшими здесь ожесточенное сопротивление. Из-за недостатка огневых средств и невыгодности позиций 382-й стрелковый полк опять начал нести серьезные потери. Лейтенант Никонов со своими бойцами продвигался в передовых подразделениях наступающей пехоты, обеспечивая командира полка связью с комбатами. В самих стрелковых батальонах связи уже не было. На соединение с наступавшими продвигались части 54-й армии. Уже хорошо была слышна не только канонада, но и ружейно-пулеметная стрельба наступающих частей Ленинградского фронта. Надеялись на скорую встречу...

В промежутке между боями лейтенант Никонов послал одного из бойцов в тыл полка за новым телефонным аппаратом взамен разбитого пулей. Но тот словно пропал. Лишь

во второй половине дня Никонову позвонил представитель заградотряда. Он спрашивал, есть ли в роте боец Гончарук и где он сейчас находится? Оказалось, что Гончарука задержали в тылу полка, приняв за шпиона, за то, что он ходил по нашим тылам в немецкой шинели. Незадолго до этого Гончарук спалил свою, заснув у костра, и снял шинель с трупа здорового немца, так как сам тоже был внушительных габаритов, а советской шинели таких размеров не нашлось. Через некоторое время Гончарук вернулся, но еще долго обиженно ворчал, что, мол, вот тыловые крысы, сидят там, немцев не видят, так своих хватают. Не верят, что свой. На это Никонов заметил, что не стоит обижаться: могли бы ведь просто взять да расстрелять на всякий случай. А они вот дозвонились и выяснили. Обмундированием нашим бойцам служили ватный костюм, шинель, валенки и шапка-ушанка с ватным верхом. Такая одежда загоралась как порох, а тушилась трудно, тлела. Когда на переходах измотанным от голода, холода и недосыпания людям наконец удавалось погреться у костра, многие мгновенно засыпали и загорались. Потому, что греха таить, снимали одежду с еще не окоченевших убитых. Думать-то надо было о живых. Правда, иногда случалось и такое, что валенки стаскивали с раненых, но еще живых бойцов. А если талых трупов не было, то некоторые отрубали или отламывали валенки с ногой и потом снимали их у костра. С такими поступали по-разному. Даже убивали. Самосуд был не редкостью.

Вскоре при переходе к станции Глубочка погиб командир роты Маликов, с которым Иван Дмитриевич прибыл на фронт после окончания курсов. Его убил снайпер. Командовать ротой, да и всей связью полка, которой уже почти не осталось, назначили его самого.

К ночи подошли почти вплотную к железной дороге. Любань находилась впереди, правее, километрах в шестнадцати. Ночь была очень морозная. Командир полка с комиссаром, чтобы не замерзнуть, выкопали себе маленькую ячейку и поместились в ней. Никонов почувствовал, что если они тоже не начнут копать яму, то к утру превратятся в ледышки. Поэтому без лишних уговоров сам первым взялся за работу. Копал штыком: другого инструмента не было. Остальные сидели и смотрели. Потом подошел пожилой боец Пономарев, стал помогать. Подошли и другие. Остался сидеть один боец Воронов – молодой крепкий парень, только что окончивший какой-то московский институт. Сидит, мерзнет, сопли текут и превращаются в сосульки. Никонов позвал его: «Помогай, будешь работать – согреешься, потом под палаткой будет теплее». Но тот не стал работать и к утру замерз.

Немец занял хорошо оборудованную позицию по насыпи железной дороги Москва – Ленинград до разъезда Еглино, имея все виды вооружения и достаточное количество боеприпасов. Утром полк без артподготовки был поднят в атаку, которая не имела успеха...

Как потом стало ясно из архивных документов, за время

январско-февральских боев мясноборский плацдарм превратился в котел около 200 км по внутреннему кольцу с узкой горловиной, 3-4 км, у Мясного Бора. По берегу Волхова участок прорыва составлял примерно 25 км. По линии соприкосновения противоборствующих сторон постоянно велись активные действия местного значения – наступления, отходы. Командование немецкой армии прилагало все усилия, чтобы не дать нашим войскам возможности расширить участок прорыва у Мясного Бора, потому что, как вспоминал после войны один из немецких участников битвы, полковник Хольман, «исход боя решался не в глубине территории, у острия наступательных клиньев противника, врезавшихся далеко в наши тылы, какими бы угрожающими они ни выглядели на карте, а на месте прорыва Волхова и у шоссе Новгород – Чудово, то есть у населенных пунктов Мясной Бор, Мостки и Спасская Полисть. Это ясно сознавало командование группы армий “Север”». Поэтому немецкая сторона с огромным трудом выдержала натиск наших дивизий, пытавшихся расширить участок прорыва. Для этого им пришлось вводить чрезвычайные меры – поставить в строй всех: маршевые роты, тыловые подразделения. Немцы признаются, что их положение порой становилось просто критическим и замысел русских по деблокаде Ленинграда при определенных условиях мог осуществиться...

...Остро чувствовалась нехватка вооружения, боеприпасов и продовольствия. Полк в очередной раз понес большие

потери и вынужден был перейти к обороне. Командование отошло километра на полтора-два в глубину, оборудовав там командный пункт, а связистов Никонова оставили в обороне в качестве пехоты, которой после атаки уцелело мало. Яму свою связисты расширили, сделав из нее подобие землянки. Насыпали земляной бруствер со стороны противника. Сверху ямы положили палки толщиной 5-7 см, накрыв их плащ-палаткой и засыпав землей. Оставили только небольшое отверстие – лаз. Землянка была ниже железнодорожной насыпи, поэтому ее не было видно со стороны противника. Пехоты на этом участке не было. Никонову дали ручной пулемет, и он организовал дежурство на огневых точках. В землянку вмещалась смена – человек девять, тесно прижавшись друг к другу. Внутри было даже жарко. Пулеметчик дежурил, находясь в отверстии, сверху накрытый палаткой. Левее, сзади, находилась позиция минометчиков.

Бойцы испытывали большую нужду в пище и боеприпасах. Пищу давали раз в один-два дня по несколько граммов сухарей на человека. Люди быстро обессилели. Ели все что попадется. В тылу стояла одна лошадь. Ее съели вместе с костями и кожей. Потом съели сбрую. Кости измельчали и ели. В роте лейтенанта Никонова осталось менее десяти человек, когда ему в пополнение дали еще семь человек, по пять патронов на каждого и приказали утром контратаковать противника. Целью этой атаки являлось, как понял Иван Дмитриевич, провести разведку боем или показать врагу, что мы

еще живы и сильны. Рано утром поднялись в атаку, открыли огонь по немцам. Немцы ответили автоматным, пулеметным и минометным огнем. Всех прижали к земле. Убило пожилого, опытного бойца Крупского. Рядом с Никоновым залег молодой солдат из пополнения – Александр Сергеевич Пушкин. Ему было всего лет двадцать от роду, и внешне походил он очень на своего знаменитого тезку. Пушкин пополз к убитому бойцу, чтобы проверить, не осталось ли у того патронов и чего-нибудь поесть. Не дополз. Получил в голову разрывную пулю. Она попала в лоб и вышла через затылок, но солдат еще дышал. Его волоком оттащили обратно за насыпь и даже доставили в санчасть. У этого парня оказалось крепкое сердце – оно работало несколько часов. Потом он умер, не приходя в сознание.

В этой короткой безрезультатной и безнадежной атаке Никонов потерял людей и израсходовал почти все патроны. Штыков было мало. Поэтому сели опять в оборону. Иногда подкарауливали и убивали из винтовок потерявших осторожность немцев, после чего сразу же открывался сильный ответный огонь. Пополнение поступало крайне редко (после того как 2-я ударная армия прошла Мясной Бор, немцы закрыли место прорыва).

Против наших на этом участке действовали, как вспоминал Иван Дмитриевич, части войск СС. У нас оборона строилась еще по старому уставу – узловая, а не фронтовая. Немцы это вскоре разведали и пошли в наступление с фланга.

Они выбили наших минометчиков и заняли их позицию. Для группы Никонова сложилось трудное положение. Дорожка от КП к его землянке шла как раз через занятую немцами позицию минометчиков, вдоль переднего края, через отверстие землянки, поскольку дежурить на точки уходили именно оттуда. В одну из ночей, когда смена, набившаяся в землянку, спала, дежурный, сидевший под плащ-палаткой, задремал и согнулся. Плащ-палатка полностью накрыла отверстие. В это время два немца шли со своих позиций по дорожке на отбитые у минометчиков позиции. Первый прошел, перешагнул, а второй ногой угодил в отверстие, прямо на спящего дежурного наступил. Непонятно было, почему же немец не бросил гранату или не дал очередь из автомата. Наверное, сам не понял, что произошло. После этого случая к дежурству стали относиться более ответственно. Вскоре, после короткой перестрелки, Никонову с бойцами удалось прогнать немцев с позиции минометчиков. На позиции они нашли катушки с телефонным кабелем и норы, выкопанные в земле, с оставленным отверстием-лазом. В них фрицы отогревались.

От голода люди стали пухнуть. Особенно тяжело его переносили вновь прибывшие бойцы из пополнения. «Старички» научили их есть все органическое, что попадало в руки. Один из бойцов нашел замерзший вырезанный у давно уже съеденной лошади задний проход и съел его. После этого бойцы стали есть все, что случайно находили. Немцы, зная,

в каком положении находятся наши бойцы, вывешивали на проволоку буханки хлеба и кричали: «Рус, переходи, хлеб есть». То же самое немцы транслировали по громкоговорятелям. Но никто из бойцов-сибиряков на эту провокацию не поддался, хотя, как вспоминали выжившие ветераны других частей, были случаи переходов, в частности украинцев из западных областей и других. Но это происходило далеко не в массовом порядке.

К середине февраля наступление уже прекратилось, войска выдохлись. Попытки расширить плацдарм закончились. Во многих дивизиях был заменен командно-политический состав. Но это ни к чему не привело. У немцев тоже не хватало сил наступать. Велась пассивная позиционная война, до тех пор пока немцы не перебросили и не ввели в бой новые дивизии, которые непрерывно атаковали, пытаясь закупорить горловину у Мясного Бора. 19 марта им это удалось. Сосредоточив на флангах 2-й ударной армии свежие соединения, немцы отрезали армию от остальных сил Волховского фронта.

«Примерно в середине марта 1942 года прибыл в 382-ю стрелковую дивизию представитель Ставки главного командования, – вспоминал Иван Дмитриевич (фамилию его он не запомнил). – Собрал на командном пункте несколько оставшихся в живых офицеров. Сообщил обстановку на фронте и в стране. Рассказал, что обстановка на других фронтах тоже тяжелая. Поэтому необходимо стоять здесь насмерть. По-

том спросил, кто желает умереть коммунистом.» В плен Никонов живым сдаваться не собирался, считал его изменой. Всю войну носил один патрон для себя. Сам вступил в комсомол в январе 1931 года. Отец в германскую войну за боевые подвиги заслужил полного Георгия (четыре креста: один золотой и три серебряных). После – Красная армия. Красный командир. Стыдно и непростительно было бы его порочить. Никонов написал заявление в партию и был принят.

27 марта наши войска прорвали отсечной фронт немцев. В бой были брошены все резервы. Утром 24 марта по немецким позициям огневые удары наносили несколько артполков и дивизионов реактивной артиллерии (катюш). На штурм немецких позиций шли стрелковые соединения. Артиллерия выкатывалась на прямую наводку. «Борьба за горловину шла не на жизнь, а на смерть, – вспоминал командир 376-й стрелковой дивизии генерал Г. Писарев. – Болота, вода, холод, непрерывные налеты пикирующих бомбардировщиков и шквалы пулеметного и артиллерийского огня по сучившейся, как на пяточке, ничем не прикрытой с воздуха группировке; всюду масса незахороненных трупов, своих и противников». Бои длились почти 10 дней. Прорыв был осуществлен ценой больших потерь. По отвоеванному коридору была протянута узкоколейка, которая, конечно, была не способна обеспечить потребности многотысячной группировки. Из-за узости коридора две нитки узкоколейки буквально прошивались пулеметно-артиллерийским огнем. Тем не ме-

нее по ней удалось вывезти около 8 тыс. раненых.

После того как в последних числах марта – первых числах апреля нашим войскам удалось на несколько дней осуществить прорыв в Мясном Бору, в роту пришло пополнение, в том числе офицеры: лейтенанты Тхостов, Голынский и политрук Коротеев. Никонов и его подчиненные приступили к выполнению своих прямых обязанностей – обеспечению командования связью. Если раньше она была от КП до землянки, то теперь полученным кабелем провели связь до пехоты – до КНП командиров батальонов. На некоторое время улучшилось питание, стали давать небольшую пайку сухарей. Это продолжалось недолго. Немецкая авиация уничтожила эту дорогу жизни, или чертов мост (кто как ее называл). А вместе с ее ликвидацией в котле без вести пропавшими остались тысячи раненых и медперсонал. К этому времени в полках оставалось не более чем по полусотне солдат и офицеров. Да и каких – обессиленных от голода и болезней, почти безоружных. Командованию фронта было абсолютно понятно, что именно сейчас, пока еще возможно, нужно спасти остатки армии. Для решения этого вопроса, от которого зависела жизнь оставшихся людей, командующий фронтом генерал Мерецков вылетел в Москву. Он доложил Верховному о том, что 2-я ударная армия более небоеспособна, что она «...совершенно выдохлась и в имеющемся составе не может ни наступать, ни обороняться...», что катастрофа неминуема, если ничего не предпринять. Ответ Ста-

лина был следующим: «За судьбу армии можете не беспокоиться». А вскоре, 21 апреля, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение расформировать Волховский фронт. Его войска стали составлять Волховскую группу Ленинградского фронта. Командующим фронтом и этой группой был назначен генерал-лейтенант М.С. Хозин, командующим Ленинградской группой войск фронта – генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров. Такое решение Ставки еще более усугубило без того тяжелое положение гибнущей армии.

...В это же время пришел приказ из вышестоящего штаба отчитаться за вверенную технику и вооружение. В штабе полка был составлен акт, в котором все потери списывались на бомбежку. Никонову и одному из его бойцов было предложено его подписать. Свои подписи командир полка майор Красуляк и начштаба капитан Стерлин почему-то не поставили. Боец подписал, а Никонов наотрез отказался. Начштаба очень разозлился, выхватил пистолет, закричал, что застрелит. Вмешался комиссар Ковзун. Подошел командир полка, посмотрел в упор и спросил: «Никонов, почему ты остался жив?» – «Сам удивляюсь, – ответил Никонов, – рядом убивало товарищей, самого контузило под Спасской Полюстью». Одно преимущество у Никонова все же было. До войны он работал на севере, в Березово, в 50-55-градусные морозы. Ездил на оленях в дальние командировки, ночевал в тундре на снегу. Поэтому легче акклиматизировался и пере-

носил мороз... Утром Никонова в сопровождении двух автоматчиков направили в штаб дивизии, где с ним беседовал начальник политотдела Емельянов. Емельянов Никонову понравился – он рассказал ему, почему отказался подписывать акты. Сказал, что хочет умереть честно. Ведь после подписания акта может быть проверка, а в акте все свалено на бомбежку, даже те вещи, которые фронта не видели. На списанных погибших придут сообщения, что они живы. Выявится вранье. Подписавших отдадут под суд трибунала и расстреляют. Зачем такой позор? Никонов сказал, что предлагал в акте написать все как есть, т.е. что часть техники передали другим частям, часть оставили и закопали из-за отсутствия транспорта. Никонова отослали из землянки, но он слышал, как внутри обсуждают его поступок. Одни его поддерживали, другие были не согласны. Никонова отправили обратно в полк. В полку создали другую комиссию, в которую вошли начальник санчасти Сидоркин, Никонов и другие. Составили акт в другом стиле. Исключили из списков 200 с небольшим убитых, прошедших через санчасть. Списали технику и людской состав полка в количестве 12 тыс. 500 человек без вести пропавших...

23 апреля Волховский фронт был упразднен, а через неделю наступление закончилось официально и началась вынужденная оборона на рубеже Кривино – Ручьи – Червинская Лука – Красная Горка – Еглино – озеро Черное. Сюда немцы подтянули свежие шесть дивизий и одну бригаду из Европы.

Командование армией принял генерал-лейтенант А.А. Власов. Он прибыл на Волховский фронт незадолго до этого на должность заместителя командующего фронтом. Но в связи с тяжелой болезнью командарма Клыкова и расформированием фронта был назначен Ставкой командовать 2-й ударной армией. Власова считали специалистом по выходу из окружения. Благодаря его короткому командованию армией с апреля по июль, когда он сдался в плен, всех, кто волевал под его началом, стали незаслуженно называть власовцами. От этого позорного клейма армия не очистилась полностью и по сей день, несмотря на то что совершенно этого не заслуживает. К моменту принятия Власовым 2-й ударной армии она уже практически утратила управление и боеспособность. Ее судьба была предрешена и без Власова, хотя кольцо и замкнулось через неделю после того, как он принял армию. Власов был, конечно, сволочью, но не главным виновником той трагедии. Его предательство – это совсем другая история, не связанная с судьбой этой армии. Тем более что и в плен он сдался тогда, когда с армией было покончено, – 12 июля.

Весна полностью вступила в свои права. Стало тепло, но все еще продолжали носить теплую зимнюю одежду. Появились вши. Они расплодились моментально в несметных количествах. У пришедшего зимой пополнения были тулупы, белые и черные, – они вмиг стали одного цвета, серого, от оккупировавших их миллиардов вшей и гнид. Люди не мы-

лись – кто полгода, кто больше. Спать стало просто невозможно. Бойцы стали сбрасывать с себя одежду и надевать что что мог.

Вновь поступил приказ сменить позиции. Новым участком оказались позиции отошедшего в тыл Гусевского 13-го кавалерийского корпуса под станцией Глубочка. Вся 2-я ударная армия занимала по фронту уже не больше 150 км. В окружении людей заметно поубавилось. От позиций полка до позиций ближайших соседей по прямой было чуть больше 4 км. Для связи к ним периодически отправляли связистов. В полку осталось несколько десятков человек. Пополнение поступало понемногу из расформированных тыловых частей, находящихся здесь же, в котле.

Командование стремилось показывать, что армия еще сильна, поэтому периодически проводились наступательные бои, несмотря на отсутствие артиллерии и на то, что патроны выдавались поштучно. Оставленное гусевцами единственное орудие было без снарядов и потому совершенно бесполезно. А еще кавалеристы оставили двух лошадей, которые не могли идти. Их сразу же съели. Потом собрали потроха, ноги, кожу, кости и все это тоже съели. Сухарей иногда выдавали по несколько граммов, которые делились поровну очень скрупулезно.

Новая позиция находилась в болоте. У пехотинцев лопаток не было, да и яму в болоте не выкопаешь: вода. Из мха, прошлогодних листьев и сучьев делали бруствер и лежали.

Если немец замечал место лежки, то сразу же брал на мушку. Высунешься – умрешь. Еды опять не стало. Даже зелени никакой вокруг. Ели то, что рукой вокруг окопа можно было достать. Появились случаи самоуничтожения. Это были не те самострелы, что имели место зимой, когда некоторые из бойцов преднамеренно наносили себе ранения, чтобы покинуть котел. Тогда уличенных в членовредительстве просто расстреливали без всяких проволочек. Теперь в полку несколько бойцов и два командира убили себя сами. Комиссар Ковзун собрал всех, кто смог прийти. Говорил, что это ЧП, что это недопустимо, что нужно провести работу с людьми. Все молчали. Только Никонов задал вопрос, который остался без ответа: «Если с голода обессилел и не можешь даже повернуться, то что делать? Не сдаваться же немцам?» Стали пустеть боевые точки и треугольники. Личный состав убывал, подкрепления не было. Никонов попеременно с командиром взвода из его роты лейтенантом Голыньским брал по паре бойцов, ходил вдоль позиций с ручным пулеметом и стрелял короткими очередями понемногу из разных мест, создавая видимость обороны и какой-то активности. На самом деле оборона была пуста. На сто метров приходилось уже менее одного солдата. Немцы это скоро тоже поняли. Они получили большое пополнение и перешли в наступление. Ударили в правый фланг обороны полка. На том участке находился только один боец Гончарук. Он успел передать по телефону: «Немцы! Отстреливаюсь!» В трубке

была слышна стрельба. Потом Гончарук крикнул в трубку: «Погибаю!» – и все. Никонова вызвал комполка Красуляк и поставил задачу: собрать своих бойцов, забрать из санчасти всех, кто может ходить, и выдвигаться на край болота, где принял свой последний бой Гончарук. Он сообщил, что туда уже ушла дивизионная разведка и действовать нужно вместе с ней. Никонов взял с собой недавно прибывшего лейтенанта Киселя, своих бойцов Шишкина, Тарасова и четверых больных и раненых бойцов из санчасти, без оружия и патронов.

Передний край был занят немцами, и оружие взять было негде. Это был далеко не первый случай, когда бойцы шли в атаку без оружия, вместе со всеми останавливая натиск врагов, лишь собственной грудью защищая родину. Выдвигаясь в указанном направлении по лежням через болото, увидели идущего навстречу бойца Петрякова, которого вместе с Самариным Никонов отправлял на помощь Гончаруку. Петряков стал уговаривать, чтобы не ходили туда. Там много немцев, и они хорошо вооружены. Он доложил о том, что Самарина схватили, а сам Петряков сумел вырваться, правда без оружия.

Группа вышла в то место, где должна была быть дивизионная разведка, но ее там не оказалось. У Никонова была телефонная трубка ТАТ – он подсоединился к линии и доложил обо всем командиру полка. Затем начал рассредоточивать бойцов. Безоружных бойцов посадил под ель: что с них толку? Сам нашел кем-то брошенный автомат – боль-

шую редкость по тем временам. В диске были еще патроны. Вскоре появилась группа немцев. Они шли небольшой колонной, несли на себе пулемет, миномет, коробки с боеприпасами. Не доходя до позиции Никонова метров пятнадцать, повернули влево. Никонов вскинул автомат и выпустил все патроны, что в нем были. Несколько фрицев упало. После этого бойцы побежали прятаться в болоте между кочек. Через болото прошла другая группа немцев, но, к счастью, мимо. Никонов начал собирать своих людей, но недосчитался лейтенанта Киселя. Никто его не видел. Недалеко от этого места в кустарнике слышали русскую речь. Там оказалось 17 отошедших с линии обороны бойцов-пехотинцев из их полка во главе с лейтенантом. У пехотинцев были патроны, которыми они поделились с группой Никонова. Вместе пришли на старые позиции. Немцы здесь уже понастроили шалашей, приготовились к ночлегу, но пустились в бегство после короткой атаки подразделения Никонова. Недалеко от шалашей бойцы обнаружили одежду Самарина, брошенную в кучку. Но самого Анатолия нашли поодаль. Он лежал на спине голый. Все тело и лицо были выжжены шомполами. Фашисты развлекались тем, что накаленные шомполы плашмя вжигали в тело Самарина так, что кожа у бойца была обуглена. Потом, чтобы добить, выстрелили в спину. Пуля прошила его насквозь и вышла через живот. Вокруг раны был кровавой кружок миллиметра в два. Самое страшное заключалось в том, что он был жив. Еле шевеля губами, Самарин со-

общи́л, что немцев много и среди них есть и русские. Самарина считали хорошим солдатом. Сибиряк. До войны был золотоискателем, председателем артели. Никонов любил брать его с собой на всякие вылазки. Едва живого бойца понесли к своим на руках.

Недалеко от Самарина нашли и Гончарука. Он лежал в том месте, где принял свой последний бой. Вокруг него лежали семь немецких трупов – столько было у него патронов. Василия Ивановича Гончарука узнать было нельзя. Фашисты размозжили ему лицо. Его узнали по мощному туловищу и одежде. Постояли, помолчали над героически погибшим другом. Именно в этот момент, как вспоминал Иван Дмитриевич, он и его бойцы по-настоящему осознали истинную, нечеловеческую сущность фашизма. Ни один зверь, наверное, не допустил бы того, что сделали фашисты. Это очень больно поразило всех и породило жгучую ненависть к врагу. В ходе этого рейда Никонов и его бойцы не ели, не пили и не спали. Подойдя напиться к ручью и увидев в нем лягушачью икру, бойцы вмиг ее съели. Потом поймали лягушку. Решено было сварить из нее суп. Правда, в этом супе плавала одна капелька жира. Суп разделили на пятерых...

На следующий день вызвал Никонова командир полка майор Красуляк и приказал собрать всех людей, которые находятся поблизости. На переднем крае было приказано оставить все как есть, и связь в том числе. Выкопали возле высокой ели большую яму и сложили туда все штабные докумен-

ты, рацию, ПТР и другую технику. Все закопали. Появился лейтенант Кисель. Он плутал где-то в болоте, спал под валежиной. Приказано было выдвигаться к штабу дивизии. Штаб дивизии был атакован немцами. Никонову во главе группы из десяти человек, в которую вошли лейтенант Голынский и старшина Григорьев, бойцы Шишкин, Поспеловский, Тарасов и еще несколько человек, поставили задачу занять оборону перед фронтом наступающего противника. Было приказано: «Стоять насмерть, ни шагу назад, огонь до подхода немцев на близкое расстояние не открывать».

Две другие группы должны были ударить с флангов, справа и слева. Немцы уже были в сорока метрах от позиции Никонова, когда первая группа, зашедшая явно далеко, промахнулась своим флангом мимо их цепи. Немцы это заметили и развернулись по фронту в их сторону. По радию вызвали свою артиллерию и накрыли огнем всю нашу группу. В это время вторая группа ударила немцам в тыл, так как они развернулись. Немцы отошли на позиции первой группы, и в этот момент немецкая артиллерия ударила по немцам, а наша – по нашим. И сообщить об этом своим артиллеристам не было возможности: не было связи. Бой прекратился, остатки наступавших немцев отошли назад.

Была середина мая, когда Ставка приняла запоздалое теперь уже решение о выводе 2-й ударной из окружения. Время было безнадежно упущено. Спасать армию – людей и вооружение – нужно было раньше, в феврале-марте, когда ста-

ло очевидно, что наступательная операция провалилась. Не следовало ждать, когда все раскиснет, а немцы подтянут к горловине «бутыли» свежие дивизии СС. Тем не менее армия получила приказ начать отход, а при необходимости уничтожить тяжелое вооружение и технику. После боя командир полка приказал Никонову вернуться со своей группой на передний край полка, собрать всех, кто там остался, и возвращаться назад. На передовой нашли менее 20 человек. Собрали их всех. Зашли в санчасть, а Самарин еще живой. Решили нести с собой, хотя сил почти не осталось. Никонов спросил бойцов: «Как, ребята, понесем Самарина?» – «Понесем!» – отозвались все.

Фельдшер Запольский отвел Никонова в сторону и сказал, что Самарина нести бесполезно, потому что у него прострелены кишки и идет воспаление. Все равно скоро умрет. На это Никонов возразил: «Бросить его – значит морально убить товарищество». Понесли, несмотря на заключение фельдшера. Пронесли его болотами 15 км до штаба дивизии. Самарину стало значительно хуже, руки и ноги стали уже остывать. Вскоре он умер. Там, где находился штаб, никого уже не было. Встретили бойца, оставленного сообщить, что немцы уже далеко обошли нас, что обстановка еще более осложнилась.

Опять отправились болотами, обходными путями. Со всех сторон – немцы. Воды и пищи нет. Голод стал нестерпимым.

Вышли на гриву, где в жиге снарядной воронки Никонов увидел трех жирных дождевых червей. «Вот счастье!» – по-

думал он. Все прокатилось в горле даже без пережевывания. Остальные ели все, что попадалось на глаза, лишь бы что-то было в желудке.

6 июня немцы опять перекрыли горловину. В окружении, по официальной версии, остались семь стрелковых дивизий и шесть стрелковых бригад общей численностью 18-20 тыс. человек (по другим данным – 14 дивизий и пять стрелковых бригад). 7 июня Сталин сместил командующего Ленфронтом генерала Хозина, отвечавшего за вывод армии из окружения. Вновь образовывался Волховский фронт, командующим которого опять был назначен генерал Мерецков.

...Догнали группу своих. Узнали, что основные силы отошли дальше после очередного боя с преследователями. Остатки полка догнали уже за Радофинниково, возле железной дороги. Здесь впервые почти за неделю поели и отдохнули. Командир с комиссаром решили организовать из подразделения Никонова группу прикрытия. Так Иван Дмитриевич со своими людьми и прикрывали всю дорогу отход основных сил. Сначала сдерживали немцев, потом догоняли. Бывало, что немцы обходили с флангов далеко вперед. Приходилось прорываться из окружения.

В одной из деревень произошли встреча и бой наших с немцами. Жители разбежались кто куда. Проходя через деревню, Никонов увидел среди убитых мальчика лет трех-четырёх. У мальчика было такое невинное лицо с застывшей маской ужаса, отчего Никонов впервые за все время запла-

кал... Думал: «Ну при чем здесь он?!» Все эти годы, когда замалчивалась правда о трагедии 2-й ударной армии, не принято было говорить и о судьбе мирного населения, находившегося здесь же, в котле. Их судьба была столь же трагичной. Сначала их жгли и убивали отступавшие немцы. Их бомбили. Потом поступил приказ жителям уходить вместе с отступающей армией. Их дома сжигались уже своими, энкавэдэшниками, чтобы не достались врагу. Сколько их погибло в период всеобщего отступления, наверное, не считал никто – никого это просто не интересовало. Те из жителей, кто не смог вырваться из котла и не погиб сразу, возвращались к своим пепелищам и погостам, не имея средств к существованию.

...Прошли Финев луг. Там были брошены зимние запасы – огромные скирды из валенок и одежды. Так все и пропало.

Полку дали участок обороны возле бывшей узкоколейки, в болоте, близко к бывшему проходу. Заняли позицию. Патронов почти нет. Оружие – один ручной пулемет да винтовки без штыков. Некоторые их выбросили за ненадобностью. Бойцов в полку осталось совсем ничего.

Впереди – настоящая, хорошо подготовленная немецкая оборона. О наступлении в этом месте не могло быть и речи. Только перебьют всех без толку.

Никонов с ПНШ полка Диконовым пошел на рекогносцировку. Не успел сделать и несколько шагов, как согнулся от страшной боли в животе. ПНШ сказал, что это сжатие желуд-

ка от голода, и посоветовал проглотить что-нибудь. Рядом был только болотный багульник. Его-то Иван Дмитриевич и стал есть. Боль отпустила. Осмотрели местность и перевели остатки полка в новое место, правее и ближе к железке. Комполка Красуляк отправил Никонова с бойцом Сафроновым в разведку. Оборону Никонов знал хорошо. К вечеру они подошли к стыку между пехотой и минометчиками противника. Тихо прошли и стали двигаться позади его боевых точек. Свои точки немцы делали основательно, не в пример нашим. Выкапывали немного грунта, делали перекрытия и засыпали землей. Оставались лишь амбразуры для ведения огня и выходы. Такие сооружения можно было поразить только минометно-артиллерийским огнем или в крайнем случае гранатами, если подобраться к ним близко. Всего этого у наших бойцов не было. Подойдя к одной из точек метров на пять, Иван Дмитриевич увидел телефонный кабель. Здесь проходила немецкая телефонная линия. Осмотрелись. Линия проходила буквой Г к землянке. Договорились действовать следующим образом. Сафронов оттягивает провод в сторону, а Никонов его обрезает и наматывает на катушку, уходя дальше в сторону. Так и сделали. Иван Дмитриевич намотал уже полкатушки, когда из землянки выскочил немец. Не найдя провода, он побежал дальше по линии. Когда уже вернулись к своим, у немцев началась беспорядочная стрельба. Из трофейного провода проложили линию связи от КП на передний край.

19 июня нашим войскам удалось пробить узкий коридор у Мясного Бора – всего 300-400 м. По этому коридору сначала эвакуировали раненых, потом начали отвод того, что осталось от главных сил. Командир полка поручил Никонову принять прибывшее пополнение. Возле землянки стояли десять офицеров: призванные из запаса лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны. Майор Красуляк приказал отвести их на передний край, только сначала переписать.

Как только Иван Дмитриевич начал переписывать фамилии, немец заактивничал на передовой, открыл стрельбу. Командир полка по телефону дал команду начальнику артиллерии Давберу, о существовании которого Никонов давно уже забыл и у которого неизвестно откуда появились снаряды, дать огоньку по переднему краю: «Немцы шевелятся, а у меня еще пополнение туда не подошло». Огонь открыли почти сразу же, и первый снаряд разорвался рядом со строем. Три человека были сразу убиты, остальные попадали кто куда. Необстрелянное, только призванное пополнение не знало, как действовать. Некоторые бегали между взрывами, как зайцы. Командир полка кричал в трубку Давберу: «Ты мне все пополнение перебил!» Второй раз на памяти Никонова Давбера просили помочь, и оба раза он бил по своим.

Опять получили приказ наступать. Местность была открытая, немцами пристрелянная, сами они в укреплениях, пульей не вышибешь. Сказано было двигаться так: три шага вперед, потом залечь и отползти в сторону, опять три шага

вперед – и так дальше. Стали перебегать, а бойцу Сафронову, что бежал рядом с Никоновым, лезть помешала коряга. Он сделал один лишний шаг и был убит.

Продвинулись лишь на десятки метров. Залегли почти вплотную к противнику. Это было хорошо, потому что в дальнейшем немецкая артиллерия и авиация почти не задевали передний край. Периодически подходило пополнение – группы бойцов без оружия. Винтовки искали на переднем крае. Немец подкараулил Трофима Яковлевича Шишкина, земляка-сибиряка из Тобольска, и ранил его. Пуля вошла спереди чуть ниже горловой ямки, а вышла сзади ниже легкого. Кровь даже не пошла. Хотя был приказ раненым с передовой не уходить, Никонов послал его своим ходом в санчасть, сказав, что, может быть, он хоть найдет там чего поесть. На передовой еды не было давно. Куда можно было дотянуться, все листики с ноготь величиной были съедены. У Ивана Дмитриевича стали появляться сильные боли в животе. После того как он заметил, что больше двух недель не ходил по большой нужде. Отпросился с передовой в санчасть. Начальник санчасти Сидоркин ничем помочь не смог и, сделав укол морфия, отправил в санбат, находившийся в трехстах метрах дальше. Придя в санбат, Никонов увидел жуткую картину: несколько выкопанных широких ям, метров по десять в длину, были доверху наполнены трупами. Кучи трупов лежали рядом. Показалось, что некоторые лежащие еще дышали. На пне сидел медик. И никого ходячего вокруг. Ни-

конов начал объяснять медику, в чем дело, но тот лишь смотрел в одну точку и молчал. Тогда Иван Дмитриевич сказал, что понимает его состояние, но, может быть, он сам еще сможет выжить, если получит помощь. Медик лишь пробормотал: «В телеге». В телеге Никонов нашел бутылку касторки и выпил сколько смог. Пошел в санчасть. Пока шел, два раза падал без сознания. В санчасти Сидоркин сделал еще один укол морфия. Никонов пошел к лежавшему рядом подбитому самолету «У-2», возле которого лежал мертвый летчик. Нашел кусок шланга с краником и сплюснутую воронку. Набрал воды и отошел в сторону, к дереву...

Придя в сознание, Никонов увидел рядом какой-то твердый предмет, вышедший из его кишечника, похожий на кость, сантиметров 15, и зеленую жидкость. Этот день Иван Дмитриевич запомнил хорошо – было 22 июня 1942 года.

Найдя и съев несколько случайно уцелевших листьев, Никонов добрался до переднего края и упал. Силы его покинули. На следующий день он не мог встать. Лежал не двигаясь, изредка произносил слова, еле шевеля языком. Бойцы, находившиеся рядом, умирали в своих ячейках. Никонов видел, как рядом встал боец Александров, начал ловить руками воздух, упал, опять приподнялся, снова упал и замер. Зрачков не стало видно – умер.

Подошедший Загайнов, адъютант комполка, спросил:

– Что с тобой, Никонов?

– Все... конец, – еле прошептал он.

– Подожди часа полтора, я вернусь.

«Ушел, но вернулся даже раньше, – вспоминал Иван Дмитриевич. – Принес несколько кусков подсушенной кожи с шерстью и кость. Я спалил шерсть и съел кожу с таким аппетитом, какого у меня в жизни не было. Все пористые места кости сгрыз, а оставшиеся твердые части сжег, и уголь тоже съел. Так все делали. У голодного человека зубы становятся острыми, как у волка».

Утром 24 июня Никонов поднялся на ноги. Офицеры рассказали, что пропал Муса Залилов (Джалиль). Его знали многие. Никонов его встречал несколько раз в разных местах во время этого наступления. Один раз даже посмеялся над ним, когда под Глубочкой Муса пришел к ним на КП полка и попал под артобстрел. Будучи еще необстрелянным, Залилов (то, что он Джалиль, будущий Герой Советского Союза и автор еще не написанной «Моабитской тетради», Никонов узнал много позже), прячась от разрывов, стукнулся головой о перекрытие землянки. Лишь значительно позже стали просачиваться сведения о его судьбе.

Нашлись очевидцы того, что Муса Джалиль был ранен осколками в районе узкоколейки. Его нашли и доставили в госпиталь несколько солдат из охраны госпиталя. 26 июня Джалиль вместе с другими ходячими ранеными был захвачен немцами. Всех лежачих раненых немцы убили. В Германии Муса Джалиль стал участником антифашистского подполья и погиб в берлинской тюрьме Плетцензее, оставив по-

томкам чудом уцелевшие и переданные узниками тюрьмы страницы рукописи. Ему принадлежат строки:

Нет, врешь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби.

Вместе с Джалилем в котле находились поэт Всеволод Багрицкий, погибший зимой 1942 года, и всемирно известный скульптор Вучетич, автор монументов в берлинском Трептовпарке и на Мамаевом кургане в Волгограде.

...В этот раз, пока Никонов лежал пластом, Муса приходил к ним на КП. Потом ушел, и никто его больше не видел.

Собрали оставшихся офицеров и сообщили, что Гитлер отдал приказ разбомбить остатки 2-й ударной армии с воздуха. И действительно, начались бомбежки. Группы немецких самолетов летели одна за другой. Бомбили, расстреливали из пулеметов. Многие бомбы в болоте не взрывались, только ухали. Хорошо, что еще раньше близко подошли к переднему краю немцев. Находились от них всего метрах в пятидесяти. Прятались в воронках. Немецкие летчики, не желая задеть своих, не бомбили, и это спасало.

Решено было отходить. Никонову опять поручили прикрытие. Ему оставили всех лежащих, тех, кто не мог уже встать, и еще несколько человек ходячих. Приказали потом все имущество собрать и сжечь.

Никонов пошел не передний край, начал проверять людей. В ячейках лежало много уже умерших и тех, кто не мог двигаться. После ухода остатков полка на передовой остались кучи винтовок. Возле ручного пулемета были оставлены два бойца с двумя снаряженными дисками. Никонов зарядил оставшимися патронами диски своего автомата, распределил людей, каждому бойцу указал позицию. Все понимали, что придется погибать. «Немцы, видимо, получили приказ уничтожить нас, – вспоминал Иван Дмитриевич. – Сначала с немецких позиций стали доноситься громкие гор- танные выкрики, затем они встали почти в полный рост, открыли огонь и пошли в атаку. Мы дали залп. Они сразу затихли. Потом все повторилось сначала. Когда у них прошла охота наступать, мы дали очередь из пулемета и стали отходить. На КП сожгли все, что могли. Оставили себе только оружие».

Стали искать пути отхода. Никонов повел людей вдоль ручья к бывшей узкоколейке. Обессиленные бойцы еле передвигались, поэтому колонна растянулась. Боец Поспеловский сел и сказал, что идти не может. Никонов посмотрел ему в глаза – зрачков не видно. Сказал, чтобы тот отдохнул, что-нибудь съел и догонял. Сам-то понял, что не жилец он уже. Догнали своих. Немцы, заметив группу, открыли сильный огонь из пулеметов и автоматов.

Комполка приказал организовать оборону. Он собрал для совещания оставшихся в живых офицеров: Никонова, ко-

миссара и инженера полка. Все стояли очень близко друг к другу, буквально на одном квадратном метре. Никонов пояснял, что он здесь был в разведке, что они подошли к флангу немецкой обороны. В этот момент немецкая минометная мина попала прямо в грудь инженеру и разорвалась. Инженер умер мгновенно, командира ранило в ноги осколками. Комиссар полка Ковзун и лейтенант Никонов остались невредимы, без единой царапины. Майора Красуляка оставили на попечение начальника санчасти Сидоркина и адъютанта Загайнова, а Никонову комиссар поручил принять командование над остатками полка, как самому опытному из оставшихся командиров. Никонов заметил в двадцати метрах перед собой немецкие минометы. Здесь был фланг обороны противника. Сами минометчики убежали, увидев наших бойцов. Решение было одно: только вперед. Он сказал, что если они пробьются, то за ними пойдут все остальные.

...Военным советом армии было принято решение прорываться всеми оставшимися силами в ночь с 24 на 25 июня. Люди прекрасно понимали, что их ждет во время прорыва и в случае, если он не удастся. Результат мог быть один – смерть. Но другого выхода не было. Немцы тоже все прекрасно видели и понимали. С двух сторон 300-400-метрового коридора протяженностью несколько километров, прозванного долиной смерти, прорывающихся поджидали эсэсовцы – сытые, вооруженные до зубов и зарывшиеся в землю. Командование фронта не бросило в прорыв на помощь выходящим

из окружения танки. И авиация не смогла оказать поддержку. Остатки армии устремились в узкий, как загон для охоты на волков, коридор, простреливаемый из всех видов оружия. Удивительно, что после такого огня кто-то уцелел. При попытке выхода через этот постоянно открывающийся и закрывающийся клапан был рассеян штаб армии, отдавший команду выходить полками, группами, кто как может. Многие работники штаба армии погибли во время прорыва. Некоторым удалось выбраться к своим, в том числе и к партизанам. Кто-то был взят в плен. Некоторые по примеру комиссара Зуева застрелились, чтобы не попасть в плен. Командующий армией генерал Власов более двух недель скитался по лесам с небольшой группой сопровождавших. Эта группа постоянно уменьшалась. От нее откалывались мелкие группы, пытавшиеся выйти самостоятельно. 12 июля Власов вместе с сопровождавшей его поваром-медсестрой Вороновой вошли в деревню Пятница, заявили, что они беженцы, и попросили еды. Им не поверили, и полицаи из местного отряда самообороны закрыли их в сарае. На следующее утро, 13 июля 1942 года, Власов и его спутница были переданы немцам. Из сохранившихся документов стало известно следующее.

...Из сарая вышел большевистский солдат, одетый в длинную блузу, в больших роговых очках, и на ломаном немецком произнес: «Не стрелять, я генерал Власов». Он передал немецкому обер-лейтенанту все свои документы. Предательство Власова началось сразу. Он согласился работать

на немцев, выдал известные ему сведения и стал предлагать свои услуги по созданию из советских пленных вооруженных формирований для борьбы против СССР. 15 июля в штабе немецкой группы армий «Север» в Сиверской Власов подтвердил данные немцев о том, что советские войска под Ленинградом еле удерживают линию фронта и для нового наступления сил нет. Очень возможно, что после этого часть немецких войск была переброшена под Сталинград.

...Остатки 382-й стрелковой дивизии, и в том числе 1267-го стрелкового полка, командиром которого теперь уже стал лейтенант Никонов, около 22.00 24 июня двинулись вдоль узкоколейки к речке Полисть. Рванули вперед из последних сил, если так можно выразиться. Немцы открыли огонь из всех видов оружия: прямой наводкой била артиллерия, сыпались бомбы, косил кинжальный огонь пулеметов. Все превратилось в кровавую кашу, долину смерти, мясной бор. Наши ударили по немцам с другой, внешней стороны Мясного Бора из всех имеющихся калибров, сообразив, что если немцы ведут огонь, значит, начался прорыв из кольца. Этот участок немцами был хорошо пристрелян. Здесь из окружения уже пытались прорываться не раз. Огонь был страшным. Все летело вверх: трупы, земля, пыль. Все было в дыму, ничего не видать. Люди падали и спереди, и сзади. Их добивали вражеские автоматчики. Приходилось перешагивать и через старые разложившиеся трупы, мертвых лошадей и людей. Такого огня Иван Дмитриевич больше не видел никогда,

хотя потом прошел всю войну. Разве что у Спасской Полисти было что-то подобное. Земля, болотная жижа и все остальное было красным от крови. Вокруг сплошное людское месиво.

Прошли так километра три. Дошли до огромной воронки, в которую могла бы поместиться изба. Глубина – не менее трех метров. Спустились в нее передохнуть и осмотреться. Набралось человек пятнадцать. Бойцы тут же начали меняться: мясо, срезанное с убитой лошади, на махорку... Немцы слышали разговор и начали из пушки стрелять по воронке прямой наводкой. Один снаряд попал в край воронки, ранив осколками несколько человек. Воронка осыпалась. Пришлось вылезать из нее и идти дальше (бежать никто не мог). Рядом с Никоновым двигались несколько человек. Орудие продолжало стрелять. Под огнем, уже не обращая внимания ни на что, дошли до речки Полисть. Когда стали входить в воду, от пулеметной очереди упали шедший рядом лейтенант Александров и еще несколько человек. Входя в воду, Никонов почувствовал сильную боль. В него попала пуля, но крови видно не было. «Воздухом прошла, ничего не задела», – подумал он.

Река была неглубокая, ноги доставали до дна. На выходе из воды попался какой-то младший лейтенант. Он сообщил Никонову, что влево идти нельзя: «Наши туда пошли, их в плен взяли».

Ползком двинулись правее. Увидели подбитый танк, а на

нем – нагло стоящего немца. «Рус, сюда!» – кричал фриц. У младшего лейтенанта была винтовка. «Патроны есть?» – спросил Никонов. «Есть», – ответил тот. «Стреляй». Выстрелил, немец свалился. Поползли дальше. Земля была вся перекопана и перевернута не один раз. Ни травинки. И вдру – тишина. Нейтральная полоса... Никонов не дополз до своих лишь пять последних метров. Его вытащили. Когда открыл глаза, дали сухарик. Съел. Потом встал кое-как. Подошел его боец Ткачук. Присели вместе на бугорке, очухались. Ткачук отломил кусочек своего сухаря и протянул командиру...

Иван Дмитриевич думал, что из их полка вышли всего трое, но увидел, что с разных сторон движется довольно много народу. Среди идущих он увидел и комиссара Ковзуна.

Было 25 июня 1942 года. Оказалось, что прорыв совершила их группа, а за ними вышла часть других подразделений – всего, по мнению Никонова, человек 150-200. Из 1267-го стрелкового полка из окружения вырвалось не более 20 человек. В этот же день немцы участок прорыва закрыли. Последняя группа вышла на этом участке 28 июня. Прорвавшимся из окружения бойцам и командирам давали сухари, сахар, консервы, чекушку вина на каждого...

Никонов сделал глоток вина и съел пару ложек каши. В животе появилась страшная боль. Его согнуло пополам, он потерял сознание. Однополчане нашли подводу и повезли

его в санбат. Очнулся Иван Дмитриевич на хлебном поле. Открыл глаза – небо ясное, солнце светит и греет. Хорошо. Едва смог повернуться на бок. Увидел в лесочке каких-то людей. Спросил: «Это немцы?»

– «Нет, наши. А тебе в санбат нужно», – сказал один из бойцов. «Поехали к нашим», – уже прошептал Иван Дмитриевич...

Потом везли в машине в баню. Душевые были размещены в палатках. Едва вода попала на тело Ивана Дмитриевича, как всего его захлестнула ужасная, нестерпимая боль. И не его одного. Так никто и не помылся, лишь переоделись в свежее белье. Окруженцев разместили недалеко от этого места, в лесу. Стали хорошо кормить. Повар варил такой суп, что сверху в кастрюле плавало сантиметров пять жира. Каждому давали чекушку вина на день и чекушку чего-то черного, настоящего на спирту, на два дня. Привезли множество посылок с продуктами и всякой стряпней – ешь сколько хочешь. И это было словно издевательством каким-то: есть не мог никто. Некоторые умирали, так и не сумев восстановиться, – жили на одном усилии воли, пока была цель выйти к своим.

Никонов сильно опух, все тело тряслось, как студень. Утром вставал и ничего не видел, пока палочки в веки не вставлял.

Два раза врачи отправляли его в санбат, но он упорно отказывался. Потом об этом сильно пожалел, потому что дистрофия сильно отразилась на дальнейшей его жизни.

В один из дней увидел Никонов знакомого майора – артиллериста из штаба дивизии. Спросил его о судьбе начальника политотдела Емельянова. Артиллерист рассказал, что когда немцы окружили штаб дивизии и стали брать в плен всех, кто в нем был, комиссар Емельянов застрелился, не желая сдаваться врагу...

За время боев Никонов был свидетелем многих подвигов и героических поступков наших бойцов и командиров, но, к сожалению, не видел (и не слышал), чтобы кого-то за это наградили. Через месяц его и других бойцов из разных частей 2-й ударной армии отправили на переформирование на правый берег реки Волхов, недалеко от Званки.

Так закончилась для лейтенанта Ивана Дмитриевича Никонова, командира роты связи 1267-го стрелкового полка, его битва за Мясной Бор.

ИТОГ

29 июля в официальной сводке Совинформбюро сообщалось: «Закончились ожесточенные боевые действия оставшихся в окружении частей 2-й ударной армии и 59-й армии». Однако мелкие группы бойцов и командиров просачивались из окружения до середины июля. Потом немцы зачистили территорию котла. Но и позже, вплоть до самой осени, мелкие группы окруженцев выходили под Старой Руссой и в других местах. Некоторых из тех, кто выходил позже ставшего известным предательства Власова, считали предателями власовцами и встречали криками «По предателям огонь!».

Данные о потерях в Любанской операции противоречивы. Некоторые считают только тех, кто погиб или был взят в плен при выходе из окружения. Отсюда и берутся 6 тыс. убитых и 8 тыс. пленных, о которых упоминает в своих воспоминаниях К.А. Мерецков. Совинформбюро 30 июня 1942 года сообщило, что убитыми значатся 10 тыс. человек и еще 10 тыс. – пропавшими без вести (а ведь только в 1267-м стрелковом полку, по свидетельству Н.Д. Никонова, с января по конец апреля было списано 12,5 тыс. человек, без вести пропавших).

По немецким данным, только в плен взято более 33 тыс. человек (по данным НКВД – 27 тыс. 139 человек, но включены не все), убито более 130 тыс. человек, захвачено 650

орудий, 3 тыс. пулеметов и минометов, и т.д.

Есть и другие цифры. Из них следует, что из окружения смогли прорваться от 6 до 16 тыс. человек. Только при прорыве погибли и пропали без вести от 14 до 20 тыс. человек, не считая гражданского населения. Общая численность безвозвратных потерь (убитых) составляет примерно 150 тыс. человек (разные современные источники указывают 146 тыс. 546 человек (без учета раненых, умерших в котле), 156 тыс. человек и 158 тыс. человек). Причем эти цифры обосновываются вполне логично. Говорится, что потери безвозвратные и санитарные составили более 300 тыс. человек, почти две трети из которых – санитарные потери.

В прессе приводились данные Новгородского военного комиссариата, по которым значится, что в Новгородской области было убито более 800 тыс. человек, 510 тыс. из которых захоронено. Из этих 510 тыс. установлены имена немногим более 200 тыс. человек. Остальные лежат в лесах, болотах, во рвах бывшей Ленинградской области (территории современных Новгородской и Псковской областей входили раньше в состав Ленинградской) уже более 60 лет.

Есть еще цифры, от которых становится не по себе. Помимо вырвавшихся из окружения и убитых, были еще две категории – раненые и пленные. Захваченных пленными немцы сортировали на месте: кто мог ходить, угоняли в Германию, больных и раненых добивали и закапывали во рвах. Так что их нужно отнести к убитым. Раненых же добива-

ли все. Немцы, когда захватывали госпиталья, сортировали, как уже говорилось выше, а наши тоже это делали – по-своему. Так, в книге Б.И. Гаврилова «Долина смерти» приводятся факты того, что раненых красноармейцев, оказавшихся в окружении, когда возможность эвакуации исчезла, уничтожали свои же особисты. Взрывали машины с ранеными и расстреливали их из пулеметов. В это легко поверить, если вспомнить небезызвестные заградотряды. Многие раненые умерли голодной смертью в многочисленных землянках и блиндажах на территории котла. Некоторые из них были обнаружены немцами и замучены (кроме немцев после разгрома армии сюда были переброшены батальоны СС, в составе которых были бельгийцы, голландцы, поляки, известные своим усердием в этих делах латыши и другой интернациональный сброд, выполнявший здесь карательно-полицейские функции).

Может быть, еще и поэтому не говорили о Любанской операции? И об этом тоже молчит Мясной Бор?

Сейчас можно с легкостью судить, что было правильно, а что – нет. Были оправданны понесенные жертвы или нет. Истинные виновники известны, но крайних среди них нет. Главное все-таки заключалось в том, что простые русские люди в очередной раз смогли сделать все от них зависящее, и даже намного больше, грудью защитив родину в час тяжелого испытания. Они не были сломлены, и уже вскоре Красная армия громила недавно еще непобедимого врага на

всех фронтах. Что же касается этой операции, то в Военном энциклопедическом словаре о ней сказано так: «Любанская операция не получила полного завершения вследствие возросшего сопротивления противника. Однако в ходе нее советские войска захватили инициативу и заставили противника вести оборонительные бои. В результате оказались скованными не только главные силы 18-й армии, но и всей группы армий “Север”. Несмотря на сложные условия, советские войска в Любанской операции сорвали планы нового наступления противника на Ленинград».

Любанская операция была не первой и не последней попыткой прорыва блокады. Были и другие: Усть-Ижорская, Красноборская, Мгинская, первая и вторая Синявинские... Но эта операция была особой.

P.S. Осенью 1942 года, когда армия была сформирована заново из бывших окруженцев и вновь прибывшего пополнения, 2-я ударная армия под командованием генерала Клыкова принимала участие в прорыве блокады в районе Мги и Гайтолова. Армия в составе 16 стрелковых дивизий снова попала в котел, как и в районе Мясного Бора, и ко 2 октября была уничтожена немцами. Все повторилось почти с той же точностью, только в меньших размерах. Немцами были уничтожены семь стрелковых дивизий, четыре танковые бригады, захвачено в плен 12 тыс. пленных, большое количество техники и вооружения.

Разживин Николай Иванович

Южное Леметти после взятия финскими войсками. Фото из финских архивов

Подстреленная русская противотанковая пушка в болоте и трясине. Волховское окружение. 1942 год

Взорванный русский состав в волховском котле. 1942 год.

Фотографии немецкого фотографа Георга Гундлаха с

Волховского фронта

Пленные советские солдаты идут в лагерь военнопленных. Июнь 1942 год.

Фотографии немецкого фотографа Георга Гундлаха с Волховского фронта

Хаос во время битвы в волховском котле.

Справа – искалеченное туловище немецкого солдата. 1942

год

Игорь Смирнов-Охтин

ШКОЛА СУДЕЙ

ШКОЛА СУДЕЙ

Смерть миновала нашу маленькую семью (мама, папа, я), хотя ее и ждали, и даже делали приготовления – хмуро и молчаливо, будто и не ее ждали, и не к ее приходу готовились. И она не пришла. Я о ней только слышал, когда умирали родственники, знакомые, но то были другие семьи, люди, с которыми я, четырехлетка, был связан лишь паутиной понятий: двоюродный брат, двоюродная сестра, тетя, папин друг дядя Боря... И их смерть я воспринимал как смерть вообще, как нечто нормальное. Потому что я знал тогда только две смерти: смерть от голода и смерть на войне. Я не знал, что можно умереть от воспаления легких или оттого, что состарился, одряхлел... И потому, что известных смертей было две, смерть от голода, как смерть ненасильственная, казалась мне смертью естественной.

Нет! Покойников на санках не будет. И не потому, что специально отказываюсь от описания жути, а уж очень непосильно тащить через жизнь тайную память. Непосильно даже для меня. Даже для меня – потому что как бы спокойно

благодаря неведению я ни относился к смерти, ее вокруг меня (хотя и круг-то маленький!) было так много, что уже потом, когда смерть вошла в мирную норму, помнить все смерти... Помнить смерть, уже по-взрослому осознавая, помнить ее запах, цвет, во что заворачивали, помнить недопустимо упрощенные ритуалы – все это помнить, и жить, и быть нормальным человеком!.. И я забыл. Забыл даже значительное, что заставляло дрожать даже меня, эмбриона. Забыл, многое размылось в памяти, стало фоном, на котором иногда неожиданно вырисуетя нечто – живое и яркое, но явно случайное, о чем можно было бы и не помнить... Но вот помнится же!..

И вот таким хорошо прорисованным вижу я двор – третий двор нашего дома на Невском проспекте. На Старом Невском, как говорили тогда, да и сейчас говорят: Невский, Старый Невский.

Большую часть ребят и девчонок нашего двора вывезли куда-то далеко, в безопасное место, а я и те, кто не попал в большую часть, играли во дворе в разные игры, довольно веселые, только нас, играющих, все меньше становилось. И происходило это незаметно, само собой: просто спохватишься, что Витька Шаров уже несколько дней нос во дворе не показывает. И мы догадывались, что Витька Шаров никогда уже и не появится, и мы это принимали как факт. Вслух ничего такого не говорили, не обсуждали (может, и неприличным тогда считалось говорить о таких вещах) – мы только играли в разные веселые игры, и пришло время, когда нас,

играющих, трое осталось. В нашем третьем дворе. Я был тогда клопом, и моим миром был третий двор, и мне этого мира вполне хватало. Спускаюсь по лестнице с третьего этажа – и я во дворе!

И не целиком этот двор в памяти – частностями: кривая звезда (мелом на дверной филенке моей лестницы), разноцветная фанера в окнах, слой льда, такой толстый, что, казалось, никогда не увидеть дворовых булыжников, а в углу двора, на решетке над канализационным колодцем, – замерзшая куча экскрементов. Она, эта распластанная лепешка в зеленых, желтых и коричневых тонах, не вызывала тогда ничего к себе брезгливого, и лишь время от времени зрочки останавливались на этой куче и застревали на ней. Куча была пестрой, вернее ничего более пестрого во дворе не было, и что верно, я голодал еще одним видом голода – цветом. И эта пестрая покрытая глянцем лепешка два-три метра в диаметре, к существованию которой я относился спокойно, – самое тягостное воспоминание, которое я приволок в сегодняшний день. И когда безобразная лепешка всплывает – гримасой пытаюсь отогнать как нечто такое, чего не должно быть, что недопустимо для хранения в памяти.

Ну а самое, что было интересного во дворе, – это дрова!

Теперь, чтоб «во дворе – трава, а на траве – дрова», – теперь таких дворов нет. И хоть в этом можете нам позавидовать: у нас была отличная игрушка – дрова во дворе!

Параллелепипеды (на попа и в лежку), кубики, кубиче-

ские метрики дров в штабелях и кое-как, но обязательно железом обитые, проволокой обтянутые. Дрова были в бревнах: пиленых и колотых не было, пиленые и колотые тащили домой, пиленые и колотые хранились дома. Во дворе на исшарканном смерзшемся снегу громоздились замки, крепости, которые нужно было защищать или брать штурмом, катили крейсера, самолеты пикировали, метко швыряли бомбы, иногда их сбивали, и тогда надо было прыгать с парашютом, и мы прыгали, и попадали в окружение, и расстреливали окружение, и выходили невредимыми, и садились в танк, и катили, переваливаясь, через фашистские окопы, укатывали глубоко в тыл врага и там разворачивали боевые действия, разворачивали успешно и возвращались к своим, и говорили: «Служу Советскому Союзу!» – и снова вступали в бой... или катались с горы на санках. И пришло время, когда нас, играющих, уже трое осталось.

Я не могу сказать точно, когда я с ними познакомился. Просто, оглядываясь назад, вижу: был человек, которого звали Константиныч, и выходил Константиныч во двор в хорошем для того времени пальто, и пальто ему было в самый раз. И был он хотя и худенький, но не дистрофик. Как сейчас вспоминаю: ничего дистрофичного, просто худощавый малыш. И это – отсутствие признаков голодухи, общий здорово-сытый вид – здорово нас нервировало. Внешне такая нервозность не проявлялась, в основном раскачивала подкорку, а если и вырывалась, то изредка, мгновенным каким-то

всплеском.

Особенно часто не сдерживал себя Вовастый Пухляк: то взглядом, то словом, то жестом... Вовастый Пухляк к Константинычу относился хуже, чем ко мне, намного хуже. А ко мне хорошо относился, очень даже хорошо. Я, кажется, помню, что нас подружило с Вовастым: подружили нас санки. Мои санки.

Тогда нас во дворе было больше чем трое. Пять человек было, и одна снежная гора, и одни санки – мои санки.

Не помню, откуда снежная гора взялась. Вроде никто не строил. Может, какую кучу мусора завалило снегом, и образовалась гора – соседним дворам на зависть.

Спустился я с третьего этажа со своими санками, и Вовастый Пухляк во двор вышел. И начал я с горы кататься. А Вовастый на горке стоит, взобраться помогает, пока сажусь – санки подержит, потом столкнет, и я покачусь и долго-долго еду, почти до самой кучи... ну, этой лепешки, о которой говорил. Так несколько раз.

И тут Вовастый заглянул мне в глаза и говорит:

– Можно я?

Сел. Прокатился. Меня усадил. Я пару раз съехал. Потом опять Вовастый.

И так пошло: два раза я – один раз Вовастый Пухляк. Кто-то еще из ребят во двор вышел. Вовастый придвинул свое лицо к моему, заглянул в глаза (умел он как-то в глаза заглядывать, как-то снизу, так что взгляд его сквозь твои зрачки

проходил и застревал в мозгу) и сказал:

– Давай будем дружить.

– Давай! – сказал я.

Вообще-то я со всеми ребятами дружил, но без специальной договоренности. А с Пухляком, значит, будет особенная дружба, раз он так заострил. Я не ошибся – дружба сразу начала входить в права. Дружба придвинула ко мне лицо, заглянула в глаза и сказала:

– Мы будем только вдвоем на санках. Больше никому не дадим!

***

С виду Вовастый был такой... ни дать ни взять беспризорный эпохи гражданской войны. Хотя и не в лохмотьях: пальто-балахон, демисезонное, серо-коричнево-рыжее, до самых пяток, из которого чтоб вырасти – расти и расти, шапка-ушанка (солдатская, что ли?), два войлочных валика изпод пальто... Был заметный контраст между бегающими голыми глазами на толстощеком лице и спокойными движениями, общей какой-то положительностью: свидетельство сильной воли, твердого характера, душевного спокойствия – качеств, необходимых для суровой беспризорной жизни.

В дровах была яма. Не до земли, дно ямы – тоже дрова.

В яме: я, Вовастый Пухляк и Константиныч.

Над нами кровельное железо, ржавый лист полтора на полтора метра (по размеру ямы), – крыша.

От сознания, что над тобой крыша, а со всех сторон – толстые деревянные стены, уютно. Кажется, даже тепло. Хотя холодно! Кажется, что теплее, чем в наших квартирах, а в квартирах хотя и не очень тепло, но все-таки теплее, чем в дровяной яме. А кажется так потому, что в яме нет войны, нет ничего, что напоминает войну: игра в крестики-нолики на оконных стеклах (с абсолютной победой крестиков), флакончики с керосином (маленький свет и большая копоть; «Игорь, смотри: опрокинешь – пожар будет»), буржуйки – когда топятся, и дверца приоткрыта, и ты рядом, и смотришь на огонь, и наполняешься теплом... Дюпоны, Морганы и прочие буржуи – вовек такого счастья им не испытать!.. И кухня («Игорек, сходи на кухню за молотком. Шапку только надень»)... В нашей яме ничего этого нет. Для нас троих это и не яма вовсе, а пещера разбойников, дзот, приемная короля, охотничий домик и... вообще другая планета.

Сидим. Стены деревянной пещеры к нашим спинам прижаты. И какая-то щепка мне спину дырявит, но двигаться не хочется, пусть дырявит – первая заявка моей лени. Ноги

наши неестественно спутались – где чья нога? И весело нам оттого, что ноги – так; оттого, что прошла женщина в ватнике и с муфтой, большой, меховой, прошла, не подозревая, что мы здесь, совсем рядом; и нам весело оттого, что мы-то знаем, что мы здесь, а она не знает. И еще не можем никак отдышаться: только что кончился бой, отстрелялись удачно, эскадрилью немцев скинули, а тут во дворе Вовастый Пухляк возник, поежился, проследил, как падает горящий фашист, и полез в пещеру. Мы дали отбой и полезли за ним.

И вот сидим, и уже отдышались, и надо что-то делать, но делать ничего не хочется, играть даже не хочется. И я спрашиваю просто так: «А во что мы теперь играть будем?»

– Чего – играть?! Давай посидим, – сказал Пухляк.

– Правильно, – сказал Константиныч, – давайте еще посидим.

И мы еще посидели минуту в мире и тишине.

А потом мир и тишина кончились – Пухляк сказал Константинычу:

– Ты бы сходил домой, вынес чего пожевать... Лепешек, может, каких?!

Мир кончился! В деревянную яму пришла война. Та война, что не на поле боя, а та, что в перерывах между артобстрелами заливают улицы, дворы, глушит краски, холодным сумраком втекает в квартиры, и обволакивает все живое, и из всего живого высасывает все живое.

Этот год войны мне так и запомнился: звуковой образ –

молчание Константиныча, когда ему предложили вынести что-нибудь пожевать из дома.

Константиныч ничего не сказал, но он как-то насторожился – напрягся, что ли... И произошло: в яме уже не трое ребят, а сидел один, и сидело двое, и обозначилась линия обороны, и...

тишина! Оглушительная.

– А что, – Пухляку нужна моя поддержка, – неплохо бы чего пожевать?

– Да, – сказал я, и «да» было правдой.

– У него дома есть чего пожевать. Я знаю, – сказал Пухляк. А я не знал, но казалось правдоподобным, что у Константиныча дома пожевать кое-что имеется – гораздо больше, чем, скажем, дома у меня или у Вовастого. Так казалось. Константиныч никогда о еде не говорил, всегда выглядел сытым.

– А чего он не хочет вынести? – и сказал это Пухляк негромко, почти шепотом, как все, что он говорил.

И вот – все. И только общая неприязнь к Константинычу, и только одна моя фраза:

– А чего ты?.. Вынеси чего-нибудь... и – молчок! Я – молчок, Вовастый – молчок, Константиныч – молчок. Общий молчок.

Загрустил Вовастый. Вслед за ним я загрустил. Да и Константиныч не веселился. И эта коллективная грусть как-то вновь нас объединила.

Мы сидели. Потом Вовастый поднялся, прогремел желе-

В те годы хлеб, или то вещество, что этим словом обозначалось, ленинградец мог получить только в одной, совершенно конкретной точке на земле. Это была лавка, к которой прикреплялись хлебные карточки человека. Лавки хранили название булочная – это историческая справка.

Наша булочная, к которой мы были прикреплены, – и сейчас булочная. И даже столик – мраморная доска на резных ножках из красного дерева, на которой можно разложить покупки, – оставался до недавнего времени, так же как и вертящиеся стеллажи для хлебов, батонов.

А помню свет двух керосиновых ламп, двух продавщиц – передники поверх ватников – и шепот молчаливой очереди, помню, как портновские ножницы стригут ма-а-аленькие квадратики зеленых бумажек, а свет керосиновых ламп освещает лица продавщиц снизу, и лица похожи на маски, и на детское сознание колышущиеся тени ложатся картиной таинственной, сказочной. И во всем этом было что-то от тайной вечери, а Христом был жестокий порядок двадцатипятиграммовой раскладки...

После отмены карточек я не ходил в эту булочную – ходил в другую, хотя она и дальше. И только сейчас, когда начал писать об этом, понял, почему так делал. Только сейчас... А

что же мне еще предстоит заново увидеть и пережить, войдя в тогдашнего себя, а затем осмыслить – присущим мне уже сегодня смыслом?!

Тогда я в булочную ходил с мамой, вернее мама ходила со мной, брала меня как телохранителя, понимай – как хранителя карточек, хлебохранителя. Я должен был смотреть, чтобы не подкрался парень, не схватил, не вырвал, не убежал. У мамы много забот, мыслей, мама могла зазеваться, а у меня мыслей мало, и я должен был следить. Хотя наша семья голодала, но, приходя в булочную, я не глотал слюнки. Потому что голодуха – это не само желание есть, а состояние: слабость, зябкость. А желание – это думанье, виденье, время еды. Хлеб в нашей семье становился едой лишь тогда, когда пайка уже была поделена между нами троими. Тогда и появлялось желание, но и тогда его, желание, мы попригашивали ритуалом: неспешностью, сосредоточением над очередной крохой, отделяемой двумя пальцами от кусманчика, и уже во рту – разминанием этой крохи в кашицу и проглатыванием капли этой кашицы. И все это – синхронно с двумя другими едоками... При свете спиртовки. Потом, во взрослой моей жизни, знающие люди сказали, что такое нас и спасло...

***

В тот день мы пришли в булочную засветло. И только

мы пришли и мама встала в очередь, я повертел головой туда-сюда и сразу увидел Вовастого Пухляка.

Вовастый Пухляк просил милостыню.

В нашем дворе все знали, что Вовастый побирается.

У Вовастого была тетка, по нашим понятиям – злая. Вид у тетки был злой, да и лицом в бабу-ягу вышла – вот мы и считали ее злой.

Тетка ходила просить милостыню. Брала с собой Вовастого.

Иногда Вовастый ходил один. Сумка у него холщовая на боку болталась. Когда возвращался, во дворе не застревал – шмыг на лестницу, а уже потом выходит, играет с нами.

А мы – ничего. Мы не возражали, что Вовастый побирается.

Мы ничего ему такого не говорили – дескать, как тебе не стыдно, и другие слова, которые могли бы сказать, если б знали слова. Но мы не знали. Зато знали, что тетка заставляет Вовастого побираться, и это было оправданием.

И знали, что мы-то бездельничаем, а Вовастый – трудится, ходит как бы на работу. Это рождало уважение.

И никто никогда не видел, как Вовастый тянет руку: они с теткой уходили куда-то далеко, в другие булочные. А тут – на тебе! – Вовастый в нашей булочной побирается...

Я опешил. И первое, что я почувствовал, – стыд!

Я оглянулся: не заметил ли кто, что между мной и Вовастым что-то есть? Что между мной и Вовастым есть фраза

«Давай будем дружить!» – и мой ответ: «Давай».

А Вовастый меня не видел. Он стоял у прилавка и внимательно следил, как отрезаются зеленые квадратики, как отрезается хлеб и как этот хлеб взвешивают, и он внимательно следил за стрелкой весов, как будто это ему вешают, и когда женщина-продавец протягивала тщательно взвешенный кусок, Вовастый сгибал правую руку, заглядывал в глаза человеку, который со своей пайкой уже отходить собирался от прилавка, поворачивался – и лицом к лицу с Вовастым, и что-то шептал... Не было протянутой руки! Вовастый держал полураскрытую ладонь у груди. И казалось, вложи ему в согнутую руку букетик с цветами – и все обернется другим смыслом. Но букетика не было. И согнутая рука с полураскрытой ладонью означала протянутую руку.

***

Я был растерян.

Я оказался перед житейской задачей: твой товарищ стоит и просит у народа хлеб, и ты должен подойти и поздороваться с ним, спросить или сказать что-то веселое. Но родители успели засунуть в твою голову догму, и догма эта зудит: попрошайничать – нехорошо! И как быть?! Того и гляди люди поймут, что ты – друг Вовастого, подойдут, головой покачают, скажут: «Ай-ай-ай!»

Я стоял у мраморного столика с резными ножками, смот-

рел, как мой друг заглядывает в глаза. Только он умел так: снизу, через зрачки – и прямо в сознание, в мозг... Но довересков не давали. А он – ничего, не обижался. И опять внимательно следил за весами, и снова заглядывал в глаза и что-то шептал... А я – в сторонке, у мраморного столика. И я не подходил к маме: мне казалось, подойти к ней и встать рядом – предать Вовастого. Дескать, я вот здесь, с почтенными людьми стою, чтобы получить свою законную пайку, а ты – вот там, по другую сторону закона. И я не с тобой, я – с ними. Нет, я не мог подойти к маме! И, конечно, не мог так рассуждать. Но я так чувствовал.

Но вот мама подвинулась к финишу: перед ней уже два человека оставалось, и она кивнула мне – дескать, давай подходи.

Что делать? Я подошел.

Я подошел, но не к маме, а прямо к весам, у которых стоял Вовастый, – и получилось, что будто я и к маме подошел, но в то же время было непонятно, где моя мама. И тут мы с Вовастым друг друга заметили... И, видно, я так удачно подошел, что Вовастый подумал, что это я к нему подошел. И я сказал Вовастому: «Здравствуй!» И получилось это очень приветливо, непринужденно. И Вовастый кивнул, даже два раза кивнул. И ничуть не смутился, когда увидел меня, – кивнул мне, и все. И на его пухлом лице ничего такого не изобразилось, и уже не обращает на меня внимания, свое дело продолжает, а я его не загораживаю, так что он вполне может

продолжать свое дело.

Но тут, когда перед мамой оставался один дядька, Вовастый взглянул на меня и кивнул: «Вставай».

И я встал впереди Вовастого и не мог понять, зачем Вовастый меня – впереди себя: я ж его теперь загораживаю! Он же не знает, что за дядькой – моя мама, потому что с мамой незнаком, не пришлось познакомиться. Может, он хочет, чтобы я без очереди отоварился? В общем, не мог я сообразить, для чего это он так...

Вовастый сказал: «Вставай» – я и встал. И стою. Чувствую Вовастого за спиной. Смотрю на острый профиль дядьки, которому хлеб вешают. А он головой дергает: от весов – на меня, от меня – на весы, и взгляд у него дикий какой-то.

Вот дядька сжал в кулаке кусок хлеба, что ему взвесили, еще раз дико на меня взглянул и пошел прочь. И вот мама карточки протянула, большие портновские ножницы ловко отстригли три квадратика, столовый нож кусок хлеба отрезал, весы этот кусок взвесили, но стрелка не дотянулась до трехсот семидесяти пяти граммов, необходимых нашей семье, – следовательно, полагался еще довесок. Довесок нам положили... И в это время почувствовал я, что Вовастый какое-то движение за моей спиной производит. Чувствую, что хочет протиснуться между мной и прилавком. Я голову слегка повернул – смотрю, взгляд его, мимо меня, во что-то воткнул, а губы шепчут: «Пусти чуть-чуть!» И я послушно так чуть-чуть отодвинулся, потому что был я в состоянии задум-

чивом и понять, что Вовастому нужно, не мог. А дальше было так. Выбросил Вовастый вперед руку (правую, кажется), схватил триста семьдесят пять граммов хлеба, необходимых нашей семье, которые мама уже успела получить от продавщицы, но положить в авоську не успела, схватил эти граммы и выскочил: сначала – из поля моего зрения, потом – из булочной. А я не сразу – совсем, можно сказать, не сразу – сообразил, что же это произошло. Потому что допустить мысль, что твой друг схватит твой хлеб и выскочит из поля твоего зрения, – допустить такую мысль сразу никак нельзя. И эта мысль – не сразу, конечно, но довольно быстро – раздвигала створку и пролезала в сознание. И пролезть в сознание ей помогал шум: булочная зашумела, закричала. Некоторые фразы – хором, а темные слова и выражения – солисты. И кто-то даже побежал за Вовастым, но сразу вернулся: видно, догонять Вовастого – безнадежное занятие.

А я все воспринимал так, будто не мой хлеб схватили, будто со стороны наблюдаю, как кто-то у кого-то хлеб схватил и что из этого получилось. Но не волнуюсь при этом несколько, потому что в голове два вопроса: «Как же это так?» и «Неужели правда?!» – сталкиваются, разлетаются, и никак их не удержать, чтобы рассмотреть и принять по этим вопросам какое-нибудь решение. И... я увидел маму! У нее губы дрожали. Наверное, не маму, а как дрожали ее губы, увидел... Как передать? С чем сравнить это? Не с чем! Увидел, как мамины губы дрожали, и вернулся к жизни, и понял, что

Вовастый наш хлеб схватил и что теперь мы – без хлеба, и не так мы – без хлеба, как мама – без хлеба! Потому что мама – не только без своей дольки. Она еще без наших долек домой вернется и что-то отцу должна сказать, и самое тяжелое для нее – отец утешать будет.

А еще что было интересного – это никакой злости к Вовастому. Желания поймать, растоптать – не было такого желания. Хорошо помню.

Вовастый Пузан, со своим пальто, латанным из старой солдатской шинели, валенками под цвет пальто, шапкой-ушанкой под цвет валенок и то ли опухшей, то ли толстой физиономией (почему-то до сих пор думаю, что у него была толстая физиономия), со своей степенностью, вдруг оказался в некой окантовке, которая обрубилась связь между нами, – и я уже глазею на него, как на прочих Вовастых, которые вырывали хлеб, карточки. И их почти всегда ловили, начинали бить, били жестоко... И свое сочувствие я всегда отдавал им, а не тем, кто без хлеба оставался, что было, конечно, не по правилам, но страдания тех, кто без хлеба остался, я не видел и домыслить ярко и живо не мог.

А вот стыдно... стыдно было! Что я, такой дурак, не понял Вовастого, не понял, что он хочет сделать! И с ужасом думал, что мать все разглядела и знает, что я даже помог Вовастому. Но я посмотрел на маму – вид у нее такой: в одну точку смотрит, губы дрожат, и кто-то ее утешает, а она – ничего, в одну точку смотрит и от прилавка не отходит. Утешают

ее, но что толку?! Утешают: две женщины шепчут, мужчина в военной форме слова говорит, а скинуться по кусочку от своих пайков, возместить утрату – тогда таких правил не было, возможностей для этого не было. Могли только утешать.

Я взял маму за пальто, сказал: «Пойдем...» Мама кивнула, и мы пошли из булочной... Я по сторонам стараюсь не смотреть, а мама, так та вообще только перед собой смотрит, и глаза у нее не моргают. А вышли на улицу, пошли по улице – и мама ничего, конечно, не говорит, а я по натуре человек разговорчивый и не мог так идти и молчать, и я сказал:

– Это ничего, мама, правда?!

Мать кивнула, сказала: «Ничего» – и проглотила комок, и я думал, сейчас заплачет, но она не заплакала, удержалась. И мы перешли Невский и вошли во двор. Прошли первый двор, средний, а в нашем, третьем дворе я сказал:

– Мам, я погуляю?

Мама кивнула и даже не сказала, чтобы я недолго гулял. А мне надо было остаться во дворе. У меня созрел план и была надежда его выполнить. Я решил пойти к Вовастому домой.

Я знал, на какой лестнице он живет. И я пошел на его лестницу в надежде, что что-нибудь подскажет мне его квартиру... На чужих лестницах мне всегда было страшно. Не знаю почему, всегда было страшно: сумерки – страх от лестничных сумерек, темные углы – страх от темных углов, незнакомые двери – страх от незнакомых дверей, страх перед незнакомыми жильцами. Я искал квартиру Вовастого и трясся!

И, оказывается, я даже не знал, на какой площадке он живет: вроде на этой, а может, выше? А дернуть колокольчик и спросить: «Скажите, пожалуйста, Вова не здесь живет?» – не осмеливался. И я быстро уговорил себя, что мне его квартиру не найти, и, уговорив, в панике рванул вниз, вылетел во двор и вздохнул полной грудью!

И вылетел во двор, и увидел знакомые стены, и знакомую фанеру в окнах, спрессованный снег, и дрова, и горку. Все знакомое. И вздохнул полной грудью, и вздохнул еще раз, и... увидел Вовастого Пухляка!

Увидел силуэт Вовастого в подворотне первого двора.

Я пошел навстречу.

Я не знал, что скажу, что спрошу... Я пошел ему навстречу.

И когда проходил средний двор, внезапно взорвалась мысль, предположение: успел сожрать! Я даже споткнулся об эту мысль, и ноги крепость потеряли, и хотя продолжал идти, уже не мог понять, что меня двигает – ноги или не ноги.

Встретились мы под второй аркой. И я сказал:

– Здравствуй.

А он взглянул на меня, он кивнул мне и пошевелил губами – и уже не смотрит и идет дальше... Такой грузной походкой, как мой папа, когда с работы возвращается. И такое впечатление, будто встретил знакомого, с которым говорить особенно не о чем, а так, кивнул, пошевелил губами, будто слова приветствия произнес, и идет, будто ничего нас не свя-

зывает, как будто полчаса назад я и не помог ему, как будто и не был его соучастником. Помню, это меня даже обидело. И я иду и не знаю, что сказать и как, просить или требовать...

И я говорю... так, между прочим, будто случайно вспомнил...

– Знаешь, – говорю я, – это ты наш хлеб стянул...

Вздрогнул Вовастый – слегка, можно было и не заметить, бросил на меня взгляд, взгляд быстрый такой (он его не поворачивая головы умел бросать) и сказал:

– Чего это... наш?

И все – и взгляд, и фраза – недружелюбно, с подозрением ощетинилось, ворсинки его шинели, шапки, валенок ощетинились. Будто собрался я хитростью заработанный им хлеб отобрать, а он – опытный, дюже опытный человек, и так легко его не проведешь.

– Ну, наш! Это же моя мамка стояла, а ты у ней хлеб стянул...

Я это спокойно и просто сказал: дескать, недоразумение, а ты, конечно, не виноват. Но вот... недоразумение! И разрешить его надо, конечно, в мою пользу – сам понимаешь.

И вот чтобы он, Вовастый, это понял, я так просто, без нажима и сказал, и маму мамкой назвал, интуитивно считая, что мамка – понятнее, а во-вторых, сказать: «Хлеб у мамы стянул – отдай обратно» – все равно что сказать: «Хлеб у меня стянул – отдай мне обратно», а сказать: «Хлеб у мамки стянул» – будет звучать: «Ты тут хлеб у одной женщины стянул»

нул – мы в некотором смысле с ней родственники, так что мне приходится взять ее под защиту, ты уж прости, пожалуйста!» Вовастый идет дальше и, чувствую, соображает. А я – рядом, и чувствую, что Вовастый соображает, что я говорю правду, чувствую, вспоминает он все события: где я стоял, что делал, куда смотрел, что говорил... И уже чувствую, что он понял, что я правду сказал. Но... никакого волнения: чтобы остановился, руками всплеснул, достал пайку, завернул пайку во всякие «прости, пожалуйста» и протянул поспешно, отдал, еще раз извинился – ничего такого.

Идет Вовастый, я – рядом.

Входим под третью подворотню. Он молчит, на меня не смотрит, смотрит вперед себя, на лице – созревшее решение, и от этого решения мне ничего не обломится: хорошо вижу, нутром вижу, недозревшим умом вижу...

И идет он со сжатыми губами, с уже принятым решением. И не пробиться к нему со словами о совести и чести. Можно лишь идти рядом, раскрыв рот от растерянности, лихорадочно соображая, пытаюсь подобрать что-то убедительное и, не находя слова убедительные, заглядывать в глаза, надеясь, что убедительным взгляд окажется, и с каждым шагом такую надежду терять. А можно расправить плечи и заострить себя на цель – тогда почувствуешь, как ты окреп, и доступно тебе удивительно многое!..

И когда Вовастый повернул на свою лестницу, я повернул вместе с ним. Вовастый сделал еще несколько шагов, и по-

нял, что я иду вместе с ним, и, искоса глянув, не меняя лица и не шевельнув губами, спросил:

– Чего это?..

Я ответил. Я сказал.

– Я с тобой, – сказал я и даже не посмотрел на него. Я не посмотрел, но почувствовал, как из него начал выходить воздух! Будто напоролся Вовастый на гвоздь и вот теперь обмякает. Звука – нет, ветра – нет, но чувствую: из него выходит воздух, и даже, кажется, слышу, и, кажется, даже осязаю. И когда подошли к дверям лестницы, Вовастый совсем завял и даже, кажется, похудел. И нос его – пуговицей – куда-то запропастился. Не было никакого носа. И вот, с одним моим носом на двоих, вошли мы на лестницу и начали подниматься...

И углы на лестнице были еще темнее.

Но уже не было страха!

Не было страха в темных углах, за молчаливыми дверями... И не чудилось, что кто-то вот-вот выскочит, схватит за горло: «Ага, попался?!» Или сверлящими глазами: «А ты кто такой?!» Страх не было.

У арифметики страха свои законы. И по этим законам я, как одно из слагаемых (я плюс Вовастый), получил знак суммы. Я перестал бояться этой лестницы.

Вот только мне казалось странным, что Вовастый спокойно ведет меня к себе и не рыпается. А ведь мог бы замахать и закричать. И я бы отступил. Точно! Никаких бойцовских

навыков я не имел. Но он не закричал. Вот что значит занять правильную позицию в начале беседы!

Подошли к его квартире, а я из-за своих рассуждений и не заметил, на каком этаже его квартира. И вот он сунул руку в глубины пальто, звенит ключами, открывает дверь. И я вслед за ним проникаю сквозь серую тьму маленькой прихожей с небрежно «отмытым» силуэтом большого шкафа – прямо в комнату.

Я, наверно, первый раз в жизни попал в чужую квартиру. До войны, конечно, хаживал с мамой, с папой в гости, но все довоенное было за порогом сознания, памяти, за порогом моего «я». И при слове «квартира» мог представить только свою квартиру, при слове «стол» – только наш большой квадратный стол, под которым я мог проходить не нагибая голову.

И вот так неожиданно я попал в чужую квартиру, и даже не очень чужую – с той же планировкой, что наша, и с удивлением узнал, что слово «квартира» вмещает не только нашу квартиру, но и эту тоже. И сразу – сообразительный я все-таки! – проэкстраполировал открытие и представил, сколько еще квартир вмещает это слово, но, конечно, большого разнообразия представить не мог и лишь спустя ох сколько лет понял всю многозначность, драматическую многозначность слова «квартира».

И вот комната: точь-в-точь наша – и совсем не похожа на нашу, и много предметов таких, как у нас. И стол квадрат-

ный, и буржуйка, и спиртовка на столе, и одеяла на окнах – хорошие одеяла. Одеяла отвернуты, потому что не совсем еще темно во дворе. Предметов знакомых много, но не было главного – не было жилого духа. И правильнее сказать – был дух нежилой. Был дух комнаты, в которой не живут, хотя, казалось бы, живут. И уже позже – может быть, только сейчас – понял, из-за чего это проистекало.

Такие же никелированные кровати, как и у нас. Их было четыре, и стояли они по четырем углам, как – потом я узнал – стоят кровати в гостиницах, больницах, общежитиях, в домах отдыха и санаториях. И две кровати в противоположных по диагонали углах ударили зеленой рябью матрацев: ни простыни, ни одеяла, ни подушки, которые должны лежать на кровати, иначе кровать – не кровать. И лишь на одном матраце была свернутая тряпка, но ее, верно, просто положили, и к кровати она не имела отношения.

И вот что еще меня поразило: афиши на стенах.

Их было немного, штук десять, и висели они на стене, у которой стояла кровать, а на кровати лежала тетка Вовастого. А одна афиша висела на противоположной стене. И я в то время уже мог читать и, наверное, прочел эти афиши (наверное, прочел, потому что помню: на афишах названия спектаклей были). И так меня это поразило: что афиши не только на круглых тумбах или заборах, но и в комнате могут висеть; так поразило, что непокрытые матрацы и все остальное, – я только краешком глаза, но разглядел все-таки, что комната

на жилую вовсе не похожа. И делали ее нежилой опустевшие кровати и афиши. И еще, наверное, копоть, неубранность и всякие вещи, для жилой комнаты ненужные. Но к копоти, неубранности и ненужным вещам я привык – это было и в нашей квартире и не усиливало впечатление нежилого.

И когда мы вошли в комнату, тетка Вовастого – она у окна лежала под двумя одеялами – приподнялась на локтях.

– Ты, Вова? – спросила и откинулась на подушку.

В лицо-то я ее знал и раньше. Видел. А вот волосы у нее жидкие, очень мало волос – это я раньше не видел, потому что в платке ходила. И оттого что так мало волос, добрее показалась.

А на меня она внимания не обратила, хоть я и сказал:
– Здравствуйте.

Тетка. Она откинулась на подушку и ничего так не говорит, а только смотрит на Вовастого, и по тому, как смотрит, хоть и темно в комнате, все же видно, что спрашивает.

А Вовастый – я его понимаю – ничего при мне говорить не хочет, переминается. Пальто не снимает, шапку тоже не снимает.

А я снял шапку сразу, как вошел.

А тетка взглядом Вовастого сверлит, продолжает спрашивать. Вот уж не понимаю тетку: чего она при мне с вопросами? Подождать не могла? Ну и сделала дело: Вовастый не выдержал, носом шмыгнул и полез в холщовую сумку.

А во мне заиграло: не сожрал, значит!

И вытаскивает Вовастый нашу пайку. С довеском даже – во! Довесок даже не сожрал! И кладет на стол рядом с коптилкой, и начинает раздеваться: шапку снял, сумку снял, пальто свое – балахон – снял, на вешалку повесил тут же – в комнате у них вешалка (у нас дома тоже в комнате раздевались).

А тетка увидела нашу пайку, воздух из груди выпустила так облегченно и головой кивнула. И даже – вот тоже! – не спросила, кто это Вовастому такую пайку дал. Видно, понимала, что никто бы ему пайки такой дать не мог.

Ну а я, как дурак, стою, смотрю, как Вовастый раздевается, и чего мне делать, не знаю. Тетка лежала с закрытыми глазами, но все-таки заметила, что я не знаю, чего делать, и говорит:

– А что этот мальчик?

А я посмотрел на Вовастого: может, объяснит все-таки, кто я, зачем здесь? Самому мне неудобно... А Вовастый разделся и начал ходить из одного угла в другой, и на меня не смотрит, и отвечать за меня не хочет.

– Как тебя зовут? – спрашивает тетка.

– Игорьь, – отвечаю, а сам смотрю на пайку: может, пайка подскажет, как разговор про нее завести.

А тетка, она заметила, на что я взгляд направил. Она заметила, хоть и с закрытыми глазами лежала. Тетка сказала:

– Ну вот, Игорек, возьми довесочек... Возьми...

И я – взял!

Протянул руку и взял довесок – он сверху пайка лежал. И не потому, что с худой овцы, а потому, что мне сказали: «Возьми» – и я взял. (Сила слова! Сила приказа!)

Можно было довесок в карман положить, но незавернутый хлеб в карман класть негигиенично, поэтому держу довесок в правой руке, руку согнул, довесок – в ладошке, держу бережно, но крепко, будто птичка маленькая: как бы не помять, но чтобы и не улетела. А Вовастый знай по комнате ходит, будто дело у него какое, ищет что-то. А я стою – ничего не делаю. Кусочек хлеба держу, на тетку смотрю, на пайку, что на столе лежит, смотрю, на Вовастого смотрю: как бы его внимание на себя обратить? Может, все-таки поможет мне разговор начать, переговоры, если понадобится?

А тетка с закрытыми глазами лежит, на меня смотрит. Она веки не совсем опустила, узенькие щелочки остались – вот через эти щелочки и смотрит. А веки у нее морщинистые, большие. У других никогда не замечаешь, есть веки, нет век. А ее веки сразу заметить можно. И нос ее можно сразу заметить: треугольная пластинка такая прозрачная. Когда она в платке, нос у нее еще длиннее, а сейчас он короче, но все равно длинный.

Тетку, конечно, интересовало: что это? Пришел мальчик, до этого ей неизвестный, пальто не снимает, снял только шапку, кусочек хлеба взял – спасибо не сказал. И стоит себе. Вроде бы и с Вовой пришел, а с Вовой не разговаривает, да и Вова с ним не разговаривает. Чего он, спрашивается, хочет?

Наконец тетка – молодец! – взяла инициативу.

– Ты чей? – спрашивает. – С нашего двора?

– Да, – говорю, – с нашего двора.

Тетка замялась как-то – думает, чего спросить. А я думать перестал: пусть лучше тетка думает – взрослая все-таки...

– Ты Вову ждешь? Он ведь гулять не пойдет.

И я понял: мне говорят, уходи.

И я – такой я безвольный! – хотел повернуться и уйти. Но в последний момент не повернулся. В последний момент – откуда взялось?! – сказал:

– Я за хлебом пришел...

Тетка на локтях привскочила, расчихлила глаза и расчихленные глаза свои в меня воткнула. Немой вопрос – за каким это хлебом?! – сверлил, буравил. Немые вопросы для меня были в новинку – до этого вопросы мне подавали в словесной форме. И вот стою, жду словесную форму, то на пол смотрю, то на тетку, то снова на пол.

– За каким... хлебом? – прохрипела тетка (дождался-таки).

– За нашим, – прохрипел я. И удивился: откуда хрип? И проглотил комок, потому что волновался. И посмотрел тетке в глаза, чтобы поняла, что правду говорю.

А тетка – глаза круглые – не моргая смотрит, осмыслить пытается. Вовастый у окна, глазами так вообще ушел в окно, будто он здесь ни при чем.

– Это Вовастый... Это Вова наш хлеб принес, – помогаю

тетке понять. Деликатно так...

И тетка зашевелилась. Тетка на бок повернулась и уже на один локоть опирается. И в результате поворота тетка оживленной получилась: глаза у нее заблестели, отвороты рубашки на груди сжимает (моя мама тоже так делает, когда я ее в рубашке вижу).

– Это хорошо, что ваш! Мог бы чей-нибудь, а тут – ваш! – забормотала тетка, и голос хриплый, веселый.

– Ваш так ваш... Не все ли равно, чей?.. Правда, сынок?

Я подумал, что сынок – я, и хотел сказать: «Правда», но увидел, что Вовастый на тетку смотрит, и решил, что сынок – это Вовастый, и отвечать ему.

– Ваш – теперь наш! – продолжала тетка. – Ты хочешь есть, и Вова хочет есть...

«Верно ведь!» – подумал я и придумал решение, компромиссное конечно: разрезать пайку. Половинку – мне, половинку – Вова (раз мы оба есть хотим). Но сразу вспомнил, что дома у меня – мама и папа, а у Вовастого – тетка, поэтому внес поправку – поделить на пять частей. Три части – нам, две – Вовастому с теткой. Но свою идею я не стал выкладывать: во-первых, говорила тетка, и перебивать неудобно, а во-вторых, вообще я решил до времени попридержать идейку.

– Он еще, может, больше, чем ты, хочет! – говорила тетка. – Он покрупнее тебя, ему, может, больше надо... Он хлеб добывал – и добыл! Значит, это его хлеб!.. И никто не знает,

что это твой хлеб... Ну, кто знает, что это твой хлеб?.. Никто не знает. И что, ты хочешь, чтобы я сказала Вове: «Отдай ему хлеб»?! А Вовка будет голодный?! А ты хлеб получишь?! А по какому это праву Вовка будет голодный, а ты хлеб получишь?!

И я не мог понять: чего это тетка говорит, распинается? Я уже сам понял, что хлеб этот – ничейный, и получит его тот, кто больше нуждается, и тот, кто больше постарался его получить. И мне было стыдно стоять посреди комнаты в роли сборщика налогов, кредитора, пристава-урядника – таких ролей я не знал, но, наверное, догадывался, что такие роли были, есть. И казалось стыдно вживаться в такую роль, и я готов был от нее отказаться, хотя других интересных ролей не предлагали, и уже готов был поделить пайку пополам, но тетка все говорила и слово вставить не получалось. И вот она уже не полулежит, а сидит в кровати, и не веселая, как поначалу казалось, а сердитая, и волосы распущенные... Раньше за затылком умещались, потому что немного волос-то, а сейчас – во все стороны: и на левое ухо, и на правое, и на лоб – на все стороны хватило волос. И этот волосяной цветок опять на бабу-ягу смахивать начал. Но я – ничего. Стою, слушаю и слышу, как она говорит, что ей Вовку кормить нечем.

– Чем я Вовку кормить буду?! – спрашивает – и не ждет ответа, говорит дальше. – Отец Вовку на меня оставил! – говорит тетка, и при этом левой-то рукой она опирается, а правой рубашку уже не придерживает – в помощь словам пра-

вую руку пустила, жест у нее необычайно выразительный, доходчивый был жест. – Ведь на мне же Вовка!.. Мне ж отчитаться им надо!.. Я должна умереть хоть, но его вытянуть!

Вовастый стоял так... На тетку смотрел серьезно, и было видно, что он положительно относится к теткиной программе.

– И пусть все что угодно говорят, но я его вытяну! Мне отцу его передать надо не праведником, а живым!..

Что такое праведник, не понял, но уловил идею.

И уже все, решил предложить. Решил отказаться от своей половины пайки, чтобы спасти жизнь Вовастому, но тут тетка спросила:

– Ты что, с нашего дома? – спокойно так, с каким-то праздным любопытством, будто в темноте у своего подъезда чью-то фигуру увидела и не испугалась ничуть, а так, из интереса глаза прищурила, взглянула искоса и бросила: «Эй!.. Кто это там?»

– Ты что, с нашего дома? – спросила тетка, волосы прибрала и улеглась на подушку.

– Да, – сказал я, – с нашего...

И подумал, что вот сейчас будет укорять: дескать, с нашего же дома ты, а так некрасиво поступаешь! А тетка головой повела, в сторону Вовастого глаза завернула...

– Это что, его пайка? – спросила тетка. Вовастый – физиономию вправо и правым плечом пожал... Понимай так, что, дескать, может, и его... Безучастно, будто ничего его не

касается, будто вот он свое дело сделал, а там – разбирайтесь.

А тетка улыбнулась – хоть и кривовато, но добро:

– Отдай ему, Вовочка... Отдай!.. Его ведь!.. Отдай, Вовочка... Пусть... Отдай ему...

Вовастый, казалось, ждал приказа: оттолкнулся от подоконника, к столу подошел, пайку взял, пайку мне протянул. Пайку я взял, даже не засомневался, брать или нет, потому что в тот момент, когда тетка сказала: «Отдай!.. Его ведь!.. Отдай...», я сразу же как-то понял или вспомнил, что пайка эта вовсе не ничейная, а моя. Вернее, наша! Нашей семьи! И ни к чему ее распределять между мной и Вовастым, а надо взять целиком и унести домой, как положено по закону. А Вовастый тут ни при чем.

Судите-рядите, но мне и сейчас за свой поступок не стыдно. Формула «все мое – только мне!» – плохая формула, конечно. Но мне и сейчас не стыдно. Уж как-то так...

Весы добра! Моя чаша тогда немного весила, наверное. Но както так... Я больше стыжусь тех минут, когда хотел делиться, когда хотел отдать полпайки Вовастому. А стыдное, по-настоящему стыдное было потом, спустя десять минут... И я взял пайку, присовокупил к ней вспотевший довесок, вспомнил, что надо сказать, когда из гостей уходишь, сказал: «До свидания» – и пошел прочь. И на ходу шапку надевал.

Вовастый за мной – провожать. В коридор вышли, я о сундук споткнулся, падать начал – Вовастый меня на лету поймал, сказал:

– Тише.

– Чего это у вас афиши висят? – спросил я.

– Теткины. Артистка она, – сказал Вовастый и дверь открыл на лестницу.

– А-а, – сказал я. – Выходи завтра во двор.

– Ладно, – сказал Вовастый и дверь захлопнул.

И тогда я сделал первый шаг к своему позору.

Я шагнул, еще раз шагнул и начал спускаться по лестнице... К своему позору... Держа в руках пайку, потому что класть в карман незавернутый хлеб негигиенично.

Во двор вышел. Во дворе темно было. Произошло в этой темноте то, что я стараюсь не помнить...

Во дворе я на Константиныча наткнулся.

– Чего ты гуляешь? – спрашиваю. – Темно уже.

– Да, – сказал Константиныч, – темно... Маму встречаю. Темно уже, а ее нет, – а сам на пайку смотрит.

– А-а, – говорю я, а сам думаю, как это я домой приду, и что будет, и как мама с папой обрадуются, и как я объяснять буду...

– Дай чуть-чуть пожевать, – говорит Константиныч.

– Потом, – сказал я и пошел домой. – Потом, – сказал я легко и просто и пошел домой.

И это бессмысленное «потом» звенит в памяти! До сих пор! И еще я, помню, брови нахмурил: неприятно было, что пристают, просят. Просить? Какое имеет право Константиныч просить? Совсем, можно сказать, посторонний чело-

век. Так кто угодно может попросить! Всем давать, что ли?! Пайка мне принадлежала и моей семье принадлежала, могла принадлежать еще Вовастому с теткой, но те отказались, а Константиныч – совсем ни при чем!

И вот теперь звенит «потом» и память Константиныча выталкивает! Я его обратно – а память снова выталкивает. И не потому, что он умер (недели через две Константиныч умер, а с виду так и не скажешь, что голодал), а потому, что не было мне до него никакого дела!

И я прошел мимо Константиныча, углубленный в себя, в свой успех, в свое счастье, в свою пайку. По закону я имел право быть безразличным. По закону. В тот вечер я уже знал этот закон.